

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Урартские клинообразные надписи заслуживают внимания прежде всего потому, что вместе с ассирийскими надписями они являются важнейшим источником по истории Урарту, древнейшего государственного образования на территории Советского Союза и соседних с Урартским государством стран. Урарту — одно из могущественных древневосточных государств, оказавшее влияние на развитие соседних народов Кавказа, Малой Азии, Ирана и Месопотамии. Без изучения его истории невозможно правильное понимание ряда исторических процессов и, в частности, процесса формирования современных народов Закавказья и их государственности. Не менее ценны урартские эпиграфические памятники и в языковом отношении: они дают основной материал для изучения урартского языка и используются при изучении хурритского языка, ввиду обнаруживающегося близкого родства этих двух языков. Изучение урартского языка помимо практического применения для чтения источников, приобретает определенное значение в свете задач, поставленных перед советской наукой И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания», для разрешения общих теоретических вопросов науки о языке. В развитии изучения урартского языка работы И. В. Сталина по вопросам языкознания сыграли огромную роль. Они помогли специалистам-урартоведам разоблачить антинаучные марровские теории в области урартоведения и дали прочную теоретическую базу для конкретного изучения грамматических и лексических явлений урартского языка. Так как интерес к истории государства Урарту непрерывно возрастает, а урартский язык все еще недостаточно изучен, издание и изучение урартских эпиграфических памятников является крайне необходимым.

Урартские эпиграфические памятники уже давно привлекают внимание исследователей¹. В 1828—1829 гг. Ф. Шульд в Ванском районе обнаружил и скопировал более сорока урартских клинообразных надписей, в том числе и текст знаменитой «Хорхорской летописи» Аргишти I. В продолжении ближайших десятилетий копии или эстампажи отдельных урартских надписей снимались неоднократно. После того как в середине прошлого века была прочитана ассиро-вавилонская клинопись, началась также расшифровка и урартских клинообразных надписей. Первые попытки были неудачными. Лишь работа Сэйса «The cuneiform inscriptions of Van» (J RAS, 1882 г.) положила начало успешной расшифровке урартских надписей. Сэйс дал таблицу урартских клинообразных знаков, грамматический очерк, опубликовал все известные

¹ Подробнее об истории изучения урартских эпиграфических памятников, урартского языка, истории и культуры Урарту см. в работах: И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, Л., 1935, стр. 3—44; Б. Б. Piotrovskiy, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 1—22. В этих же работах даются ссылки на соответствующую литературу. Критический разбор этих работ см. ниже.

тогда урартские надписи в транскрипции и переводах. Опираясь на идеограммы, употребляемые в урартских текстах в том же значении, в каком они употребляются в ассиро-вавилонской клинописи, Сэйс смог дать в основном правильный по смыслу перевод урартских текстов. В настоящее время работа Сэйса сильно устарела, но она представляет некоторый интерес в отношении издания тех надписей, для которых Сэйс пользовался неопубликованным ни до, ни после него материалом.

Интерес к урартским клинообразным надписям в России наметился очень рано. Важнейшую роль в изучении урартских эпиграфических памятников и урартского языка сыграли работы знаменитого русского ассириолога М. В. Никольского. Вместе с археологом А. А. Ивановским он совершил в 1893 г. обследование урартских надписей и других урартских древностей на территории тех районов Закавказья, которые когда-то входили в состав государства Урарту. Результатом этой экспедиции и многолетней работы М. В. Никольского над урартскими памятниками явился его капитальный труд «Клинообразные надписи Закавказья» (МАК, V), изданный в 1896 г. Эта работа, образцовая в отношении публикации всех известных тогда урартских надписей Закавказья, значительно продвинула вперед изучение урартского языка в смысле уточнения значения ряда грамматических форм и слов этого языка. Наряду с М. В. Никольским, из русских ассириологов, работавших над урартскими эпиграфическими памятниками, можно назвать В. С. Голенищева, обработавшего важную Звартноцскую надпись.

В 1898—1899 гг. немецкие ученые К. Ф. Леманн-Гаупт и В. Бельк обследовали всю территорию бывшего Урартского государства и произвели раскопки в г. Ване, на месте древней столицы Урарту. Результатом работы Леманн-Гаупта и Белька над эпиграфическими памятниками явилось предпринятое Леманн-Гауптом издание полного сборника урартских надписей — *Corpus Inscriptionum Chaldicarum*, не доведенное, однако, им до конца. Вышли два выпуска сборника в 1928 и в 1935 гг., в них опубликованы 110 надписей Сардури I, Ишпуини и Менуа, причем дана лишь транскрипция этих надписей с примечаниями. Переводами и разбором снабжены лишь некоторые надписи. В транскрипции надписей немало ошибок и серьезных неточностей. Более ценным является опубликование фотоснимков оригиналов или отдельных частей целого ряда надписей, некоторых из них впервые. Но в целом издание не стоит на уровне успехов урартведческой науки своего времени, так как Леманн-Гаупт упорно отказывался принять ряд правильных выводов новых исследователей урартского языка.

В деле выявления новых эпиграфических памятников больших успехов добила экспедиция Русского Археологического общества под руководством И. А. Орбеля. Раскопками в Ване в 1916 г. был открыт текст пространной летописи Сардури II, обогативший новым ценным материалом исследователей урартского языка.

Из новейших исследований буржуазных ученых по урартской эпиграфике и языку следует отметить работы И. Фридриха¹ и А. Гётце², в которых дано правильное определение ряда важных грамматических категорий. Работы М. Церетели³ в области урартской эпиграфики, в том числе грамматический очерк урартского языка, ничего существенного не внесли. Они отличаются слабостью аргументации в объяснении явлений грамматической структуры языка, произвольностью в переводах и определении грамматических форм. Для М. Церетели характерен поверхностный, неисторический

¹ См. OLZ, 1929, стб. 266—270; «Caucasica», VII, VIII; ZA, N.F., VI, H.3/4; Arch. Or., III, № 2, IV, № 1; J. F r i e d r i c h, Einführung ins Urartäische, 1933; OLZ 1935, стб. 425—433; «Acta Jutlandica», IX, 1937; AfO, XIII (1940), H.4/5.

² См. ZA, N.F., V (1929), H. 1/3; JAOS, 55, (1935), № 3; RHA, fasc. 22, 24, 1936.

³ См. его «Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu», «Sitzungsberichte der Heidelb. Akad. der Wissenschaften», Philos.-hist. Klasse, 5 Abhandlung, Heidelberg, 1928; а также в RA, XXX (1933), № 1; XXXII (1935), № 1, 2; XXXIII (1936), № 2, 3; XLIV (1950), № 4; XLV (1951), № 1, 4.

подход к изучению грамматического строя урартского языка, что проявилось, например, в отрицании им родственных связей между урартским и грузинским языками.¹

Интерес к изучению языка, истории и культуры Урарту, проявлявшийся еще в дореволюционной России, особенно возрос в советское время. На той территории бывшего Урартского государства, которая входит в состав Советского Союза, уже давно развернулась большая работа по изучению урартских древностей: изучались вооружения урартской эпохи, производились раскопки, были открыты новые урартские надписи, опубликовывался материал археологической экспедиции 1916 г. и новых раскопок.

В 1922 г. Н. Я. Марром был издан текст летописи Сардури II, им же были опубликованы и другие вновь открытые надписи. Но издания Н. Я. Марра пестрят ошибками в транскрипции и отличаются произвольностью переводов надписей. Это объясняется тем, что Н. Я. Марр к изучению урартского языка подошел с неправильными, ненаучными методологическими установками. Не выявив конкретных показателей родства урартского языка с грузинским, Н. Я. Марр стал на путь огульного объяснения урартского материала данными грузинского языка.

Мы вправе сравнивать ту или иную урартскую грамматическую форму или то или иное урартское слово с формой или со словом какого-нибудь другого языка лишь тогда, когда на основании самого урартского материала известно хотя бы приблизительное значение данной формы или данного слова. С другой стороны, к сравнению могут быть привлечены лишь те формы или слова, которые действительно выявляют сходство по своему звуковому составу. Н. Я. Марр мало внимания обращал на то,

¹ М. Церетели неправильно понимает такое важное явление грамматического строя урартского языка, как так называемая эргативная конструкция. Урартский язык при переходном глаголе, по всей вероятности, знал лишь одну конструкцию, которая ставит субъект в эргативном падеже. Но для современного грузинского литературного языка характерна вовсе не одна лишь эргативная конструкция, но, наряду с ней, также номинативная, дательная и индефинитная. Субъект переходного глагола в грузинском ставится в эргативном падеже лишь во второй группе времен. Именно это и дает возможность М. Церетели говорить о различии структуры урартского глагола со структурой грузинского глагола и, в конечном счете, отрицать само существование эргативной (по его номенклатуре «пассивной») структуры урартского переходного глагола (РА, XXXIII (1936), стр. 129—132). Но сравнивать то или иное явление грамматической структуры урартского языка с одним лишь современным грузинским, взятым изолированно, конечно, недостаточно. Грузинский (картский) язык, как известно, является одним из представителей картвельской семьи языков, в которую входят кроме него также мегрело-чанский и сванский. Со своей стороны, картвельская семья языков является одной из составных частей кавказской семьи языков, в которую кроме нее входят многие горские кавказские языки. Языки кавказской группы не стоят так близко друг к другу, как, например, языки индоевропейские или семитические. Поэтому недостаточно сравнивать урартский язык с одним лишь грузинским, как это делалось обыкновенно до сих пор, а нужно его сравнивать с разными представителями кавказской семьи языков, что, несомненно, откроет совсем другие перспективы в определении родства урартского языка с кавказским языковым миром. Та самая эргативная конструкция, ограниченное употребление которой в современном грузинском так смущает М. Церетели, в одном из картвельских языков — в чанском — и ныне является единственной конструкцией переходного глагола (взятого в третьем лице). С другой стороны, историческое изучение самого грузинского языка показывает, что наличие названных четырех разных конструкций грузинского переходного глагола вовсе не является изначальным явлением, что в древности эргативная конструкция была единственной конструкцией переходного глагола в грузинском языке, а номинативная конструкция при переходных глаголах — лишь позднейшее образование (А. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I, 1948, стр. 147).

что нам говорит сам урартский материал по вопросу о значении той или иной урартской грамматической формы или отдельных слов. Взяв какое-нибудь урартское слово, он его произвольно связывал с каким-либо грузинским словом, иногда весьма малопохожим по своему звуковому составу. Таким образом, «устанавливались», с одной стороны, значения урартских слов и форм, а с другой — с изумительной легкостью получались урартско-грузинские лексические и морфологические параллели. При этом средством никем не установленным и никем не засвидетельствованным фонетическим соответствиям и фонетическим изменениям он объявлял совершенно не похожие друг на друга слова общими урартско-грузинскими словами. К этому присоединялись еще магические упражнения мистическими «четырьмя элементами». Следовательно, если не считать положительный сам по себе факт ознакомления научной общественности с новыми надписями, работы Н. Я. Марра по урартскому языку и урартской эпиграфике ничего положительного не дали.

С 20-х годов начали публиковаться работы акад. И. И. Мещанинова, посвященные изданию урартских надписей, а также отдельным вопросам урартского языка и истории Урарту. Эти работы, в частности его книга «Халдоведение», вышедшая в 1926 г., сыграли определенную положительную роль в развитии исследовательского интереса к урартским древностям. Но, ведя исследование в основном порочными ненаучными методами Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов не мог сколько-нибудь значительно продвинуть вперед изучение урартского языка¹.

Развитие советского урартоведения особенно быстро продвинулось вперед с конца 30-х годов, когда начались раскопки на холме Кармир-блур (близ Еревана) древне-урартской крепости Тейшебаини. Эти раскопки, ведущиеся и поныне под руководством Б. Б. Пиотровского, дали исключительно ценный материал для истории и культуры Урарту. Немаловажными были также открытые здесь урартские эпиграфические памятники. Первые результаты Кармир-блурских раскопок были подытожены Б. Б. Пиотровским в его сводной работе «История и культура Урарту», вышедшей в 1944 г. и удостоенной Сталинской премии. Кроме того, Б. Б. Пиотровский опубликовал ряд новых надписей.

Много поработал над изучением урартского языка Г. А. Капанцян. Им посвящено немало работ публикации урартских надписей, исследованию отдельных вопросов языка, истории и культуры Урарту.

Ряд интересных работ, посвященных публикации некоторых урартских надписей и отдельным вопросам урартской эпиграфики, языка и истории Урарту принадлежит И. М. Дьяконову. Ценный вклад в советское урартоведение внес И. М. Дьяков, опубликовав на страницах «Вестника древней истории» в 1951 г. (№ 2, 3, 4) сборник «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту».

Можно отметить также образцовое издание урартских надписей в работе Г. В. Перетели «Урартские памятники Музея Грузии» (Тбилиси, 1935), а также работы М. А. Израелия², Н. В. Арутюняна³ и др. Смело можно сказать, что в настоящее время советские ученые занимают первое место в мире в разработке вопросов языка, истории и культуры Урарту.

В издании сборника урартских клинообразных надписей чувствуется неотложная необходимость. Число урартских надписей в настоящее время приближается

¹ Лишь работа «Язык Ванской клинописи» (часть II), вышедшая в 1935 г., выгодно отличается от других его работ, в основном правильно излагая вопросы грамматической структуры урартского языка.

² Обработала все Армавирские надписи в своей кандидатской диссертации «Исторический Армавир по урартским надписям» (на арм. яз., 1948), а также опубликовала ряд других урартских надписей.

³ Обработал «Хорхорскую летопись» Аргишти I в своей кандидатской диссертации «Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту» (1951 г.)

к 400. Но публикации этих надписей разбросаны по десяткам труднодоступных изданий с разнообразной системой транскрипции; подавляющее большинство этих изданий сильно устарело, изобилует грубыми ошибками в чтении текстов, не говоря уже о переводах. Отдельные важные надписи изданы без транскрипции и переводов, опубликованы лишь их фотоснимки.

Настоящая работа ставит своей целью, по мере возможности, исправить это положение и сделать урартский эпиграфический материал доступным для широкого круга специалистов, интересующихся историей стран древнего Востока, древнейшей историей народов СССР, а также проблемами грамматической структуры урартского и родственных ему языков. Она основана на изучении клинообразного текста издаваемых памятников. Материалом для этого служили: 1) опубликованные в разных изданиях фотоснимки и автографии урартских клинообразных надписей; 2) урартские клинообразные надписи, хранящиеся в музеях Грузии и Армении; 3) наскальные урартские надписи, находящиеся на территории Арм. ССР, которые изучались нами во время командировок в Арм. ССР в 1949—1951 гг.; 4) наконец, впервые использована богатая коллекция эстампажей и гипсовых слепков урартских надписей (более 50 экз.), хранящаяся в Отделе археологии Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа (в Тбилиси)¹.

В нашей работе урартские клинообразные надписи даются единой, наиболее распространенной ныне в ассириологии системой транскрипции. Чтения подавляющего большинства публикуемых надписей даются непосредственно по клинообразному тексту оригиналов. В урартских надписях еще много неясного как в понимании отдельных грамматических форм, так и лексики. Мы стремились как можно меньше обременять работу сомнительными предположениями, высказанными в научной литературе о значении отдельных урартских слов или грамматических форм. Так же и в отношении транскрипции мы не сочли нужным указывать на все ошибочные чтения других исследователей, особенно если их ошибочность не вызывает сомнения. Все же при настоящем уровне наших знаний урартской эпиграфики и урартского языка мы не могли избежать включения в работу ряда малообоснованных и спорных предположений. Примечания к транскрипции и к переводу служат, главным образом, обоснованием принятых автором чтений и понимания отдельных мест надписи. О значении отдельных урартских слов речь идет в конце сборника, в указателе урартских слов.

Указания на местонахождение упоминаемых в урартских надписях пунктов, сведения исторического характера о лицах, упоминаемых в урартских текстах, включены в соответствующие указатели собственных имен и географических названий. При каждой надписи даются сведения о ее местонахождении, о материале, на котором она высечена, и изданиях с указанием, что конкретно содержит то или иное издание: фотоснимок (сокращенно: Ф), автографию (А), транскрипцию (Т) или перевод (П) издаваемой надписи. Из изданий, вышедших до работ Сэйса (1882), отмечаются лишь те, которые содержат автографии надписей. В конце сборника даются указатели: 1) урартских слов, 2) идеограмм и детерминативов и 3) собственных имен и географических названий.

В заключение нельзя с благодарностью не отметить помощь, оказанную нам проф. Б. Б. Пиотровским, благодаря любезности которого мы имели возможность задолго до их публикации знакомиться с его работами о найденных урартских эпиграфических памятниках и таким образом всегда быть в курсе новых открытий в области урартской эпиграфики. С благодарностью должны отметить также всевозможную поддержку и помощь, оказанную нашей работе руководителем Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР акад. Н. А. Бердзенишвили.

¹ Фотоснимки их, выполненные зав. фотолабораторией ИИ АН Груз. ССР Ю. Д. Паховым, прилагаются к настоящей работе.

ПИСЬМО И ЯЗЫК УРАРТСКИХ КЛИНООБРАЗНЫХ НАДПИСЕЙ

Урартский язык — язык создателей государства Урарту. Племена, говорившие на урартском языке, во II—I тысячелетиях до н. э. были широко распространены на огромной территории вокруг Ванского озера. Мы их находим на восточном побережье Ванского озера, в районе нынешнего города Вана (здесь была столица Урартского государства — Тушпа). К юго-востоку от Ванского озера, в районе нынешнего города Ревандуз находился религиозный центр Урарту — город Мусасир, население которого говорило на одном из урартских говоров¹. Район Мусасира являлся, по-видимому, южной границей распространения урартского языка — он непосредственно примыкал к территории распространения ассирийского языка. Население находящееся на северном побережье Ванского озера страны Зиукуни, по всей вероятности, также было урартским². Судя по ономастическому материалу, урартские племена были распространены еще севернее, до южных районов Закавказья, вплоть до Араратской долины и района Севанского озера включительно³.

Основным материалом для изучения урартского языка являются урартские надписи. Дополнительные сведения можно извлечь из ассирийских источников, где засвидетельствовано немало собственных имен, относящихся к Урарту. Определенную помощь оказывают нам данные хурритского языка, в близком родстве с которым находится урартский язык. Картвельские (картский, т. е. грузинский, мегрело-чанский и сванский) и вообще кавказские языки также оказывают помощь в правильном понимании ряда явлений грамматического строя урартского языка и в изучении его лексического состава.

Древнейшими надписями урартских царей являются надписи из города Вана урартского царя Сардури, сына Лутипри (тридцатье годы IX в. до н. э.), составленные на ассирийском языке. Первые надписи, составленные на урартском языке, мы имеем лишь от преемника этого царя — Ишпуини. Начиная с этого момента (последняя четверть IX в.), надписи в Урарту составлялись в основном на урартском языке (имеются лишь два случая составления надписей на двух языках — на урартском и ассирийском, и то обе эти стелы с двуязычными надписями (№№ 19 и 264) поставлены на территории Мусасира, близ Ассирии). Самыми поздними из урартских надписей являются надписи последнего (?) царя Урарту Руса III, сына Эримена (начало VI в. до н. э.).

УРАРТСКОЕ КЛИНООБРАЗНОЕ ПИСЬМО

Для составления урартских надписей употреблялась главным образом клинообразная система письма. Наряду с этим в Урарту существовало местное иероглифическое письмо, на котором имеется одна надпись на глиняной табличке⁴, а также часто даются обозначения емкости на многих больших сосудах, происходящих из Урарту⁵.

Клинообразное письмо, на котором составлено огромное большинство урартских надписей, урартийцами заимствовано от ассирийцев. Клинообразные знаки в урарт-

¹ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41—48, а также ниже главу «Следы мусасирского говора урартского языка».

² На это указывает, например, наличие в пантеоне урартских божеств бога, носящего такое же имя: Zi(u)qipī, в лице которого перед нами, очевидно, главный местный бог, покровитель страны Зиукуни — см. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адильджеваза, «Сообщения АН Груз. ССР», XI (1950), № 10, стр. 689 сл. Об урартском характере населения Зиукуни говорит также сходство названия этой страны с названием одной из стран Уруатри в надписях Салманасара I — Зингун (ср. И. М. Дьяконов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 267).

³ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Днаухи, ВДИ, 1950, № 4, стр. 30—34.

⁴ С. F. L e h m a n n - H a u p t, Materialien, стр. 108.

⁵ Б. В. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, стр. 285.

ском письме имеют приблизительно такое же очертание, какое имеют соответствующие знаки в ново-ассирийской клинописи. Это обстоятельство говорит о том, что IX век до н. э., когда появляются первые урартские надписи, в то же время является временем заимствования урартийцами клинописи от ассирийцев¹.

Надписи в Урарту главным образом делались на камне: вырезывались на строительных камнях, на каменных стелах, на базах колонн, на скалах. Но имеются надписи и на других материалах: на глиняных табличках, предметах из бронзы, кости и т. д.

В то время как урартское письмо на глиняных табличках графически очень близко стоит к ассирийскому, в надписях на камне клинообразные знаки приобрели отличную от ассирийских знаков форму, определявшуюся характером материала для письма. В отличие от ассирийских знаков, имеющих треугольную головку и стержень в виде линии (рис. 1, табл. I), урартские знаки представляют собою равномерно суживающиеся клинья, наподобие сильно вытянутых треугольников (рис. 2). Урартская клинопись также своеобразна тем, что иногда превращает наклонные группы клиньев в горизонтальные и наоборот (см., например, знаки для *mu*, *te*, *la*); кроме того, для нее характерно рассеечение пересекаемых клиньев на два клина (см. рис. 3—10; то же явление наблюдается в знаках для *har*, *ir*, *ni*, *pa*, *sa*, *su*, *us*, и т. д. — см. табл. урартских клинообразных знаков). Своеобразно и написание знака для *li* (рис. 11 и 12)

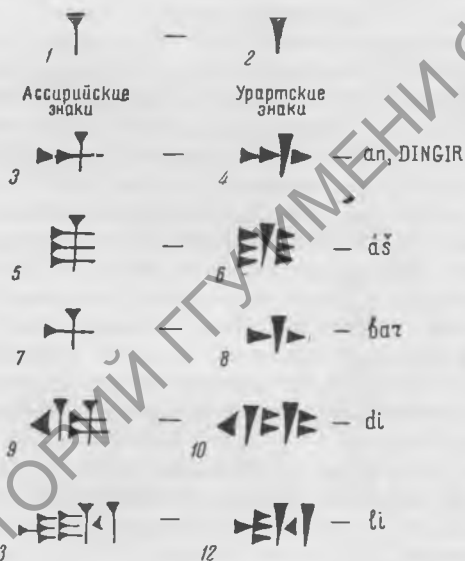

Таблица I. Рис. 1—13

Нужно отметить, что эти характерные палеографические черты урартской клинописи хотя и редко, но все же встречаются и в ассирийской клинописи². С другой стороны, своеобразная форма знаков выдерживается не во всех урартских текстах. Нередки случаи, когда клинья имеют ассирийскую форму и горизонтальные клинья пересекают вертикальные так же, как в ассирийской клинописи (в таких случаях и *li* обыкновенно имеет ассирийскую форму — рис. 13 — см., например, в надписях №№ 266, 276, 280, 281. Но это правило не всегда соблюдается, иногда в одной и той же надписи встречается вышеуказанное двойное написание *li* — см, например, надпись № 99). Таким образом, можно говорить о двух видах урартского

¹ Ср. И. И. Мещанинов, Халдоведение, стр. 64 сл.; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 285 сл.; И. М. Дьяконов, Фрагменты клинописных текстов из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре, ЭВ, II (1948), стр. 88; он же, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV (1951), стр. 103.

² И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV (1951), стр. 104.

клинообразного письма: об «ассирийском» и о специфическом урартском. Как правило, в той или иной надписи последовательно употреблен или «ассирийский», или же урартский вид письма. Древнейшие надписи — надписи Сардури, сына Лутипри, составлены «ассирийским» видом клинописи (№№ 1, 2, 3); в надписях его сына Ишпуини впервые появляется «урартский» вид письма (см. надписи №№ 4—10, 13). В надписях, составленных от имени Ишпуини и Менуа, доминирует «ассирийский» вид письма (см. №№ 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27), и лишь в одной надписи (№ 23¹) встречаются «урартские» формы знаков. В надписях царя Менуа употреблен уже преимущественно «урартский» вид письма (см., например, №№ 28—72, 79, 81—92, 100, 101, 104—108, 110, 111, 118, 119, 120). «Урартский» вид письма достигает полного господства во время правления преемника Менуа, царя Аргишти I и его сына Сардури II, почти во всех надписях которых, за редким исключением², знаки имеют «урартскую» форму. После Сардури II начинается обратный процесс: в царствование его преемника, Руса I, появляются надписи, употребляющие один «урартский» (№№ 265, 267), другие же «ассирийский» вид письма (№№ 264, 266, 268). Во всех дошедших до нас надписях VII (—VI?) в. до н. э. клинообразные знаки имеют «ассирийскую» форму.

Основные принципы урартской письменности такие же, как и ассирийской или какой-нибудь другой клинописи. Здесь имеются знаки для гласных, слоговые знаки, идеограммы, т. е. знаки, обозначающие понятия (например, «земля», «вода», «страна», «бог» и т. п.)³, и, наконец, детерминативы, т. е. знаки, определяющие характер тех слов, в связи с которыми (обыкновенно перед которыми) они стоят (так, например, перед именами богов ставится специальный детерминатив, перед названиями стран — детерминатив страны и т. д.). Урартийцы переняли не все знаки ассирийского клинообразного письма, а лишь часть их. Кроме того, тот или иной клинообразный знак заимствован ими не во всех тех значениях, которые имеет этот знак в ассирийской клинописи. В то время как знаки в ассирийской клинописи имеют обыкновенно несколько (часто более одного десятка) значений, в урартской письменности клинообразные знаки имеют обыкновенно одно или, редко, два-три значения. Таким образом урартское клинообразное письмо много проще ассирийской клинописи.

В приводимой ниже таблице урартских клинообразных знаков указывается, какие знаки имеются в урартской клинописи и в каких значениях⁴. Таблица отражает лишь тот материал, с которым мы знакомы сейчас. Возможно, что в дальнейшем откроются тексты, в которых окажутся использованными еще другие клинообразные знаки или встречающиеся уже в урартских надписях знаки, но с другими, до сих пор не засвидетельствованными значениями. Теоретически возможно употребление в урартской клинописи всех знаков ассирийской клинописи во всех значениях, имеющих у этих знаков в ассирийском письме. Поэтому при изучении урартских клинообразных надписей необходимо опираться на сборники ассиро-вавилонских клинообразных знаков⁵.

¹ О принадлежности этой надписи Ишпуини и Менуа, а не одному Менуа (как это указывается в СИЧ, а также в других изданиях), см. Г. А. М е л и к и ш в и л и, ДИАУХИ, ВДИ, 1950, № 4, стр. 37, прим. 2.

² Такие случаи встречаются, например, в надписях на чашах из Кармир-блур.

³ Идеографическое написание слов в урартской клинописи встречается реже, чем в ассирийских надписях.

⁴ В таблице не отражена форма знаков курсивного письма (употребляется в надписях на глиняных табличках); в остальном в ней отражен материал, приводимый в транскрипции в нашем сборнике (указаны основные варианты в написании знаков). Таблицы урартских клинообразных знаков, нуждающиеся в настоящее время в поправках и дополнениях, см. у С э й с а в JRAS, XIV (1882), и И. И. М е щ а н и н о в а в работах «Халдоведение» и «Язык ванских клинописных надписей», ТИЯМ, I, 1932.

⁵ При транскрипции знаков урартской клинописи следуем системе Тюрро-Давженна и Деймеля.

ТАБЛИЦА II. ТРАНСКРИПЦИОННЫЕ ЗНАКИ*

a		† duk	
a		dur _u	
ab		e	
† ak		el	
† ol		ga	
am		gi	
an		giš	
† ana		gu	
ap		gur	
ar		ha	
ar		hal	
aš		† har	
aš		har	
at/t, d		he	
ba		hi	
bal		† hir	
bar		hu	
† bat		† hur	
be		i	
bi		† i	
† bit		ia	
bu		ib	
bur		id	
da		† ik	
† dan		il	
de		† in	
di		ip	
dí		† iq	
din		ir	
diš		is	
du		iš	

* Знаком † отмечены знаки, встречающиеся лишь в ассирийских текстах урартских царей.

it		pu	
ka		puṛ	
†kan		qa	
kaṛ		qaṛ	
ke		qi	
ki			
ku		qu	
†kul		qu	
kuṛ		quḷ	
la		ra	
†lat		ri	
li		ru	
†liḅ		sa	
†lik		†sak	
†liq		saḅ	
lu		saṛ	
ma		saṛs	
man		si	
maṛ		su	
†mas		so	
†maḅ		si	
maṭ		†siṛ	
me		su	
†mi			
mu		ṣā	
na		†ṣak	
†nap		ṣe	
ne		ṣi	
ni		ṣu	
†nin		ṣu	
†niḅ		†ṣúm	
nu		ṣur	
pa		ta	
†paḷ		†taḅ	
pi		tāk	

tar		u	
te		û	
tî		ul	
tu		† um	
tû		† un	
tum(?)	(см N276, лиц. стор. 36)	u7	
tè		u5	
tî		† ut	
tu		za	
† tur		zi	
tu5		zu	
† u			

Детерминативы

I детерминатив мужских имен
и племенных названий

âlu см. URU

amêlu см. LÛ

ANŠU детерминатив слов
„муп“, „пашада“, „коне“, „верблюд“

детерминатив божеских имен

GÎS детерминатив названий деревьев,
растений и деревянных вещей

GUD детерминатив названий разных
видов крупного рогатого скота

ÎD детермина-
тив названий рек

KI детерминатив названий
населенных пунктов и стран
(ставится позади названия,
к которому он относится)

KUR, acc mâtû детерминатив
названий стран, областей.

LÛ, acc amêlu детерминатив названий
профессий, групп, категорий людей,
а также слова „народ“
mâtû см. KUR

NA₄ детерминатив
названий камней и каменных
вещей.

ŠAL детерминатив женских
имен, а также слова „женщина“

UDU детерминатив
названий разных видов
мелкого рогатого скота

URU, acc âlu детерминатив наз-
ваний городов, населенных пунктов.

Идеограммы

A

(GUD) AB

LÛ

AD

LÛ

AD AD

o

adad

† alâku

alpu

() AB

см. ^DIM

см. GUD

бога

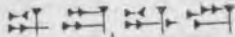
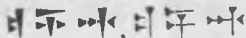
корова

опец

дед, предок

приходить, идти

âlu	см URU	
amâtu	см. INIM	
AM·SI	 	слон
*ana		аккадский предлог
AN·BAR	 	железо, железный
ANŠU·A·AB·BA	 	
	  	верблюд
ANŠU·GIR·NUN·NA	 	муд
ANSU·KUR·RA	 	лошадь, конь
*aplu		сын
ardu	см ERUM	
*arku		поздний, позднейший, будущий
lu		
A·SI	 	воин
bâbu	см KA	
*balâtu	 	жизнь
*bašû	 	быть, существовать
BE·LI	 	оружие
amêl		
bêl pa hâti	см ^{LU} EN·NAM	
bêlu	см EN	
BI·BU	 	скот (?)
bitu	см Ê	
damqu	см KURUN	
DAN·NU	 	могущественный, могущий
DINGIR, acc. ilu	 	бог
DU		делать, совершать, страсти
DUB, acc. tuppu	 	
	   	надпись
^{LU} DUMU	 	сын (сын города, гражданин)
*dûru		стена
Ê		дом
Ê·BAR	 	храм
Ê·BAR ŠÁ·DI	 	храм (букв. горный храм)
Ê·GAL	 	дворец, крепость, цитицель
*êkitta	 	храм
*eli		аккадский предлог

EN. ^{acc} <i>bēlu</i>		господин, владыка
ÉN		заклинание
^{LÚ} EN NAM, acc.		правитель области
^{amāt} <i>bēl paḥāti</i>		
[†] <i>erēžu</i>		делать, совершать
<i>erū</i>	см URUDU	
ERUM, acc. <i>arḫdu</i>		раб, слуга
^{LÚ} ERUM		раб, слуга
^{GIŠ} GAG ^{TI}		стрела
GAL		большой, великий
GAN		поле
GEŠTIN		вино, виноградник
^{GIŠ} GEŠTIN		вино, виноградник
GIBIL		новый
GIBIL		сжигать
^{GIŠ} GIGIR		колесница
GIŠ		дерево
GÜB		левый
GUD, acc. <i>alpu</i>		бык, крупный рогатый скот
GUŠKIN		золото
^{GIŠ} GU·ZA		трон
HÁ		много, множество; суффикс множественного числа
[†] <i>ḥadūtu</i>		радость
[†] <i>ḥarḫanu</i>		дорога
<i>ḥarḫanu</i>	см KASKAL	
IA		масло
ID		река
<i>ilū</i>	см DINGIR	
^D IM, acc. <i>adad</i>		бог Тейшеба
<i>imṣeru</i>	см UDU·NITA	
[†] <i>ina</i>		аккадский предлог
INIM, acc. <i>amātu</i>		вещь, предмет
[†] <i>isinnu</i>		праздник
[†] <i>ištu</i>		аккадский предлог
[†] <i>išū</i>		и мет

ITU		месяц
KA, acc. bāvu		ворота
+ kálu		все, в целом, совокупность
KASKAL, acc. haḫnānu		поязд, дорога
KI, acc. qaqqānu		земля
KI ^{ТМ}		земля
KIŠIB		печать
+ kiššatu		вселенная, мир
KÚ		есть
KÚ·BABBAR		серебро
KUR, acc. mātu		страна
KUR, acc. nuḫintu		вражеский
KURUN		счастливый, прекрасный, отли.
^{is} киоу	GIŠ см GU·ZA	
1 KÚŠ		локоть (мера длины)
+ ūa		аккадская отрицательная частица
LÚ		человек, мужчина
LUGAL		царь
LUGAL		царь
MAḤ		высокий
+ maḥar		перез
mātu		сын
MÁŠ TUR		козленок
mātu	см KUR	
MÈ		баз, основ
MES		знак множественного числа
MU, acc. šattu		год
muḫhu		в составном предлоге ипа muḫhu, но
NA ₄		камень
naḫānu	см SUM	
NAPHARU		итога, целиком
^{is} naḫkabi	GIŠ см GIGIR	
+ našū		приносит
NIG		собственность, принадлеж- ность
NIG·BA		дарить, преподнести
NIG·GA		собственность, принадлежность

[†] niqû amêlu niqû nišû	 sm. SISKUR LU sm. UKÙ	жертва, пожертвование
nikurzu	sm. KÚR	
NUMUN, acc zêzu giš NU-SAR	 	семья, потомство
PA ₅ giš PAN	 	сад
[†] pānu	 	канал
PIT-HAL-LU	 	лук
qaqqātu [†] qātu	 	в составном предложении pān (i) «перед»
rabû amêlu zê'u	sm. KI 	всадник, верховая лошадь
šilim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 sm. GAL LU sm. SIPAD	рука
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	здоровье бог, луны (Шеларди)
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	пастырь
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	жертва, жертвенное животное
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	горога
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	завать
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	брать
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	гора
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	(по)ставить, установить
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	правитель
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	хлеб (в поле)
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	хлеб (в поле)
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	ячмень
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	поражение, разгром
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	ассирийский местименный суффикс 3 "а, ед ч. («его»)
šulim ^D šin LU SIPAD, acc. zê'u	 	и др.

šumu	см. ŠUM	
TAG	𐎠𐎵. 𐎠𐎶	жертвовать, пожертвование
tā hāzu	см. MÈ	
TI	𐎠𐎶	живой
TI·LA	𐎠𐎶 𐎠𐎵	живой
+ tiqāru	𐎠𐎶	(медный) сосуд
giš TIR	𐎠𐎶 𐎠𐎶𐎶𐎶	лес
TÚG	LEI	платье, одежда
giš TUKUL, acc. tukultu	𐎠𐎶 𐎠𐎶	помощь, вспомогательный
+ tukultu	𐎠𐎶	мощь
is tukultu	giš см. TUKUL	
ṭuppu	см. DUB	
TUR	𐎠𐎵. 𐎠𐎶	маленький, маленький
UD (ME)	𐎠𐎵 (𐎠𐎶)	день
UDU	𐎠𐎵. 𐎠𐎵	овца, мелкий рогатый скот
UDU MĀŠ, acc. uṛīsu	𐎠𐎵 𐎠𐎶	козел
UDU·MĀŠ·TUR	𐎠𐎵 𐎠𐎶 𐎠𐎵. 𐎠𐎶	
	𐎠𐎶 𐎠𐎶	козленок
UDU·NITA, acc. imṣeru	𐎠𐎵 𐎠𐎶	баран
UKKIN	𐎠𐎶𐎶	все, все в целом, совокупность
UKÙ	𐎠𐎶	народ
ú UKÙ, acc. amēlu nīsu	𐎠𐎶 𐎠𐎶, 𐎠𐎶 𐎠𐎶	народ
+ ummānu	𐎠𐎶	войско
amēlu ummānu	ú см. ZAB	
+ umu	𐎠𐎶	день, время
+ mātu	𐎠𐎶	страна Урарту
uṛīsu	см. UDU·MĀŠ	
URU, acc. ālu	𐎠𐎶	город
URUDU, acc. eṛū	𐎠𐎶	медь, медный
UTU, acc. šamaš	𐎠𐎶 𐎠𐎶, 𐎠𐎶 𐎠𐎶	бог солнца (Шивини)
UTU ³¹	𐎠𐎶 𐎠𐎶 𐎠𐎶	бог солнца (Шивини)
UZU	𐎠𐎶, 𐎠𐎶	мясо
ú amēlu amēlu ZAB, acc. šālu, ummānu	𐎠𐎶 𐎠𐎶, 𐎠𐎶 𐎠𐎶	
	𐎠𐎶 𐎠𐎶 𐎠𐎶	воин, войско
ú ZAB·GĪR ³¹	𐎠𐎶 𐎠𐎶 𐎠𐎶	пеший воин

zakati		говорить
zêti	см. NUMUN	
"		разделительный знак

Числительные

1/2		1/2	LX		60
I		1			
II		2	LXX		70
III		3			
IV		4	LXXX		80
V		5			
VI		6	XC		90
VII		7			
VIII		8	ME		100
IX		9			
X		10	II ME		200
XI		11			
.....			LIM		1000
XX		20			
.....			II LIM		2000
xxx		30			
.....			X LIM		10000
XL		40			
.....			XII LIM		12000
L		50			

Из вышеприведенного списка урартских клинообразных знаков видно, что в урартской клинописи имеются знаки для гласных а, е, i, u, для дифтонга ia и для отдельных слогов — в большинстве случаев это знаки, обозначающие открытый слог, но (хотя и более редко) встречаются также знаки для закрытых слогов (например, знаки для: bal, bar, bur, din, dur, giš, gur, hal, har, kar, kur, man, mar, mat, pur, qar, qul, sal, sar, šur, tak, tar, tum (?), tuš).

Имеются случаи, когда клинописный знак имеет несколько значений, например, один и тот же знак употребляется для обозначения: dè, ne и tè; hi, tí и dí; giš и is; kur и mat; bur и pur; gu и qù; ri и sar₅.

Встречаются и обратные случаи, когда для обозначения одного и того же слога или гласного мы имеем разные знаки: например, для «у» имеем u и ú; для «ди» — di и dí; для «ар» — ar и ár; для «аш» — aš и áš; для «ку» — qu и qù; для «сар» — sar и sar₅; для «т(-ð) у» — tu и tú. Иногда знак, обозначающий гласный звук или слог, употребляется и как идеограмма (например: знак 14 табл. III означает «а» и «вода»; знак 15 табл. III означает kur, mat и «страна» и т. д.).

Некоторые знаки в урартской клинописи появляются в значениях, не засвидетельствованных в ассирийской клинописи, например, знак 16 табл. III, появляется в значении *gar* (обозначается как *gar₅*)¹, знак 17-й табл. III в значении *tum* (?) (276, лиц. стор., стк. 36) или знак 18-й табл. III в значении *dē*². Своеобразием урартского письма является также употребление для цифры «9» знака 19-го табл. III.

Определенное своеобразие наблюдается в урартской письменности также при употреблении двух детерминативов ассирийской клинописи: детерминатива, обозначающего профессию, группу, категорию людей и племенные названия (рис. 20 и 21 табл. III), и детерминатива лица мужского пола (рис. 22). Первый из них в урартской клинописи употребляется лишь как детерминатив профессий, категорий людей и никогда как детерминатив племенных названий; второй же, наряду с детер-

минативом мужских личных имен, употребляется также как детерминатив племенных названий (см. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 1).

В урартской клинописи, так же как и во всякой другой клинописи, текст читается слева направо. Обыкновенно урартцы писали в графленных строках. В письме слова ничем не отделялись друг от друга. Но выделение отдельных слов облегчается тем, что перенос не допускался, строго соблюдалось правило, по которому слово должно кончаться в той же строке, в которой оно началось. Этим нужно объяснить часто встречающееся явление, когда отдельные клинообразные знаки или стоят весьма близко друг к другу, или же находятся на

большом расстоянии друг от друга. Повидимому, на этом же основании встречается написание лишних гласных — так, например, написание вроде *lme-nu-ú-a-se* и *lme-nu-a-se* вовсе не говорят за то, что гласная «и» здесь является долгой³.

Характерной для урартских текстов особенностью (выступающей, правда, довольно редко) является сокращенное написание слов. Так, например, встречается сокращенное написание слова *Lūtarsuani* — «человек» — в виде *Lūta* или *Lūta ú* (155, B₃₉, D₃₂)⁴.

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА

Нужно помнить, что урартские клинописные знаки транскрибируются, передаются, по тому значению, которое имели эти знаки в ассирийской клинописи. Вполне вероятно, что ассирийская клинопись, использованная для передачи языка совсем другой, несемитической системы, не могла точно передать все звуки урартского языка. В ряде случаев тот или иной клинообразный знак, несомненно, был использован для передачи тех звуков или звуковых комплексов, которых не было в ассирийском языке. Если урартский язык действительно близко стоит к кавказской группе языков, то можно предположить, что в нем имелись разные чуждые для семитических языков аффрикаты, которыми так богаты кавказские языки. Но, к сожалению, пока что мы не в состоянии установить истинное произношение урартских знаков и вынуждены прида-

¹ См. J. Friedrich, Einführung, стр. 1.

² В шумерской клинописи, как указал нам акад. В. В. Струве, этот знак встречается в таком же значении. См. A. Deimel, Sumerisch-Akkadisches Glossar, 1934, стр. 72 b.

³ И. И. Мещанинов, Халдоведение, стр. 70; J. Friedrich, Einführung, стр. 1.

⁴ Cp. RA, XXXII (1935), стр. 32.

вать им то же звуковое значение, которое они имели в ассирийском. Несомненно, в ряде случаев это наше произношение лишь приблизительно передает соответствующие урартские звуки, а иногда, возможно, основательно отличается от него. Наряду с согласными, то же самое можно сказать и по отношению гласных. Клинопись передает лишь четыре гласных: а, е, і, u. Естественно допустить, что в урартском языке имелся также гласный «о», но вследствие того, что клинопись не была в состоянии передать этот гласный звук, в написании он остался неотраженным — для его передачи использовались знаки, содержащие u (так, например, в урартских надписях упоминается страна *quḥa*, название которой справедливо связывают с названием «Колхида»; это указывает на то, что в произношении слово *quḥa* звучало, повидимому, как «колха» и гласный «о» здесь передан именно через u).

Из согласных звуков в урартской клинописи отражены:

b «б»	m «м»	s «ц»
d «д»	n «н»	š «ш»
g «г»	p «п», как оно произносится	t «т»
ḫ «х»		
k «к», как оно произно- сится в греческом	q «к»	t «т» (греческое θ)
ξ «кс»	r «р»	z «з»
l «л»	s «с»	придыхание

Это произношение урартских звуков, как было уже указано выше, весьма условно. Следует особенно оговорить произношение звуков s и š. В ту эпоху, когда была заимствована урартскими клинопись у ассирийцев, у этих последних š (ш) произносился уже как «с»; поэтому естественнее предположить, что знаки содержащие š, урартскими переняты в значении «с»; в отличие от них знаки, содержащие s, повидимому, были употреблены для обозначения какого-нибудь родственного звука, скорее всего «ш».

Одним из интересных явлений урартской фонетики является возникновение между гласными (в отдельных случаях засвидетельствовано также между сонорным согласным г и гласным), очевидно, во избежание зияния (hiatus)¹, согласного g как противозияния. Это был, очевидно, какой-то слабый согласный звук, и в письме он обозначался не всегда. Например, мы имеем: *sidaguri* (от *šidauri*), *kuiguni* (от *kuiuni*), *tuagi* (от *tuai*), *teragi* (от *terai*), *taragi* (от *tarai*), *ebanigidi* (форма направительного падежа: *ebani* + *i/e*di), *KURištehanigidi* (от *KURištehuani* + *i/e*di), *KURuelikunigidi* (от *KURuelikuni* + *i/e*di), *EN-ge* [(в написании *EN-gi-e* = *eurige* «владыке»; от *eurie*), *URU TUR-gi* (родительный падеж с формативом *-i*, присоединяющимся к основе с каким-то гласным исходом), *GISšurginikaini* (от *GISšurinikaini*), *KURdirguni* (ср. название страны *dirr(i)a* в ассирийских надписях). При этом иногда происходит выпадение одного из гласных, например: *targini* (от *taragini* < *taraini*) или *kuguni* (от *kuiguni* < *kuiuni*).

Другим характерным явлением урартской фонетики является чередование гласных і и «е». Так, например, в совершенно одинаковых грамматических формах мы имеем: *nunabi* и рядом с ним *nunabe*, *kuṭubi* и *kuṭube*, *niribi* и *niribe*, *zilbi* и *zilbe*, *ṭargištiḫinili* и *ṭargišteḫinili* и много других. Такое же явление наблюдается и при чередовании і и ie, так как последний в этих случаях, несомненно, произносился как «е». Так, например, мы имеем в совершенно одинаковых грамма-

¹ М. Tseretheli, NHI, стр. 31; иначе у Фридриха, см. Einführung, стр. 2.

тических форм: arhi и arhie (arhe), badusi и badusie (baduse), zari и zarie (zare), agubi и agubie (agube), alsuini и alsuinie (alsuine), pili и pilie (pile), uldi и ulde (ulde), inanili и inanieli (inaneli) или inanilie (inanile), ^Dhaldiedi (^Dhaldedi) и ^Dhaldiedie (^Dhaldede), kulituni и kuletuni (kuletuni) и много других.

В урартских текстах имеет место и чередование в написании i и комплексов iei (этот последний произносился, повидимому, как «е»)¹. Написание i-e-i мы часто получаем при образовании родительного падежа слов, имеющих основу с гласным исходом -i; например, родительный падеж: ^Dhaldiei (^Dhaldedi) наряду с этим ^Dhaldi (^Dhaldi-i).

В некоторых других случаях встреча двух i (гласного исхода основы i и стоящего в начале суффикса i) в произношении также, повидимому, давала звук «е», который в написании часто принимал вид ei. Так, например, мы имеем kuteitu и рядом с ним kutetu (от kutiu-itu > kuti-itu > kutetu, kuteitu) или kuteadi и kuteiadi (от kuti-ia-di > kuteadi, kuteiadi).

Все эти факты чередования в написании i и «е» (e, iei, ei) указывают, скорее всего, на близость гласных i и «е» в самом их произношении. По мнению Фридриха, урартское «е», по всей вероятности, сильно закрытый звук, как и в маллоазийских языках².

Встречается чередование гласных «а» и i/je. Так, например, мы имеем: pahini и pahani; tarmanali (мн. ч.) и tarmanili, tarmaneli (мн. ч.). Засвидетельствовано также чередование ia и «а», так, например: Duarubani чередуется с ^Darubani. Имеется случай чередования «а» и ia: встречается e'a и eia.

В урартских словах наблюдается выпадение гласного между двумя согласными (чаще всего это происходит тогда, когда основа, имеющая гласный исход, присоединяет какой-нибудь суффикс, начинающийся согласным). Так, например, происходит выпадение гласного i: hasialme (от hasiali-me); ^{ID}sardurhini (от ^{ID}sarduri-hiniše); šerdulie (в написании: seirdulie; вариант: šeridulie, seiridulie, šerli (в написании: šeirli; от šerili); или же гласного «е»: alušme (от aluše-me); ^Dhaldišme (от ^Dhaldiše-me); alušni (от aluše-ni).

В урартском наблюдается засвидетельствованное и в других языках фонетическое явление, состоящее в возникновении гласного звука между двумя согласными, первый из которых плавный звук. Так, например, мы имеем: nirbi и рядом с ним niribi; arni и arani; zilbi и zilibi; tarmanali (мн. ч.) и taramana; alsui- и alasui-; то же самое можно отметить и в отношении комплекса šz. Мы имеем: ašzie и рядом с ним ašazie. Возможно, явление такого же порядка и в случае чередования многократно засвидетельствованного в текстах šidišuni («он построил») с šidišituni некоторых урартских надписей (№№ 17, 58, 78, 91, 121, 122).

В урартском языке весьма часто наблюдается упрощение гласных комплексов. При встрече двух одинаковых гласных чаще всего происходит слияние их в один такой же гласный, например: при присоединении суффикса принадлежности -ini: ^Dhaldi-ini > ^Dhaldini; или при присоединении суффикса -alhi/e: ^{URU}melitealhe (< ^{URU}melitea-alhe), ^{KUR}qumahalhe (< ^{KUR}qumaha-alhe). Такое же слияние происходит при встречах окончания дательного и местного падежей «-а» с основой, оканчивающейся на «-а», окончания род.-дат. падежа числа -aue с основой на «-а» и т. д.

При встрече двух разных гласных происходит выпадение одного из них.

1. Выпадает первый из двух гласных:

ai > i. Это явление наблюдается при образовании формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа непереходных глаголов: uli («иди!») от ula-i.

au > u: haule (от haule) > hule; *tiaule > tiule; *tiaubi > tiubi.

¹ J. Friedrich, Finführung, стр. 12.

² Там же, стр. 3.

³ Там же, стр. 4 сл.

ia > a. В склонении урартских имен при наращении суффиксов разных падежей во множественном числе: -aše (эргативный падеж), -aue (родит.-дат. падеж), -ani (творит. падеж), -a (i)di, -ašte (направит. падеж), происходит выпадение гласного окончания слова «i» перед гласными «-a» этих суффиксов; так, например, от ^{KUR}biaini (именительный падеж ед. ч.) мы имеем формы множественного числа: ^{KUR}biainaše, ^{KUR}biainaue, ^{KUR}biaina(i)di, ^{KUR}biainašte; от ^{bašini} (имен. падеж ед. числа от ^{baše} «слово», «приказ», «вещь», «предмет») мы в творительном падеже множественного числа имеем ^{bašinani} и т. д. При присоединении суффикса местного падежа «-a» в формах мн. числа происходит выпадение гласного окончания основы i/e. Например: ^Dhaldina (<^Dhaldini-a), ebana (<ebani-a), ^Iargistiḫina (<^Iargistiḫini-a), esa (<esi-a), gunuša (<gunuše-a). Но в формах единственного числа гласное окончание основы при указанной суффиксации сохраняется, например: ^{esia}, ^{KUR}etiunia, ^{ṣuinia} и т. д.

iu > u. Это происходит при образовании имен прилагательных посредством суффикса -usi(ni). Например, мы имеем ^{erelinusi} (LUGAL-nusi) «царский» (от ^{ereli} «царь»), полученный из ^{erelini-usi}, или ^{uriṣḫusi} «оружейный» от ^{uriṣḫi-usi} (^{uriṣḫi} «оружие»).

ui/e > i/e. Это явление наблюдается, как правило, при присоединении к основе переходного глагола (оканчивающейся на u) суффикса 3-го лица мн. числа прошедшего времени -itu, так, например: ^{atitu} (<atu-itu); ^{atqanaditu} (<atqanadu-itu); ^{ḫarḫarṣitu} (<ḫarḫarṣu-itu); ^{ḫaitu} (<ḫau-itu) и т. д. Такое же явление налицо и при образовании форм единственного числа повелительного наклонения действительного залога: окончания глагольных форм -i/e (2 лицо) и -inini (3 лицо) вызывают выпадение окончания основы переходных глаголов u, например: ^{turi/e} (от ^{turu-i/e}) «уничтожь!»; ^{turinini} (от ^{turu-inini}) «пусть (он) уничтожит!».

2. Выпадает второй из двух гласных: ai/e > a. Случаи такого выпадения особенно многочисленны: так, например, послелог (употребляющийся иногда и как предлог) -kaī в некоторых случаях выступает перед нами в форме -ka (в соединении с -uki «мой» мы имеем, например, ^{kaiuki} и ^{kauki}); встречаются варианты ^{ainiei} и ^{aniei} «кто-нибудь», ^{aīsei} и ^{aṣei} «когда-нибудь»; часто встречающаяся глагольная основа ^{ḫau-} (см. ^{ḫaui}, ^{ḫaule} и т. д.) получена, по всей вероятности, из ^{ḫaiu}. Немало примеров можно привести и из области склонения имен; так, мы имеем: ^{KUR}biainaue и рядом с ним ^{KUR}bianae; ^{KUR}biainaidi и рядом с ним ^{KUR}bianaidi или ^{KUR}biainadi; ^{URU}tušpae patari и ^{URU}tušpa patari; это же явление наблюдается при встрече начального i суффикса принадлежности -ini с гласным исходом основы «-a»; так, например: ^{babani} (от ^{baba-ini}) «горный»; возможно, такое же выпадение в слове ^Imenuani некоторых надписей (от ^Imenua-ini?)¹.

au > a. Засвидетельствованы, например, ^{KUR}biainaue и ^{KUR}bianae, или же, наряду с ^Dhaldinaue, также ^Dhaldinae. Кроме того, глагольная форма ^{tiani} «он сказал», по всей вероятности, образована из ^{tiau-ni}.

i/e a > i/e. Такое явление наблюдается при образовании формы род.-дат. падежа мн. числа: ^{KUR}liqie (<^{KUR}liqi-aue), ^{KUR}urmeue (<^{KUR}urme-aue), ^{KUR}zabahaue (<^{KUR}zabahaue-aue).

in > i. Например, вариантом ^{ḡirani} «земля» мы имеем ^{ḡirani}, или же в направительном падеже: ^{ḡiraedi}. Наряду с ^{arniuṣinili} имеется ^{arnisinili}, или наряду с ^{ebaniuki} «моя страна» в форме направительного падежа: ^{ebanikidi}.

ua > u. При присоединении суффикса -alḫi (<ḫali?) к основе, оканчивающейся на u, происходит потеря гласного «a» суффикса -alḫi, например: ^Ibaltulḫe (от ^Ibaltu-alḫe, см. № 36₂₅), или: ^{URU}ḫaldiriullḫi (от ^{URU}ḫaldiriul-alḫi, см. № 36₂₆).

ui/e > u. В текстах засвидетельствованы: ^{alsuini} и ^{alsuni}, ^{alsuiṣini} и ^{alsuṣini},

¹ См. в надписях из раскопок на Кармир-блуре (№№ 144, 148): ^Imenpāni (от ^Imenua-ini, вариант формы ^Imenua-ḫini?), если только здесь мы не имеем случайного пропуска -ḫi: ^Imenua(ḫi)ni.

alsuise и alsuše, ⁱispuini и ⁱispuni, ⁱuteruhi и ⁱuteruhi, ⁱdiauehi и ⁱdiauhi и т. д. Это явление встречается иногда и при образовании формы 3-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов: suidutu (от suidu-itu).

В урартском языке наблюдаются случаи диссимиляционной потери звука или целого слога (аплоглогия) как прогрессивного, так и регрессивного характера. Например, прогрессивная диссимиляционная потеря слога налицо, повидимому, в глагольной основе kuiu-, полученной от kuguu. При присоединении окончания будущего времени -le к основе, оканчивающейся на l или r (т. е. если эти звуки стоят непосредственно впереди знака переходных глаголов -u), происходит регрессивная диссимиляционная потеря слога, причем теряется исходный слог основы (lu, ru). Например: tule (от turu-le); šepuale (от šepuaru-le); kule (от kulu-le); teli (от teru-li/e). Исключения составляют глаголы iḡu- и uḡu-, образующие будущее время в виде: iḡule и uḡule; очевидно, диссимиляционная потеря слога (аплоглогия) в данных случаях не имеет места потому, что основа слова односложна (iḡ-, uḡ-).

Диссимиляционная потеря слога имеет место также при присоединении показателя косвенного объекта 1-го лица ед. числа -me к форме 3-го лица ед. числа прош. времени переходных глаголов (например, aḡuniḡme > aḡume). Такое же явление наблюдается и в формах 1-го лица ед. числа прошедшего времени переходных глаголов с окончанием -li (показатель множества объектов). Так, например, мы имеем kuli (от kulu-li). Возможно, диссимиляционная потеря звука в ulḡušiani (от ulḡušinani) или же в ḡuiniani (от ḡuininani).

В урартском языке засвидетельствованы также случаи ассимиляции и диссимиляции. На основании ассимиляции или диссимиляции наблюдается, например, чередование звуков n и l; так, мы имеем случай регрессивной диссимиляции в burgalani (от burḡanani), или же регрессивной же ассимиляции: burgalali (множ. число) от burḡana-li.

Возможно, в урартском языке существовала назализация гласных, на что указывает чередование andani и adani; но можно дать другое объяснение данного случая: возможно, здесь звук n появляется перед d, что вообще бывает нередко и в других языках.

Наблюдается также явление метатезы; так, например, от eia мы имеем eai; суффикс -hali предстает также в форме -alhi/e (KUR qumahalali и рядом с ним KUR qumahalhi и т. д.).

О некоторых других, не отмеченных выше фонетических изменениях у нас речь идет при разборе той или иной морфологической категории.

МОРФОЛОГИЯ

Имя

Словособразование. Основа урартских имен (существительных и прилагательных) оканчивается, как правило, на гласный звук. Чаще всего мы имеем в окончании i (например: pili «канал», ḡuradi «воин», euri «господин»)¹. Редко встречаются основы, оканчивающиеся на другие гласные: «e»² (например: 'aše «мужчина», а также в со-

¹ Благодаря характерному для урартской фонетики колебанию между гласными i и «e» (см. выше) наблюдается большое колебание и при передаче гласного исхода основы i. Часто он передается в виде «e» или ie (в произношении также, очевидно, «e»), например: zilbi и zilbe, niriḡi и niriḡe, zari и zariḡe, susi и susie и много других.

² К этой категории мы причисляем лишь те слова, в конце основы которых всегда пишется «e» и нет характерного колебания в написании (и в произношении?) между i и «e». Скорее всего в этом случае гласный «e» является каким-нибудь специфическим звуком, отличным от того «e», который так часто чередуется с i.

бирательном значении «мужчины»; aše «щит»), «а» (например: qīura «земля») или u (например: SAL¹lutu «женщина», а также в собирательном значении «женщины»).

В урартских словах можно выделить особые словообразовательные суффиксы. Так, например, суффикс -še образует абстрактные имена: ušmaše «могущество», ulguše «жизнь», rišuše «радость», ardiše «сила», «власть» (а также: «повеление», «приказ»). Суффикс -še может присоединяться к глагольной основе, например, agu- «давать», отсюда: aguše «милость», «благоденствие»; izidu «повелевать» (?), iziduše «повеление»; возможно, такое же явление мы имеем и в zaduše (ср. zadu «строить») или в mapuše (ср. mapu «быть», «существовать»); или: из išruin «осчастлививать» (?) мы имеем išruiše (от išruin -še ?) «счастье» (?)¹. Наряду с этим суффикс -še присоединяется и к именной основе, так, например, alsui «великий», отсюда: alsuiše «величие». Нужно отметить, что многие слова, оканчивающиеся на -še, имеют вполне конкретное значение; так, например: šuše «мелкий рогатый скот», meše «дань», LU²tašmuše «пленник» (?), arše «отрок», «дитя», gupuse «битва», «бой», «война». Во многих случаях трудно определить, имеем мы дело с суффиксом -še, или этот слог является органической составной частью основы.

В урартском языке имеется еще один суффикс, образующий абстрактные слова -tuhi. Например: LUGAL³ -tuhi (=ereli-tuhi) «царство» (от ereli «царь»), tarsuatuhi «мужество» (от tarsua «мужчина») и т. д.

Суффикс hi/e(ni) является суффиксом принадлежности. Так, например: menuahini «принадлежащий Менуа» (в названии: I¹menuahinili); I¹argistihini «принадлежащий Аргишти»; I¹rusahini «принадлежащий Руса»; SAL¹taririahini «принадлежащий Таририа». Этот суффикс образует также патронимы: ID¹sardurihi(ni) «сын Сардури», I¹isruinihi(ni) «сын Ишпуни», I¹menuahini(ni) «сын Менуа». Кроме того, он часто встречается в роли окончания племенных названий, осмысляемых, по всей вероятности, как «сын такого-то (эпонима, бога)». На это указывает также то, что перед такими названиями часто ставится детерминатив мужских личных имен в качестве детерминатива племенных названий (см. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 2). Так, например, встречаются в качестве племенных названий: I¹abiliani/ehi, I¹diau(e)-hi(ni), I¹eriahini, I¹erikuahi, I¹iganehi, I¹uehuhini/e(ni), I¹qabiluhi, I¹u(i)te/iruhi(ni) и т. д.

Вариантом суффикса -hi/e является, по всей вероятности, суффикс -uhi. Так, например, название страны KUR¹urmeuhi встречается также в форме KUR¹urmeuhi(ni). Такое же явление, вероятно, и в прилагательном taraiuhi, которое можно сопоставить с tarai «могучий», «могущественный»². Суффикс -hi/e имеется и в именах существительных, например, šuhi/e «устройство» (?), kamnahe, panithe, qarmehi «празднество» (?), urishi «оружие».

Суффикс принадлежности -hini с наращением окончания множественного числа -li (-hinili) употребляется при образовании названий разных пунктов (городов, крепостей, поместий и т. д.), производимых от имени того или иного лица. Например, можно привести названия городов, построенных царями Менуа, Аргишти, Руса — I¹menuahinili, I¹argistihinili, I¹rusahinili, название виноградника, принадлежащего дочери Менуа Таририа — SAL¹taririahinili.

В названиях стран и городов выступает также суффикс -hali, который в ряде случаев вследствие метатезы (см. выше) превращается в -alhi. Этот суффикс -hali (>-alhi), возможно, содержит хурри-урартский суффикс принадлежности (в дальнейшем — широко распространенное окончание племенных названий и названий стран) hi/ha с наращением суффикса множественного числа -li. Таким образом, -hali, по своим составным частям, почти полностью идентично с вышеназванным суффиксом -hinili.

¹ Ср. также царское имя I¹isruini «счастливы» (?).

² Ср. засвидетельствованное в хурритском языке превращение гласного исхода основы i в u перед суффиксом -hi (J. Friedrich, Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik, стр. 51).

По своему значению к суффиксу *-hi(ni)* весьма близко стоит суффикс *-ini*, являющийся также суффиксом принадлежности, например: *menua-ini hubi* «долина (?) Менуа», «долина (?)», принадлежащая Менуа», или: *rusa-ini hubi* «долина (?)», принадлежащая Руса: *Dhaldinili* (<*Dhaldi-ini-li*) *KĀ-li* (вариант: *šeštili*) «ворота бога Халди», «ворота, принадлежащие богу Халди»; *Dhaldini* (<*Dhaldi-ini*) *GIS ūri/e* «оружие (?) бога Халди»; *LUGĀL-lili KUR etiuhinili* (<*KUR etiuhi-ini-li*) «цари страны Этиухи»; *IDsardurinili* (<*IDsarduri-ini-li*) *kurili* «ноги Сардури»; *KURbiainiše* (<*KURbia-ini-še*) «биаец» («человек, принадлежащий к стране Биа»); *KURluluiniše* (<*KURlulu-ini-še*) «лулуец» («человек, принадлежавший к стране Лулу») — в переносном смысле «враг») и т. д. Слова, образованные этим суффиксом, следует рассматривать как прилагательные. Кроме того, этот суффикс, подобно суффиксу *hi(e)(ni)*, употребляется при образовании названий стран, также часто с наращением суффикса множественного числа *-li*, например: *KURbiainili* (<*KURbia-ini-li*), *KURluluinili* (<*KURlulu-ini-li*).

Из суффиксов, специально употребляющихся для образования имен прилагательных, в первую очередь нужно назвать суффикс *-usi*; например, можно назвать: *badusi/e* «величественный» (?), *LUGĀL-nusi* или *LUGĀL-si* «парский», *urišhusi(ni)* «оружейный», *inusi* «такой»; см. также *ašihuse*, значение которого неизвестно, и т. д.

Склонение. Урартский язык имеет два числа — единственное и множественное, но не знает различия по грамматическим родам.

Как в спряжении, так и в склонении в урартском языке весьма значительную роль играет так называемая эргативная конструкция, делающая резкое различие между переходными и непереходными глаголами. В связи с этим различно оформляются падежи субъекта при переходных и непереходных глаголах, а прямой объект ставится в именительном падеже. Эргативная конструкция — одна из главных особенностей кавказских языков, в частности грузинского языка. В этом проявляется близость по грамматическому строю урартского и родственного ему хурритского языка, для которого также характерна эргативная конструкция, с современными картвельскими и другими кавказскими языками.

Система урартского склонения имен имеет агглютинативный характер и обнаруживает исключительную близость к картвельским языкам¹. Падежные окончания присоединяются к основе в виде суффиксов. В урартском мы различаем 8 падежей: неоформленный², именительный, эргативный³, родительный, дательный, творительный, направительный и местный.

Неоформленный падеж представляет собой чистую основу слова, например: *pulusi* «стела», *pili* «канал», *Dhaldi* «бог Халди», *qirga* «земля», *aše* «щит», *KURbuštu* «страна Бушту». Форма множественного числа неоформленного падежа образуется присоединением к основе признака множественного числа *-li*, например: *ereili* (*LUGĀL-lili*) «цари» (от *ere*li «царь»), *burgalali* (*burganali*) «крепости» (?).

По своей функции неоформленный падеж весьма близко стоит к именительному падежу (см. ниже): а) в неоформленном падеже ставится (хотя и сравнительно редко) субъект непереходных глаголов; так, например: *iu Dhaldikai URUardinidi nunali Išpuinini IDsardurehe Imenua Išpuiniše* «Когда перед богом Халди в городе Ардини пришли Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини» (19₂₆₋₂₇); *burgalali LUGĀL MEŠ KUR etiuhineli arnuali* «Подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли (им) на помощь» (20, лиц. стор., стк. 14—16, обор. стор., стк. 3—4); *Dhaldi kuruni* «Бог Халди (есть) могучий» (39₄); б) в неоформленном падеже ставится объект переходных глаголов (эти случаи более многочисленны), так, например: *Imenuaše*

¹ Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, стр. 19.

² Соответствует «неоформленному» падежу древнегрузинского языка.

³ Соответствует «повествовательному» падежу грузинского языка.

¹ispuiniḫiniše ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (49₂₋₃ и др.); Imenuaše ale...terubi ini pulusi «Менуа говорит: я эту стелу поставил» (37₂₋₄); Imenuaše Ispuiniḫiniše D^halde eure ini suse šidištuni «Менуа, сын Ишпуини, бог Халди, владыке, это сусе построил» (71, лиц. стор., стк. 2—4); Iargistiše Imenuaḫiniše ini 'ari šuni «Аргшти, сын Менуа, это зернохранилище устроил» (135₃₋₅); URU^{mei}šta ḫauni «(он) завоевал город Меншта» (29₄); šatuali kureli «(он) обхватил (мои) ноги» (36₁₄).

Именительный падеж в единственном числе имеет окончание ni¹, которое присоединяется в виде суффикса к основе слова; во множественном числе к этому -ni присоединяется показатель множественного числа -li и получаем характерное для именительного падежа множественного числа окончание -nili².

Таким образом, форма именительного падежа фактически является распространенной посредством суффикса-детерминатива (i)ni основой слова; этим и можно объяснить, что, наряду с чистой основой (т. е. неоформленным падежом), она также часто выступает исходной формой при образовании других падежей как в единственном, так и, в особенности, во множественном числе. Так, например, в творительном падеже ед. числа, наряду с esini (esi-ni: чистая основа esi + показатель творительного падежа -ni), засвидетельствовано также esinini, в котором показатель творительного падежа ед. числа -ni присоединяется уже не к чистой основе, а к форме именительного падежа.

Именительный падеж употребляется для наименования субъекта непереходных глаголов, так, например: uṣtabi Iargišṭini «Аргшти выступил (в поход)» (127, I₂₀); uluṣtaibi D^haldini «Бог Халди шел впереди» (24₁₅); ḫunabi KUR^{man}ani «Пришла страна Мана» (127, IV₈₀); giurani quldini шапу «Земля была пустынной (?)» (127, II₃₄); Imenuani LUGÁL DAN·NU... «Менуа (есть) царь могущественный» (29₁₄); или для указания объекта переходных глаголов, так, например: karuni I^ašurnirarini I^adadinirareḫi LUGÁL KUR^ašurni KUR-ne «Победил он (бог Халди) Ашшурнирари, сына Ададиниарари, царя страны Ашшур» (156, DI + D II₈₋₁₀); karuni KUR^{man}ani KUR^{bu}štuni «Победил он страну Мана (и) страну Бушту» (127, III₄₇); Iargišṭiše ale ḫaubi KUR^{eti}unini «Аргшти говорит: завоевал я страну Этвуни» (127, I₂₁); ḫaitu URU^{mei}štani URU^{qu}ani URU^{sa}rituni URU^{nig}ibini «Завоевали (они) города: Меншта, Куа, Шарпу, Нигибн» (24, лиц. стор., стк. 18—19); parubi SAL^{lut}uni «Угнал я женщин» (262₉)³; во множественном числе: LU^{hur}adineli uelidubi «Войнов я собрал» (127, III₁); LU^{hur}adinili kedaruli «Войнов я отправил (в поход)» (28, лиц. стор., стк. 4); D^haldia ištine inanili arniušinili I MU zadubi «Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил» (127, I₁₆).

Таким образом, функционально падежи неоформленный и именительный весьма близко стоят друг к другу: в обоих из них может стоять или субъект непереходных глаголов или же объект переходных глаголов, хотя явно наблюдается преобладание оформления объекта непереходных глаголов в именительном падеже.

¹ Окончание именительного падежа -ni, возможно, ведет свое происхождение от указательного местоимения ini «этот». Таково происхождение показателя именительного падежа во многих языках, в том числе и в грузинском.

² На -ni может оканчиваться и основа, так что не все слова, имеющие окончание -ni, стоят в именительном падеже, они могут представлять форму неоформленного падежа, например: iaganī «часовня» (?), ebanī «страна» и т. д. Часто, особенно в случае географических названий на -ni, трудно решить, является ли оканчивающее их -ni формативом именительного падежа или принадлежит к основе.

³ SAL^{lut}uni — форма единств. числа, употребляющаяся в собирательном значении «женщины».

Эргативный падеж является специально падежом субъекта переходных глаголов. Окончание этого падежа *še* присоединяется в единственном числе непосредственно к основе, а во множественном числе — посредством характерного для косвенных падежей множественного числа гласного «а», например: *Išpuiniše IDšardurhiniše ini E-e zaduni* «Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил» (№ 4—10); *Imenuaše Išpuinihiniše ini pili aguni* «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (44₁₋₃); *aluše uliše tiule URUluhiunini haubi* «Кто другой скажет: я завоевал город Лухиунни» (30₁₈₋₁₉). Во множественном числе: *ali LU A-SI MES-še partu šeri partu* «Что войны угнали, угнали они отдельно» (155, A₁₁₋₁₂); *KURbiainaše* (268₇₋₈).

Иногда суффикс эргативного падежа *-še* выступает в форме одного лишь *-š*. В большинстве случаев это является следствием фонетического изменения: гласное «е» выпадает в тех случаях, когда к этому суффиксу присоединяется еще какой-нибудь другой суффикс, например, местоименный суффикс прямого объекта 3-го лица ед. числа *-ni* «его», или суффикс косвенного объекта 1-го лица ед. числа *-me* («мне»), так, например: *alušni* (<*aluše-ni*) *tule* «кто его уничтожит» (99, обор. стор., стк. 6), *Dhaldišme* (<*Dhaldiše-me*) *ušanuni* «Бог Халди даровал (?) мне» (278₈ и др.).

Наблюдается также потеря гласного «е», когда рядом друг с другом стоит несколько имен в эргативном падеже; в таком случае у первого из этих имен окончание *-še* превращается в *-š*, так, например: *Išpuiniš IDšardurhiniše burganani šidišituni* «Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил» (17₁₋₂); *Išpuiniš IDšardurhiniše E ini šidišituni* «Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил» (17₁₋₂); *mei Dhaldiš DIM-še DUTU-še DINGIR MES-še URUardinini zilbi qiraedi kullituni* «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини не оставят на земле (его) семья» (19₄₀₋₄₁).

Но это явление, новидимому, характерно лишь для южного, Мусасирского говора урартского языка.

Родительный падеж. Формативом родительного падежа единственного числа является *-i*, присоединяющееся к основе, например: *Imenuai pili* «Канал (царя) Менуа» (43₃ и др.); *Rusai šue* «Озеро (царя) Руса» (268₄); *KURNiribai hubi* «Долина (?) страны Нироба» (127, II₁₃); *KURbaršuai KUR-ni* «Страна Баршуа» (24, лиц. стор., стк. 20); *URUšašilui KUR-ni* «Страна города Шашилу» (128, B 1₁₁); *Ikamniui KURebani* «Страна Камнив» (155, F₂₃) и т. д.

Если основа оканчивается на *-i*, то иногда окончание родительного падежа *-i* в написании полностью сливается с конечным *i* основы и отдельно не отмечается, так, например: *I-ú-tu-ru-ur-ši-ni LUGÁL I-di-i-a-ú-e-hi* «Утупуршини, царь (племени) Диауехи» (36₁₂₋₁₃); или: *I-me-nu-a-še a-li-e ha-ú-bi I-di-a-ú-e-hi KUR-ni-i-e* «Менуа говорит: завоевал я страну Диауехи» (36₆₋₇). Но чаще и при основах на *-i* окончание родительного падежа *-i* в написании отмечается постановкой после основы специального знака для *-i*, например: *Dhal-di-i i-a-ra-ni* «Часовня (?) бога Халди» (39₁₃); *Dhal-di-i pa-a-ta-gi* «Город бога Халди» (65₁₀); *I-ar-gi-iš-ti-i ū-ri-iš-hi* «Оружие Аргшти» (150) и т. д. ¹

В окончании родительного падежа единственного числа весьма резко проявляется характерное для урартского языка колебание между гласными *i* и «е». Так, в ряде случаев вместо *i* окончанием родительного падежа выступает «е»; особенно это часто встречается, когда основа оканчивается на «е», например: *VI LIM VI ME LU MESgunušini ersidubi ištini KURhate (KURha-te-e) KURšupani (KURšu-ū-pa-a-ni)* «6600 воинов страны Хате (и) страны Цупани я там поселил» (128, A 2₂₁₋₂₂); *haubi KURurme (KURur-me-e) KUR-ne* «Я завоевал страну Урме» (128, A 4₂₄₋₂₅). Но и в других случаях «е» выступает в качестве окончания родительного падежа, напри-

мер: ^Imenuani ^Iišpuinehe... aluse URU ^Iušpae URU «Менуа, сын Ишпуини (есть)..... правитель города Тушпа» (39₁₈₋₂₁). Если основа оканчивается на i, то вместе с окончанием родительного падежа «е» в конце слова в написании мы получаем комплекс ie, произносящийся, по всей вероятности, просто как «е», например: NIG ^{ID}sardure (^{ID}sar_g-du-ri-e) (вариант: NIG ^{ID}sar_g-du-ri-i) «Собственность (царя) Сардури» (193—259); ^{KUR}ās-qa-la-ši-e (= ^{KUR}āšqalaše) ^{KUR} «страна Ашкалаши».

Во множественном числе родительный падеж имеет окончание ui/ue, перед которым ставится еще показатель множественного числа «-а». Хотя имеются случаи когда суффикс -аue непосредственно присоединяется к основе (см., например, LUGAL erilaue), но чаще он присоединяется к слову, стоящему в именительном падеже, например: ^{KUR}ebaninaue (< ^{KUR}ebanini-aue) DINGIR «Богу стран» (27_{18, 63}); ^{ŠADU}alganinaue DINGIR «Богу гор (?)» (27_{18, 63}); ^Dšuininaue DINGIR «Богу озер» (27_{19, 64}).

Дательный падеж. Характерным для дательного падежа единственного числа окончанием при основах с исходом i, «е», и является «е», присоединяющееся непосредственно к основе: ^Dhal-di-e e-ū-ri-e (^Dhalde eure) «Богу Халди, владельке»; ^Dhaldini ušmaše (ušmaše) «Могуществу бога Халди», ^Dsebitue «Богу Шебиту». Слова, имеющие основу с исходом на «а», в дательном падеже единственного числа имеют окончание «а», которое в произношении, несомненно, сливалось в один звук с находящимся в конце основы «а». В письме второе «а» (падежное окончание) отражается не всегда; так, встречается: ^Dqu-e-ra «Богу Руера» (106₁₃); ^Ime-nu-a «(царю) Менуа» (93₆); ^Ii-nu-uš-pu-ū-a (93₆) и т. д., и ^Da-na-ar-šá-a «Богу Анапша» (27₇); ^Dqu-ū-e-ra-a, ^Da-da-ru-ta-a, ^De-ri-na-a, ^Du-ri-na-a, ^Da-a-ra-a, ^Da-ra-za-a, ^Du-ra-a, ^Dsū-ba-a, ^De-li-a-a-a (все примеры из № 27). И в окончании дательного падежа единственного числа встречается колебание в передаче гласных i и e: так, иногда слово, стоящее в дательном падеже ед. числа, имеет окончание i вместо «е», например: ^Ddi-du-a-i-ni «Богу Дидуани» (27₇); при повторении текста, в той же надписи № 27 (стк. 40) мы уже имеем: ^Ddi-e-du-a-i-ni-e; ^Dip-ha-ri «Богу Ипхари» (27₂₂); ma-ni-ni ul-gu-se ^Iis-pu-ū-i-ni ^{ID}sar_g-du-ri-hi-ni ^Ime-nu-a ^Iis-pu-ū-i-ni-e-hi-ni «Да будет жизнь Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини» (27_{24, 76-78}). Множественное число дательного падежа по своему окончанию -aue / -aui не отличается от родительного падежа множественного числа. Как и в родительном падеже, окончание -aue дательного падежа множ. числа имеет тенденцию присоединяться не к чистой основе, а к слову, стоящему в форме именительного падежа ед. числа, т. е. к ni-форме основы (^{LÚ}huradi «воин», имен. падеж ед. числа: ^{LÚ}huradini, отсюда дат. падеж мн. числа: ^{LÚ}huradinaue < ^{LÚ}huradini-aue). Кроме своих обыкновенных функций, дательный падеж в урартском языке, по всей вероятности, применяется для обозначения времени, так же как это имеет место в грузинском языке; например: ikukani šale «в том же году»; šusine šale «в один год» («в продолжении одного года»). Так же как в древнегрузинском языке, в урартском дательный падеж играл роль и местного падежа, например: terubi manini esini LUGAL-tuhini «Поставил я его на царственное место» (264₂₀₋₂₁) или: GUD II UDU ^DIM KÁ URU ^Iirdia «Быка и двух овец воротам бога Тейшеба в городе Ирдиа» (27₅₉) и GUD II UDU ^DUTU KÁ URU ^Iušini «Быка и двух овец — воротам бога Шивини в город Ушпини». Или же: ersidubi ^{KUR}ebaniuke «Поселил я (их) в моей стране» (155, C₄₋₅); DUB-te URU ^Ianaše nunabe ištini «Список (?) пришел оттуда в город Анаше» (20, лиц. стор. 33-34). Возможно, такое же явление перед нами в выражении, многократно засвидетельствованном в победных текстах: ^Dhaldini uštabi masine ^{GIŠ}šure «Бог Халди выступил (в поход) в своем оружии (?)» (т. е. «со своим оружием (?)»), или, например: uštadi ^{LÚ}ueli šusine «выступил я (в поход) в одном отряде (?)» (т. е. «одним отрядом») (155, F₁₆).

Творительный падеж. Так же, как, например, в древнегрузинском, этот падеж отвечает на вопрос «кем?», «чем?» (Ablativus instrumenti) и на вопрос «откуда?». Характерным для этого падежа окончанием является -ni, присоединяющееся в единственном числе непосредственно к основе, во множественном же числе — посредством признака косвенных падежей мн. числа -а, так, например, в единственном числе: ^Dhaldinini ušmašini «мощью бога Халди»; ^Dhaldinini baušini «веле́нием бога Халди»; ^Dhaldinini alsuišini «величием бога Халди»; šusine uštipini «одним походом»; ^{ID}munani IV PA₅^{MES} agubi «Из реки (?) я четыре канала провел» (137₈); ^Dhaldini bedini «со стороны бога Халди» (27₂₄); inukani esi(ni)ni «с этого места» (63₅; 110, лит. стор.-5-6; 127, VIII₁₂). Во множественном числе: inani arniušinani (варианты: inani INIM^{MES} -ni, inani baušinani; именительный падеж мн. числа будет: inili arniušinili, inili baušinili); KUR^{luluinani} KUR⁻ⁿⁱⁿⁱ «Из вражеской страны» (278₂),¹ или же с послелогом -edini: LŪ^{ipriunanedini} (<LŪ^{ipriuni-ani-edini}) (128, A 4₇), KUR^{biainanedini} (<KUR^{biaini-ani-edini}) (128, A 4₈), KUR^{suranedini}, LŪ A-SI^{MES} -na-nedini LŪ^{ururdanedini} (из надписи 155G). Слова с основой, оканчивающейся на -se, перед получением суффикса творительного падежа ед. числа -ni превращают гласный исход «е» в i: alsuiše → alsuišini, ušmaše → ušmašini, bauše → baušini и т. д. Но имеются случаи сохранения «е», например, от ulguše «жизнь» форма творительного падежа ед. числа (с послелогом -edini) — ulgušenedini «ради (из-за) жизни» (295).

Суффикс творительного падежа мн. числа (-ani), так же как и суффиксы других косвенных падежей мн. числа, обыкновенно присоединяются не к чистой основе, а к ni-форме основы, т. е. к форме именительного падежа данного слова, хотя в виде исключения имеются случаи присоединения суффикса -ani к самой основе (например: KUR^{suranedini} <KUR^{suri-ani-edini}).

В некоторых случаях в творительном падеже то или иное слово выступает со своеобразным окончанием, например, от ulguše мы имеем: ulgušiani (в соединении с послелогом -edini: ulgušianedini «ради жизни»). То, что здесь перед нами форма творительного падежа, следует из того, что послелог edini всегда требует постановки слова именно в творительном падеже (см., например, цитированные выше: KUR^{biainanedini}, LŪ^{ipriunanedini} и т. д.). Возможно, ulgušiani получено вследствие диссимиляционной потери звука от ulgušinani (творительный падеж множественного числа) или же здесь мы имеем своеобразное образование формы творительного падежа единственного числа в результате дифтонгизации i>ia (по значению здесь более подходит именно единственное число).

С таким же явлением мы имеем дело и в слове šuiniani, например: inani aptini šuiniani «С той стороны озера» (266₅) и išani aptini šuiniani «С той стороны озера» (266₁₂). По всей вероятности, аналогична приведенным примерам форма masini/eani, дважды встречающаяся в трудно понимаемом контексте (36₂₃; 128, B 1₂₆).

Направительный падеж отвечает на вопрос «куда?»². В единственном числе характерным для направительного падежа окончанием является -edi или -idi, присоединяющееся к основе, например: uš-ta-di KUR^{ur-me-e-di} «Выступил я (в поход) на страну Урме» (127, VI₅). Если основа имеет гласный исход -i или -e, то начальный гласный суффикса направительного падежа «i/e» сливается с этим гласным исходом основы и иногда даже в написании мы имеем лишь один гласный, например: i-ú^Dhal-di-ka-a-i URU^{ar-di-ni-di} nu-na-a-li Iš-pu-ú-i-ni-ni ID^{sar₅-dur₅-e-hé} I-me-nu-a Iš-pu-ú-i-ni-hé «Когда перед богом Халди в город Ардини явились Ишпууни, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини» (19₂₅₋₂₇); KUR^{ur-me-ú-hi-di} «На страну

¹ В выражении KUR^{luluinani} KUR⁻ⁿⁱⁿⁱ первое слово стоит в творительном падеже мн. числа (названия стран часто имеют флексию множ. числа), а второе (KUR⁻ⁿⁱⁿⁱ — ebanini) — в творит. падеже ед. числа.

² Этот падеж употребляется иногда также для обозначения цели (directivus finalis), например: KUR KUR^{naphiaidi} «для усмирения (?) вражеской страны» (265, I

Урмеухи (40, А₃); ^Idi-a-ú-hi-ni-di «На Диаухи» (128, В 1₂₃). Часто в написании при присоединении суффикса -edi к основе на i возникает комплекс -iedi, произносящийся, по всей вероятности, как -edi, например: ^Dhal-di-e-di (^Dhaldedi) (127, III₂₆), ^Ilu-šá-i-ni-e-di (^Ilušainedi) (20, обор. стор. 6); ^Idi-a-ú-e-hi-ni-e-di (^Idiauehinedi) (36₂), ^{KUR}ar-hi-i-e-di (^{KUR}arhedi) (41, С₈). Иногда сам суффикс -edi пишется в форме -iedi (в произношении: edi), например: ^{KUR}ur-me-i-e-di (^{KUR}urmedi) (41, С₆; 128, А 4₂₄). Но иногда между гласным исходом основы и суффиксом направительного падежа появляется в написании «g» (о таких случаях, засвидетельствованных и в других формах, см. выше, в отделе фонетики), например: uš-ta-a-di ^{KUR}ba-bi-lu-ni-e-^{KUR}e-ba-ni-gi-di «Выступил я (в поход) на страну Вавилу» (155, А₄₋₅).

Если основа оканчивается на «a» или u, то обыкновенно суффикс -edi (-idi) присоединяется к основе без всяких изменений, например: qīuraedi (вариант: qīura-idi, qīraedi), URU meištaedi, ^{KUR}manaidi, paraḫiaidi, ^{KUR}barsuaidi, ^{KUR}qulḫaidi, ^{KUR}bustuedi, ^{KUR}erinuidi, ^{KUR}taraiuedi и т. д.; иногда в таких случаях суффикс -edi пишется в форме -iedi (в произношении -edi), например: qī-ú-ta-i-e-di (qīuraedi) (20, обор. стор. 33).

Но иногда комплекс ai/ae, полученный при встрече гласного «a» основы с начальным гласным суффикса -i/e, превращается в «a», например: URU šudaladi (<URU šudala-e/idi); zainuadi (<zainua-e/idi); LÚ purunurdadi.

Во множественном числе мы имеем двоякое образование формы направительного падежа: 1) посредством суффикса -aidi (-aedi) (т. е. показатель мн. числа косвенных падежей «a» и окончание направительного падежа -i/edi), присоединяющегося преимущественно к форме именительного падежа единственного числа (при этом гласное окончание основы выпадает), например: ^{KUR}biainaidi (<^{KUR}biaini-aidi); ^Irusaḫinaidi (^Irusaḫini-aidi). Иногда в окончании направительного падежа мн. числа -aidi (-aedi), в дифтонге ai/ae происходит выпадение второго члена данного дифтонга i/e и падежное окончание принимает форму -adi, например: ^{KUR}etiuhinadi (<^{KUR}etiuhini-aidi); ^Imenuaḫinadi (<^Imenuaḫini-aidi); ^{KUR}biainadi (<^{KUR}biaini-aidi); ^Irusaḫinadi (^Irusaḫini-aidi); 2) или же множественное число направительного падежа образуется посредством суффикса -ašte, перед которым также теряется гласный исход основы: LÚ A-SI MEŠ -ašte; DINGIR MEŠ -ašte ^{KUR}biainašte (<^{KUR}biaini-ašte).

Местный падеж (locativus). Характерным для этого падежа окончанием как в единственном, так и во множественном числе является «a», которое присоединяется в единственном числе, как правило, к чистой основе, во множественном числе — в большинстве случаев к форме именительного падежа ед. числа. Во множественном числе окончание -a является продуктом слияния показателя множественного числа косвенных падежей «a» и окончания местного падежа -a. В единственном числе при присоединении падежного окончания гласный исход основы i/e (во всяком случае, в письме) сохраняется, например: ^Dhaldia, ^{KUR}etiunia, šuinia, esia, babania. Если основа оканчивается на -a, то окончание местного падежа сливается с гласным исходом основы, и мы здесь имеем форму чистой основы, например: URU šebeteria ^Dhaldi-iarani šidištuni «В городе Шебетерия он построил часовню (?) бога Халди» (39₁₃), DUB-te URU ildamuša terubi «В городе Илдамуса я надпись установил» (155, D₁₁₋₁₂).

Во множественном числе при присоединении падежного окончания происходит выпадение гласного исхода основы i/e, например: ^Irusaḫinakai (^Irusaḫini-a-kai); ^Iargištiḫina (<^Iargištiḫini-a); LÚ A-SI MEŠ-na (LÚ ḫuradina (<LÚ ḫuradini-a); ^Dhaldina (<^Dhaldini-a) KĀ-kai; gunuša (<gunuše-a), queraina (<queraini-a); taramana (<taramani-a); esa (<esi-); ebana (<ebani-a); LUGAL-tuḫinina (<LUGAL-tuḫini-ini-a).

Для большей наглядности приведем примеры склонения отдельных урартских слов. Основы на -i. ^Dhaldi «бог Халди»; ^Dhaldini «халдовский»; ^{KUR}biainili «страна Бианили»; esi «место»; ^Idiau(e)ḫi «племя (страна) Диау(е)хи»; ^Irusaḫinili «(город) Русахинили».

Единственное число

Неоформ. п.	D _h aldi	D _h aldini	esi	I ¹ diauehi
Имен. п.	D _h aldini		esini	I ¹ diauehini
Эргат. п.	D _h aldiše	D _h aldiniše		I ¹ diauehiniše
Родит. п.	D _h aldi/e	D _h aldine	esine	I ¹ diauhine
Дат. п.	D _h alde	D _h aldine		I ¹ diauhine
Твор. п.		D _h aldinini	esi(ni)ni	
Напр. п.	D _h aldedi			I ¹ diauhinidi
Местн. п.	D _h aldia		esia	

Множественное число

Неоформ. п.	D _h aldinili	KUR ¹ biainili	I ¹ rusahinili
Имен. п.			
Эргат. п.		KUR ¹ biainaše	
Род.-Дат. п.	D _h aldinaue	KUR ¹ biainaue	I ¹ rusahinaue
Твор. п.	D _h aldinani	KUR ¹ biainani	
Напр. п.		KUR ¹ biainana(i)di	I ¹ rusahina(i)di
Местн. п.	D _h aldina	KUR ¹ biainaste	I ¹ rusahina

Основы на -e: bauše «слово», «приказ», «предмет», «вещь»; alsuiše «величие»; gunuše «битва»; šue «озеро»; ulguše «жизнь»; hare «дорога».

Единственное число

Неоформ. п.	bauše	alsuiše	gunuše	šue	ulguše	hare
Имен. п.				šuni		
Эргат. п.						
Родит. п.						
Дат. п.		alsuiše				
Твор. п.	baušini	alsuišini	gunušini	šuniani (мн. ч?)	ulgušiani (мн. ч?)	haredi
Направ. п.						
Местн. п.						

Множественное число

Неоформ. п.	
Имен. п.	baušinili
Эргат. п.	
Род.-Дат. п.	
Твор. п.	baušinani
Направ. п.	
Местн. п.	

Основы на -a: I¹menua «Менуа»; URU¹tušpa «город Тушпа», I¹ildarunia «Ред-Илдаруниа»; burgana «крепость (?)»; baba «гора»; qiura «земля».

Единственное число

Неоформ. п.	I ¹ menua	URU ¹ tušpa	I ¹ ildarunia	burgana	baba	qiura
Имен. п.	I ¹ menuani	URU ¹ tušpani		burganani	babani	qiurani
Эргат. п.	I ¹ menuaše					
Родит. п.	menuai	URU ¹ tušpai/e				
Дат. п.	*menua					
Творит. п.			I ¹ ildaruniani			
Напр. п.						qiura(i)di
Местн. п.					babania	

Множественное число

Неоформ. п.		burganali	
Имен. п.			
Эргат. п.			
Род.-Дат. п.	URU ^{tuš} panaue		babanaue
Твор. п.			giurani (ед. ч. ?)
Напр. п.			
Местн. п.			

Основы на -u. KUR^{buštu} «страна Бушту»; URU^{tulihu} «город Тулиху»; URU^{šašilu} «город Шашилу»; D^{sebitu} «бог Шебиту».

Единственное число

Неоформ. п.	KUR ^{buštu}	URU ^{tulihu}	URU ^{šašilu}	D ^{sebitu}
Имен. п.	KUR ^{buštuni}	URU ^{tulihuni}	URU ^{šašiluni}	
Эрг. п.				
Родит. п.	KUR ^{bustue}	URU ^{tulihui}	URU ^{šašilui}	D ^{sebitue}
Дат. п.				
Твор. п.				
Направ. п.	KUR ^{buštuedi}			
Местн. п.				

Местоимения

Личные местоимения. Из личных местоимений в урартских текстах засвидетельствованы лишь некоторые формы первого и третьего лица единственного числа.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа «я» засвидетельствовано в форме эргативного падежа: *iesē* «я»; например: *iesē ini pili agubi* «Я этот канал провел» (57₁₇₋₁₈), а также в форме косвенных падежей: *-me* «мне», «меня», которое энклитически присоединяется как к именам существительным, так и к местоимениям и глагольным формам, например: D^{haldiš}-*me aruni* «Бог Халди [дал мне]; *aru-me* «он дал мне»; *artu-me* «они дали мне»; *aluš-me* «кто мне» и т. д. [При присоединении местоименной частицы *-me* вследствие диссимиляционной потери происходит выпадение глагольного окончания 3-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов *-ni*, например: *agume* (от *aruni-me* «он дал мне»), а в некоторых других глагольных формах, а также в именах существительных и местоимениях, стоящих в эргативном падеже, происходит потеря гласного исхода слова, например: D^{haldisme} (от *haldiše-me*) «бог Халди мне»; *alušme* (от *aluše-me*) «который мне», *hašialme* (от *hašiali-me*) «прислушались они ко мне» и т. д.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа в неоформленном падеже имеет форму *manī*, например: *turinini D^{haldiše} DIM-še DUTU-še DINGIR MES-se manī* «пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его». В именительном падеже ед. числа это местоимение предстает перед нами в форме *manini*, например: *terubi manini esini LUGAL-tuhini* «Поставил я его на царственное место» (264₂₀₋₂₁)¹. Формой косвенных падежей личного местоимения 3-го лица ед. числа является *-ni*, подобно *-me*, энклитически [присоединяющееся к слову, вызывая выпадение гласного окончания этого последнего, например: *alušni* (<*aluše-ni*)

¹ Это обстоятельство заставляет нас признать, что основой личного местоимения 3-го лица ед. числа является *manī*, а не *ma-*, как это думает Фридрих, см. Einführung, стр. 17.

tule «Кто ее (надпись) уничтожит» (99, обор. стор. 6); *meini* ^Dhaldiše ^{DIM} ^{DUTU} kulituni *mei* *tini* *mei* *zilibi* *giuraedi* «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини не оставят на земле ни его (самого), ни (его) имя, ни (его) семья» (20, обор. стор. 30–33).

Притяжательные местоимения. Притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа является *-uki* «мой», энклитически присоединяющееся к слову, к которому оно относится, например: *KUR*^е*ebaniuki* «моя страна». Падежные окончания в таких случаях присоединяются в конце такой формы, вслед за суффиксом *-uki*: *ᶫutupursini*... *nunabi kaiuke* (дат. п.) «Утупуршини явился передо мной» (36_{12–13}); *KUR-ni* *KUR*^е*ebaniukidi* (направ. п.) *abilidubi* «(Завоеванную) страну я к моей стране присоединил» (155, E₁₈); *eršidubi* *KUR*^е*ebaniuke* (дат. п.) «Поселил я (их) в моей стране (155, C_{4–5}). Иногда при этом наблюдается выпадение начального гласного и суффикса *-uki*, например: *abilidubi* *KUR*^е*ebanikidi* (158₂₇), иногда же, напротив, происходит выпадение гласного окончания слова, к которому присоединяется суффикс *-uki*, например: *nunabi* *ᶫhilaruadani kauke* (<*kai-uke*) «Явился Хиларуадани передо мной» (158_{22–23}).

Притяжательным местоимением 3-го лица ед. числа является *masi/e* «свой»: *aluše tinini tule mase tini teli* «Кто (мое) имя уничтожит (и) свое имя поставит» (281_{39–40}).

Указательные местоимения. Наиболее часто встречающееся в текстах указательное местоимение — *ini*, указывающее на близкий предмет: «этот, эта, это». *Ini* является чистой основой; в текстах засвидетельствована форма неформального падежа мн. числа этого местоимения *inili*, а также форма творительного падежа мн. числа *inani*: *ᶫmenuaše* *ᶫišpuiniᶫiniše* *ini* *pili aguni* «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел»; *inili* *ebanili* «эти страны»; *inani* *arniusinani* «из этих вещей (предметов, созданий)». Возможно, формой именительного падежа ед. числа этого самого местоимения является встречающееся в некоторых урартских текстах *inini*.

Повидимому, с этим *ini* находится в связи слово *ina* (из надписи № 99), являющееся, по всей вероятности, формой местного падежа от *ini* и имеющее значение: «в этом» («в этой», «в это»), а также «тут», «здесь». От *ina* мы имеем дальнейшие образования: 1) с наращением частицы *-ni* «из» (форматив творительного падежа): *inani* «с этой» (сторон и т. д.), «отсюда», например: *inani* *artini* *guiniani* «с этой стороны озера»; 2) с присоединением суффиксов принадлежности *-ini* и *-hini*: *ina-ini* *ᶫnani* или *ina-hini* «таковой», «такой», «этот»; например, *inani* *burganani* «эта крепость (?)»; засвидетельствована форма множественного числа *inani* — *inanili*, например, *inanili* *arniusinili* «эти деяния». Что касается параллельной формы — *inahini*, то в текстах эта последняя встречается лишь в форме род.-дат. падежа множественного числа: *inahinaue*, например: *inahinaue* *URU*^{MEŠ} *ini* *PA*₅ *hurishi* *manini* «Да будет этот канал оросителем (?) этим городам» (276, обор. стор. 7–8).

Как правило, вышеназванные указательные местоимения в предложении стоят впереди тех слов, к которым они относятся, но имеются исключения из этих правил.

Указательное местоимение *ini* присоединяет суффикс *-uki*, являющийся, как мы видели, притяжательным местоимением 1-го лица ед. числа («мой»). Но в данном случае этот суффикс, повидимому, вносит какой-то утвердительный характер в значение местоимения *ini*. При присоединении суффикса *-uki* происходит потеря гласного исхода *i*, таким образом, мы получаем *inuki* (<*ini-uki*), имеющее, повидимому, значение «этот самый» (а также: «такой», «таковой»). В отношении местоимения *inuki* мы наблюдаем те же явления, с которыми мы встретились в случае самого *ini*. И здесь из незасвидетельствованной в текстах формы местного падежа *inuka* происходит образование: 1) с присоединением частицы *-ni* («из») формы *inukani* «с этого (места и т. д.)», «отсюда» (например: *inukani* *esinini* «с этого места»), и 2) с присоединением суффиксов принадлежности *-ini* и *-hini*: *inukani* (<*inuka-ini*) и *inukahini* «такой», «таковой», «этот». Первое из них засвидетельствовано лишь вместе с *edini*

inukani edini «вслед за тем», «потом», inukaḥini встречается в надписи № 281 (стк. 14): inukaḥine ¹rusaine ḥubi «этой долине (?) (царя) Руса».

Параллельно с этим мы имеем: ikukani (от ikuka-ini) и ikukaḥini «тот» («та», «то»), «тот самый». Они образованы, несомненно, от незавидительствованного в текстах местоимения ikuki (от местного падежа последнего: ikuka), «тот самый», которое в свою очередь образовалось от iki-uki (ср. выше ini-uki > inuki). Таким образом, можно предполагать существование в урартском языке наряду с ini другого указательного местоимения iki, указывающего на далеко находящийся предмет: «тот», «та», «то». Вполне вероятно, что встречающееся в одной надписи слово akuki (286: akuki MU «akuki год») также является указательным местоимением, образованным от простой основы еще одного указательного местоимения aki с присоединением того же суффикса -uki (aki-uki > akuki). Также, очевидно, с указательным местоимением мы имеем дело в слове iṣani «с той (стороны и т. д.)», «оттуда». Несомненно, оно образовано так же, как inani, и подразумевает существование указательного местоимения iṣi (отсюда местный падеж: iṣa + ni > iṣani).

Часто к указательным местоимениям присоединяется edini: ini edini, inukani edini, ikukani edini, ikukaḥini edini. Эти выражения, по всей вероятности, имеют значение: «потом», «впоследствии», «вслед за тем» (развившееся от понятия: «отсюда»). В билингве Топузавы inukani edini, повидимому, соответствует ассирийскому ina arkāniš (264, ур.₃₂, асс.₃₀).

От указательного местоимения ini мы имеем еще образование посредством суффикса имен прилагательных -usi — inusi(ni) (<ini-usi(ni)). Это последнее, повидимому, имело значение «такой», «таковой».

Из определительных местоимений нам известно uli «другой», склоняющееся обыкновенным образом: aluše uliše (эргат. п.) tiule ieše ^{URU}luhiunini ḥaubi «Кто другой скажет: я завоевал город Лухиуни» (30₁₈₋₁₉); aluše ule inili duli «Кто другого заставит совершить эти (дела)» (39₂₄).

Относительные местоимения. Относительным местоимением в урартском является ali «который (-ая, -ое)», «кто», «что», «каковой (-ая, -ое)»: ali 'aše manu arubi ^{LÜ}ḥuradinaue ^{MES} «который (из пленных) был мужчиной — я отдал войнам» (28, верхн. стор.₁₆); inani ^{LUGAL-e} nunabi mei ali ^{LÜ}A-SI ^{MES}-še partu šeri partu «Это досталось царю, но что войны забрали, забрали они отдельно» (155, А₁₁₋₁₂).

В неоформленном падеже мн. числа мы имеем закономерное ali/eli. В эргативном падеже ед. числа это местоимение уже выступает с измененной основой с гласным исходом и имеет форму aluše: aluše ini ^{DUB-te} tule «Кто эту надпись уничтожит» (30₁₅₋₁₆) и т. д.

К основе относительного местоимения ali || alu присоединяются разные частицы: -ki/e, -pi. Например: aliki (alike) «некоторый», обычно в сочетании: aliki...aliki «некоторые...некоторые», «одни...другие», например: aliki zašgubi aliki šeḥeri agubi «(Из захваченных в плен людей) одних я умертвил, других же живыми увел» (127, А₁₁). Повидимому, примерно то же, что значит aliki... aliki, означала и конструкция: ali...alipi, например: ^{ID}sarduriše ale ali ^{LÜ}UKÜ ^{MES} ^{GIS}surginikaini kuluaršibi šatuni ^{ŠADU}uškiani ^{ŠADU}ḥamni badgulubi zašgubi alipi kuluaršibi ^{DIM}-še ^{GIBIL}-ni «Сардурия говорит: (тот) народ, который перед (моим) оружием (?) сбежал (?) (и) занял (?) гору (?) Ушквани (и) гору (?) Бамни, я (их) осадил (?) (и) умертвил, других же, (которые) бежал(и), бог Тейшеба сжег» (155, F₂₆₋₂₈); ср. также в надписи 268₃₁₋₃₃: ali ^{HA}rusaḥinaue ipšadule absilatini alipi abliue.

С другой стороны, мы имеем форму aluki/e (засвидетельствованное в надписи № 276, лиц. стор.₂₀, слово aluka, повидимому, представляет собой форму местного падежа от этого самого aluki/e), которая, по всей вероятности, образована от ali посредством суффикса -uki (ali-uki > aluki), т. е. так же как от указательного место-

имения *ini* образована форма *inuki*, по своему значению мало отличающаяся от *ini* (см. выше). Если руководствоваться этим последним обстоятельством, то можно сказать, что и *aluki*е, возможно, по своему значению мало отличалось от *ali*.

Неопределенные местоимения: *ainiei* (варианты: *aini*, *aniei*) «кто-то», «кто-либо», «кто-нибудь», «кое-кто», «некто»², например: *aluše ainiei inili duli* «Кто-нибудь заставит совершить эти (дела)» (43₈₋₉); *URUluhiunini URULUGAL-ali ue aiše ainiei qabqasulalani aruni D^haldiše I^menua Iⁱšpuinihine* «Город Лухиуни, царский город, которым некогда никто не овладевал (?), дал бог Халди Менуа, сыну Ишпуини» (30₉₋₁₂); *qirani širabae manu ui aini ištini aiuri* «Земля была необитаемой (?), никто там не находился» (136₄₋₅) и т. д.

giei (варианты: *gie*, *gi*) «что-то», «что-нибудь». Гётце придает *giei* значение «когда-то», «когда-нибудь»³, но скорее всего по контексту можно дать значение «что-то», «что-нибудь»⁴: *ui giei ištini šidauri* «Ничего не было там построено» (27₂₈); *ui giei ištini manuri* «Ничего не было там» (281₈); *aluše giei inukani esini šiule* «Кто что-нибудь с этого места унесет» (127, VIII₁₁₋₁₂) и т. д.

Числительные

Из количественных числительных нам известны: 1) *šusini* — «один», например: *šusini šale* «в один год», «за один год». В данном случае *šusini*, по всей вероятности, стоит в дательном падеже, который, так же как, например, в грузинском, употребляется для обозначения времени. В текстах засвидетельствована также форма местного падежа этого числительного: *šusina MU^mES KURbiainili nuld KURluluinili zeldubi* (264₂₈₋₃₀). 2) *atibi* «десять тысяч».

Из форм наречий, образованных от порядковых числительных, засвидетельствованы: *tarani* «во второй раз» и *šištini* «в третий раз», хотя такое значение этих слов не является несомненным.

Глагол

В оформлении урартского глагола видное место занимает различие между переходными и непереходными глаголами. Окончанием, характерным для основ переходных глаголов, является *-u*, например: *zadu* «создавать», *šidištu* «строить», *teru* «строить», «устанавливать», *agu* «давать» и т. д.

Часто встречается образование переходных глаголов посредством глагольных основы *du* «делать», например: *uelidu* «собирать» (ср. *ueli* «собрание» (?), «отряд» (?), *šeridu* «отделять», «выделять» (от *šeri* «отдельно», «отдельный»); *uediadu* «собира-плять» (?) (от *uedia(ni)* «женщина»), *atqanadu* «совершать жертвоприношение» (от *atqana(ni)* «жертва», «жертвоприношение»), см. также *abilidu*, *terdu*, *ardu* и т. д.

Основа непереходных глаголов оформляется окончанием «а», например: *pu* «прийти», «приходить» и т. д. Встречаются иногда одни и те же корни, оформленные и как переходные глаголы (посредством *-u*) и как непереходные (посредством *-a*). Показателями непереходных глаголов «-а», например: *šia* «идти», «уходить», «прийти» и *šiu* «принести» («приводить»), «уносить» («уводить»), *uša* «направить» «отправиться» и т. д. и *uštu* «направить», «преподносить» и т. д.

¹ *aluki* можно объяснить и по-другому: возможно, оно образовано от параллельной с *ali* основы *alu* с прибавлением частицы *-ki* (см. *ali-ki*) и является фонетическим вариантом *aliki*.

² Гётце, RHA, 22, стр. 179 сл.

³ Там же, стр. 185.

⁴ ВДИ, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9.

Непереходные глаголы. Образование прошедшего времени. К основе непереходных глаголов в прошедшем времени присоединяются следующие окончания:

Единственное число

Множественное число

1-е лицо -di

3-е лицо -bi/e

3-е лицо -li

Так, например, для глаголов *ušta* «выступать» (в поход), *nuna* «приходить», *naḥa* «приходить», «восходить», *šia* «идти» засвидетельствованы следующие изменения:

Единственное число	{1-е л. <i>uštadi</i> 3-е л. <i>uštabi</i>	<i>nunadi</i> <i>nunabi</i>	<i>naḥadi</i> <i>naḥabi</i>	<i>šiadi</i> <i>šiabi</i>
-----------------------	---	--------------------------------	--------------------------------	------------------------------

Множественное число	3-е л. <i>uštali</i>	<i>nunali</i>		
------------------------	----------------------	---------------	--	--

Формы непереходных глаголов с основой на -ia. Встречаются случаи, когда основа непереходных глаголов образуется не одним лишь гласным *е* сходом «а», как это бывает обычно, а комплексом -ia. К такой основе при спряжении присоединяются обыкновенно личные окончания непереходных глаголов (-di, -bi, -li), и, таким образом, образуются формы, оканчивающиеся в 1-м лице ед. числа на *-iadi*, например: *kuṭiadi* «я дошел (до)»; *ḥutiadi* «я взмолился»; *bidiadi* «я повернулся»; в 3-м лице ед. числа на *iabi*, например: []*derasiabi* «(он) боялся (чего-нибудь)». Возможно, такой же формой является неоднократно засвидетельствованное в текстах *uluštaibi*—*uluštabi* «(он) шел впереди (кого-нибудь)» (от *uluštiabi* вследствие метатезы?). 3-е лицо множественного числа оканчивалось на *-iali*, например: *arṇuali* «они пришли на помощь (кому-нибудь)». Такой же формой является *ḥašiali* (с суффиксом косвенного объекта 1-го лица ед. числа -me — *ḥašialme*): *ḥašialme* DINGIR^{MES} «Прислушались боги ко мне (к моей просьбе)» (127, II₁₀ и др.).

Если обратить внимание на глаголы, основы которых оформляются через -ia, можно заметить, что здесь перед нами во всех случаях глаголы, имеющие или обязательно подразумевающие какой-нибудь объект, т. е. отношение субъекта к кому-нибудь или к чему-нибудь: *ḥutia* «взмолиться», «обратиться с молитвой к кому-нибудь»; []*derasia* «бояться» (чего-нибудь); *uluštia* (>*uluštai*, *ulušta*) «предшествовать», «идти впереди (кого-нибудь)»; *arṇuia* «помочь (кому-нибудь)»; *ḥašia* «прислушаться (к просьбе) (кого-нибудь)»; *kuṭia* «доходить», «достигать (чего-нибудь)». Иногда таким объектом может выступать само действующее лицо: *bidia* «повернуться» (повернуть себя). Это, как нам кажется, объясняет засвидетельствованное в текстах явление, когда данная глагольная форма заменяется обыкновенной формой переходного глагола, образованной от того же корня; например, в урартских текстах полноценными вариантами друг друга выступают: *kuṭiadi* и *kuṭubi*, стоящие всегда в связи с предлогом *pari* («до»). Как *kuṭiadi pari*, так и *kuṭubi pari* в победных текстах урартских царей, несомненно, обозначают одно и то же: «я дошел до» («я довел (себя) до»). Таким образом, форма непереходных глаголов с основой на *ia* обнаруживает близость к переходным глаголам.

Аналогией этой глагольной категории, хотя и неполной, могут служить те грузинские «средние» глаголы, которые, являясь по своему значению непереходными, все же требуют эргативной конструкции предложения. Эта категория «средних глаголов» в грузинском языке или следует нормам спряжения действительного залога, или же следует нормам спряжения, заключающим в себе характерные особенности спряжения действительного и страдательного залога¹.

¹ Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, 1940, стр. 172 сл.

Формы непереходных глаголов с основой на -i. Некоторые непереходные глаголы, в отличие от вышеназванных категорий, имеют основу, оканчивающуюся на -i. При спряжении они принимают обыкновенные личные окончания непереходных глаголов. Так, например, формой 1-го лица единственного числа является, по видимому, *išti/ēdi* «я выступил», «я отправился», формой 3-го лица ед. числа — засвидетельствованные в текстах: *suluštibi* «он ниц повергся», *aistibi* «он прыгнул», *kuluaršibi* «он убежал». Может быть, здесь перед нами та же глагольная форма, с которой мы встречались выше, в основах на *ia*, и *i* в этих случаях является следствием упрощения комплекса -*ia*.

Переходные глаголы. Из форм настоящего времени переходных глаголов засвидетельствован лишь один единственный случай: *ali/ē* (в написании: *ali*, *alie*) «он говорит»¹, например: ^I*D* *sardurise* ^I*argistihi* *nise ale* «Сардури, сын Аргшти, говорит». Так как у нас нет материала для сравнения, мы не в состоянии расчленить это слово и указать что-нибудь определенное о том, что является в этом слове окончанием, характерным для данной глагольной формы, и что — основой.

Прошедшее время. Более ясно обстоит дело в отношении спряжения переходного глагола в прошедшем времени. Засвидетельствованы формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Характерными для этих форм окончаниями являются:

Единственное число	Множественное число
1-е лицо: -bi, -li	-se
3-е лицо: -ni, -me -ali	-itu, -ituni, -ituli, -itume

Эти окончания присоединяются к основе глаголов, оканчивающейся на показатель переходных глаголов -u. В 1-м лице ед. числа окончание -bi ставится в тех случаях, когда объект данного глагола — один, например: *iese ini pili agubi* «я этот канал провел» (57₁₇₋₁₈); ^I*argisti* *se ale haubi* ^{KUR}*etiunini* «Аргшти говорит; завоевал страну Этиуни»; наряду с этим мы имеем употребление этого же суффикса -bi и при множестве объектов, например: ^{URU}^{MES}*GIBÍL-bi É·GÁL* ^{MES}*harharšubi* «города я сжег, крепости же разрушил» (127, I₇); ^{LÜ}*huradinili uelidubi* «воинов я собрал» (127, I₆).

Но в ряде случаев, когда объект стоит во множественном числе, показатель 1-го лица ед. числа -bi заменяется окончанием -li, которое здесь, несомненно, передает множественность объекта; так, например: ^{LÜ}*huradinili* ^{MES}*kedanuli* «воинов я отправил» (28, лиц. стор. 4, ср. 155, B₂₈₋₂₉); ^{LÜ}*A·SI* ^{MES}*ueliduli* «воинов я собрал» (127, III₄₉); *iese* ^{LÜ}*A·SI* ^{MES}*-ni kuli* «воинов я отпустил» (155, F₁₆); ^{KUR}*biainili nulduli* «Страной Биайнили я правил» (264₂₉); *iaraneli...šidištuli* «Часовни (?) ... я построил» (264₆₋₇); *É·GÁL* ^{MES}*šiduli* «Крепости я построил» (127, III₂₄); *iese ini ebanili susine uštiptini ašguli* ^{LÜ}*bura aštuli* «Я эти страны одним походом захватил (и) поработил» (266₂₋₃); *šidištuli inili É·GÁL* ^{MES} «Я построил эти крепости» (266₁).

¹ Такое значение этого слова вызывает некоторые сомнения, отдельные исследователи не считают его глагольной формой. Аргументом в пользу признания *alie* глагольной формой со значением «он говорит», как указал акад. В. В. Струве, может служить тот факт, что в древнейших урартских надписях — в ассирийских текстах Сардури, сына Лутипри (см. № 1, 2), — историческое повествование начинается ассирийской глагольной формой *izakar(ma)* «он говорит (следующим образом)»: в исторических надписях ассирийских царей такая вводная формула не встречается. Полную аналогию к урартскому *alie* нам дает, по мнению В. В. Струве, вводная формула древнеперсидских царских надписей *šatiy*.

iu ^Irusahinili šiduli «Когда я (город) Русахинили построил» (268₉₋₁₀); DAN·NU^{MEŠ} arnušinišili ištini zaduli «Могучие дела я там совершил» (268₁₀₋₂₁) и т. д.

При образовании вышеназванных глагольных форм происходит ряд фонетических изменений, например: если окончание 1-го лица ед. числа прош. времени переходных глаголов при множестве субъектов -li присоединяется к основе, в которой перед показателем переходных глаголов и стоит согласный l, то происходит регрессивная десимилиационная потеря слога (например, от: kulu-li мы получаем kuli «я отпустил»). В форме 1-го лица ед. числа прош. времени, так же как и в некоторых других формах, происходит выпадение конечной гласной корня при присоединении показателя переходных глаголов -u, например: tiubi «я сказал» (от tiau-bi).

В 3-м лице ед. числа при одном объекте основа переходного глагола принимает окончание -ni: ^Imenuaše ^Išpuinihišise ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (43₁₋₃); при множестве объектов — окончание -ali: karuali IV LUGAL^{MES} «он победил четырех царей» (155, D₄₇); šatuali kureli «он обнял (мой) ноги» (36₁₄). Если к данной глагольной форме присоединяется еще окончание косвенного объекта 1-го лица ед. числа -me «мне», то перед ним окончание 3-го лица ед. числа -ni выпадает (вследствие той же десимилиационной потери слога), так, например: aguni «он дал», agume «он дал мне», ušanuni «он даровал», ušanume «он даровал мне».

В одной из надписей (№ 18), по всей вероятности, засвидетельствована форма 1-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов. От основы šidištu «строить» с суффиксом -še образована форма šidištuše «мы построили»: ^Išpuiniše ale ^IDsardurehišise ieše ^Imenuaše ^Išpuinehišise ^Iinušpuuše ^Imenuahiniše ^Dhalde suse šidištuše «Ишпуини говорит: Я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, (и) Инушпуа, сын Менуа, это сусе бога Халди построили (мы)» (18₂₋₆; 18-22, 31-38)¹.

Наконец, засвидетельствованы формы 3-го лица множественного числа, образующиеся посредством суффикса -itu. При присоединении суффикса -itu к основе обычно происходит выпадение показателя переходных глаголов -u, так, например: haitu (hau-itu) «они завоевали», atqanaditu (atqanadu-itu) «они пожертвовали», taitu (tiau-itu) «они сказали», atitu (atu-itu) «они съели» и т. д. Но иногда, наоборот, выпадает начальное i суффикса -itu, а показатель переходных глаголов u сохраняется, например: suidutu (от suidu-itu) «они отбросили», šeridutu (от šeridu-itu) «они поделили».

Если признак переходных глаголов u перед собой имеет г, то при присоединении суффикса 3-го лица мн. числа прошедшего времени -itu исчезает как признак переходных глаголов «u», так и «i» суффикса -itu: paru-itu > paritu > partu «они угнали», «они урели»; aru-itu > aritu > artu «они дали». Если же признак переходных глаголов «u» впереди себя имеет «t» или «d», то формы 3-го лица мн. числа прошедшего времени образуются правильно, например: atu → atitu (< atu-itu) и т. д., но, если такая форма получает еще другой суффикс, то происходит сокращение: «i» исчезает, «tt» (или «dt») дает «t», так, например, šidištu «строить», šidištitu «они построили», но šidištitu-li > šidištuli (см., например, 26₅, 11) или же: zadu «создавать» «делать», zaditu «они сделали», но zaditu-me > zatume «сделали — они — мне»; или же, мы имеем zatuli «сделали — они — их» (27₃₃) от zaditu-li > zadtuli > zatuli.

Окончание -itu является показателем субъекта 3-го лица множественного числа, объект в этой глагольной форме остается неотраженным. Но засвидетельствованы

¹ И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 80; A. Götz e. ZA, NF, V, 1929, H. 1/3, стр. 105.

и такие случаи, когда к окончанию 3-го лица мн. числа -itu присоединяются суффиксы, обозначающие объект; -ni («его») — показатель объекта 3-го лица ед. числа, -li («их») — показатель объекта 3-го лица мн. числа или -me («мне») — показатель косвенного объекта 1-го лица ед. числа, например: kuitu-ni «они воздвигли ее (стелу)» (22₄); barharsitu-li «они разрушили их (= города)»; artu-me «они дали мне» (276, лиц. стор.₁₁). Ниже для большей наглядности приводятся засвидетельствованные в текстах формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени переходных глаголов: agu «давать», zadu «делать», «создавать», «строить», šidištu «строить», paru «угонять», kuiu (<kuguiu) «воздвигать».

Единственное число

1-е лицо:	arubi «я дал его»	šidištubi «я построил его» šidištuli «я построил их»	zadubi «я сделал его»	parubi «я увел его» paruli «я увел их»
3-е лицо:	aruni «он дал его» aruali «он дал их» arume «он дал мне»	šidištuni «он построил его» šidištuali «он построил их»	zaduni «он сделал его» zaduali «он сделал их»	kuguni «он воздвиг его»

Множественное число

1-е лицо:	šidištuse «мы построили»		
3-е лицо:		partu «они угнали (его, их)»	kuitu «они воздвигли (его, их)» kuituni «они воздвигли его»
	šidištuli (<šidištu-itu-li) «они построили их»	zaḡuli (<zadu-itu-li) «они сделали их» zatumе (<zadu-itu-me) «они сделали мне»	
	artume (<artu-itu-me) «они дали мне»		

Формы переходных глаголов с распространенной основой на -ul. Засвидетельствованы случаи, когда в основе переходных глаголов непосредственно перед показателем переходности -u включается частица -ul; так, например от простой основы переходного глагола teru «ставить» и т. д. встречается распространенная основа terulu, или от suidu «отбрасывать» — распространенная основа suidulu и т. д. Трудно судить о функции этой частицы -ul, но, как уже отметил Фридрих, формы с такой распространенной основой по своему значению весьма близко стоят к формам с простой основой¹. Глагольная основа переходных глаголов, распространенная частицей -ul, спрягается так же, как и обыкновенная основа переходных глаголов. В текстах засвидетельствованы формы 1-го лица единственного числа с окончанием -bi, например: terulubi, suidulubi, badgulubi, gabqarulubi.

¹ J. Friedrich, Einführung, стр. 5.

Формы переходных глаголов на -abi, -ulabi, -ulani. В уартских текстах встречается своеобразное оформление переходных глаголов, когда к основе присоединяются не обыкновенные личные окончания, а те же окончания, имеющие перед собой гласный «а»: в 1-м лице ед. числа -abi, в 3-м лице ед. числа -ani и т. д. При получении этих суффиксов признак переходных глаголов -и выпадает. Например: harharšabi (от harharšu-abi): ieše ^{KUR}banni harharšabi «Я страну Бамни разрушал (?)» (127, VI₁₉₋₂₀). Возможно, такая же форма засвидетельствована в той же надписи—uiabi: Iargištiše ale inani MU·MU uiabi «Аргшти говорят: это я ежегодно.» (127, VI₁₅), или же eridabi в надписи 128, A 1 (стк. 18).

Эта же форма образуется и от основ переходных глаголов, распространенных частицей -ul, например: 1-е лицо ед. числа ašulabi (ašulu-abi) и 3-е лицо ед. и множ. числа — ašulani (ašulu-ani): inani LUGAL-e nunabi mei ali ^{LÜ}A·SI^{MES}-se partu šeri partu iu ^{KUR}ebani ašulabi «Это (речь идет о добыче и пленниках.— Г. М.) досталось царю, но что воины забрали, забрали они отдельно, когда я (завоеванную) страну покидал (?)» (155, A₁₁₋₁₂); inani partu Išpuiniše ^{I^D}sardurehiniše ^{I^D}menušē Išpuinihiniše mei ali KUR·KUR^{MES}(?) a šeridutu iu É·GAL^{MES} ašulani «Это (речь также идет о добыче и пленниках.— Г. М.) забрали Ишпуини, сын Сардур, (и) Мевуа, сын Ишпуини, но что они выделили для стран, когда они покидали (завоеванные) крепости. . .» (24, лиц. стор. 25-28). Возможно, такую же форму, как ašulani, представляет собой засвидетельствованное в надписи № 25 (стк. 4) слово qudulani. Судя по контексту, в котором встречаются данные глагольные формы, здесь мы, возможно, имеем дело с формами несовершенного вида прошедшего времени.

Будущее время. Формы будущего времени переходных глаголов засвидетельствованы лишь в 3-м лице единственного числа. Эта глагольная форма образуется присоединением суффикса -li/e (в графике: li, li-e) к основе переходных глаголов, например: tīu-le «он скажет». Эти формы в текстах чаще всего встречаются употребленными в значении сослагательного-будущего: aluše tule «кто уничтожит»; aluše tiule «кто скажет»; aluše šiule «кто унесет» и т. д. Иногда данная форма имеет каузативный оттенок, так, например: aluše ule inili dule «Кто (кого-нибудь) другого заставит совершить эти (дела)». Возможно, иногда с таким же оттенком употребляются эти глагольные формы в фразах с aše «когда»; так, например: ikukahine I^Drusaine hūbi gi aše pili nikiduli «В этой долине (?) Руса (род. п.) когда (кто-нибудь) заставит канал оросить что-нибудь. . .» (281₁₆₋₁₇). Очевидно, эта же глагольная форма налицо в таких выражениях, как: aše GIS^{MES} ui aldinie guduli (27₂₉); aše GIS^{ul}ldi tanuli (27₃₀); aše GIS^{ul}ldi mesuli (27₃₀) и т. д.

Встречаются формы будущего времени с суффиксом объекта 3-го лица множественного числа -ali, присоединяющимся к глагольному окончанию le/i. Так, например, мы имеем от глагольных основ hū- (<hau-) и šiu- формы: hūliali (hū-li-ali) и šūliali (šiu-li-ali): aluše raḥanili ištiniṇi šūliali aluše hūliali auiei «Кто (жертвенных) быков оттуда уведет (их), кто куда-нибудь их поведет» (63₈₋₈) (RHA, 22, стр. 181).

Глагольные формы на -gi. Глагольные формы, оканчивающиеся на gi, справедливо признаны рядом исследователей формами 3-го лица ед. числа прошедшего времени среднего или страдательного залога¹. Но в формах на -gi ясно различаются друг от друга: 1) формы, образованные посредством суффикса -uri от основ непереходных глаголов, например: aiuri (от aia-?), ušturi (от ušta-: ušta-uri > ušturi), manuri (от manu «быть», «существовать»), и 2) формы, образованные суффиксом -auri от основ переходных глаголов, например: agaauri (от agu «уводить», «проводить»), šida(g)uri (от šidu «строить», «воздвигать»). Глагольные формы на -gi всегда стоят в связи с отрицанием u «не»; они, по всей вероятности, имели такой же оттенок, как так называемые «результативные времена» грузинского языка

¹ J. Friedrich, Einführung, стр. 8; A. Goetze, RHA, 24, стр. 266—269 и т. д.

(«турмеобити»)¹. Так, например, мы встречаем²: inuki budusini (s)ui giei sida(g)uri «Такое величественное (?) ничего не было построено» (№ № 16, 17); ui giei istini sidauri «Там ничего не было построено» (78₂); qirani quldini manu ui giei sidauri istini «Земля была пустынной (?), ничего не было там построено» (127, II 34-35); qirani şirabae manu ui aini iştini aiuri «Земля была необитаемой (?); никто там не находился» (136₄₋₅); KİTİM quldini manu ui giei absiei GÂNGİŞİ ŞAMŞE GİŞGEŞTİN zari iştini manuri ui PA₆ iştini agauri «Земля была пустынной (?), ничего..., ни поля с посевами, ни виноградника, ни фруктового сада там не существовало, (и) канал не был там проведен» (276, лиц. стор. 38-42); qarbi šalzi manu ui giei iştini sidauri «Скала (?) была крутая (?), ничего не было там (раньше) построено» (280₄₋₅).

В урартских текстах встречается еще ряд слов, оканчивающихся на -ri, но в тех случаях, когда эти слова стоят вне связи с отрицательной частицей ui, трудно определить, к какой грамматической категории они относятся.

Повелительное наклонение. В текстах засвидетельствованы формы повелительного наклонения 2-го и 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа действительного залога и формы 3-го лица единственного и множественного числа страдательного залога.

Действительный залог. Форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа как переходных, так и непереходных глаголов образуется суффиксом -i/e, который при присоединении к основе глагола вызывает выпадение показателя переходных глаголов и и показателя непереходных глаголов «а», например: tur/e (в написании: turi, turie) (от turu-i/e) «уничтожь!», uli (от ula-i) «иди!». Эти формы многократно встречаются в формуле проклятия урартских надписей: (aluše) tiu uli turi «(Кто) скажет: иди! уничтожь (надпись)!» (19₃₉₋₄₀ и др.).

Для 3-го лица ед. числа характерно окончание -inini, при присоединении которого к основе также происходит выпадение признака переходных глаголов и, например: turinini «Пусть он уничтожит!» (от turu-inini) или: manini «Пусть будет!» (от manu-inini > maninini > manini); turinini ^Dhaldiše ^DIM-še ^DUTU-še DINGIR^{MES} manini ^DUTU-ni pini «Пусть уничтожат³ бог Халди, бог Тейшеба, бог Шивини, (все) боги его под солнцем» (29₁₉₋₂₀); manini ^Dhaldini bedini ^Imenua ^Işpuinehine ^Iinuspuia ^Imenhine ulguše pişuše alsuše «Да будет со стороны бога Халди Менуа, сыну Ишпуини (и) Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие» (93₄₋₇ и т. д.); по всей вероятности, такая же форма перед нами в надписи № 167 (стк. 8) SUM-nini=arinini (от «давать») «пусть даст!».

Форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, как мы видим, может употребляться в смысле 3-го лица мн. числа при множестве субъектов, если только ее субъекты стоят не впереди нее, а следуют за ней. Наоборот, когда форма повелительного наклонения следует за субъектом, то требуется постановка глагола в 3-м лице мн. числа. Окончанием повелительного наклонения действительного залога 3-го лица множественного числа является -lini/ni (t вносит в данный суффикс элемент множественности), присоединявшееся прямо к основе переходного глагола: turutineni (в написании turutinieni, от turu «уничтожить») «пусть уничтожат!», например: ^Dhaldiše ^DIM-še ^DUTU-še quraše DINGIR^{MES} -še turutineni e'a zilibi qirani edini «Боги Халди, Тейшеба, Шивини, (и) земные боги(?) пусть уничтожат его (самого), а также (его) семья на земле» (99, обор. стор. 8-11)⁴.

¹ О значении этих форм см. Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, 1940, стр. 241 сл.

² Относительно перевода ряда фраз, приведенных ниже, см. нашу работу «Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту», ВДИ, 1951, № 4, стр. 29 сл.

³ В урартском ед. число.

⁴ Гётте (RHA, 22, стр. 195-198) считает, что засвидетельствованные в текстах ineriñinitini, ĥaitini и ašaštitiñini являются также формами 3-го лица мн. числа повелительного наклонения действительного залога и формативом этой глагольной

Страдательный залог. Из форм повелительного наклонения страдательного залога засвидетельствованы формы 3-го лица единственного и множественного числа. Формативом 3-го лица ед. числа является суффикс *-ulini*, например: *UDU·MĀŠ·TUR* ^D*halde niṣsidulini* *GUD* ^D*halde urpulini* «Для бога Халди пусть будет зарезан (?) козленок, (а также) бык пусть будет принесен в жертву богу Халди» (25₄₋₅, 9-10). Эта глагольная форма в урартских текстах довольно часто встречается. Для формы 3-го лица мн. числа повелительного наклонения характерно окончание *-uāli*, например: *urpuāli* «пусть будут принесены в жертву» (27_{91, 92, 93})¹.

Итак, из положительных форм повелительного наклонения в урартских текстах засвидетельствованы:

Действительный залог

Ед. число: 2-е лицо *turi/ē, uli*
3-е лицо *turinini, manini*
Мн. число: 3-е л. *turutineni*

Страдательный залог

Ед. число: 3-е лицо *urpulini*
Мн. число: 3-е лицо *urpuāli*

Запретительные формы повелительного наклонения², находящиеся в связи с отрицательной частицей *mei* («пусть не»), засвидетельствованы в 3-м лице единственного и множественного числа.

В 3-м лице ед. числа глагольная форма характеризуется окончанием *-diani*, при присоединении которого происходит выпадение оканчивающего основу *u*, так, например: *ṣepuiardiani* (от *ṣepuiaru-diani*), *kuldiani* (от *kulu-diani*)³, *ḥaidiani* (от *ḥaiu-diani*). Если в основе перед показателем переходных глаголов *u* имеется *d*, то происходит потеря вместе с показателем переходных глаголов *u* также обоих (находящегося в конце основы и в начале суффикса) *d*, так, например: *lakuāni* (<*lakudu-diani*).

В 3-м лице мн. числа отрицательная частица требует глагольной формы, идентичной с формой 3-го лица мн. числа прошедшего времени изъявительного наклонения переходных глаголов, например: *kultuni* (от *kulu* «оставлять», «покидать» и т. д.): *D*^D*haldisē* *D*^{IM}*-ṣe* *D*^{UTU}*-niṣe* *D*^{INGIR}*MES**-ṣe mei tini mei armuzi mei zilbi qir-uraidi* *kuletuni* «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги не оставят на земле ни (его) имя, ни (его) семью, ни (его) потомство» (281₄₂₋₄₇).

Сослагательно-желательное будущее (оптатив)⁴. Для определения данной глагольной формы опорным пунктом является одно выражение из надписи 128, В 1 (стк. 24): *ali meṣe... D*^{dia}*ḥinidi terubi MU·MU-ni ardilani* «(Вот) каковую дань... я на (страну) Диаухи вложил, чтобы (она) ее давала ежегодно» (следует перечисление объектов дани и их количества). *Ardilani* является формой именно сослагательно-желательного будущего времени (оптатив) 3-го лица ед. числа действительного залога. Эта форма, как мы видим, образуется посредством суффикса *-ilani*, при присоединении которого к основе показатель переходных глаголов *u* выпадает: *ardu-ilani* > *ardilani*. Такие же формы, очевидно: *ḥailani* (от *ḥaiu-ilani* > *ḥai-ilani* > *ḥailani*) (127, IV₇₄), *zirbilani* (от *zirbu-ilani*) (127, V₄₂); вероятно, этой же формой, снабженной в конце объективной частицей 3-го лица ед. числа *-ni*, являются такие формы, как: *terdilani* (169₁₂), *absilani* (268₂₅).

Формы считает не *-tinini*, а *-tini*, рассматривая в слове *turutineni* последнее *-ni* как объективную частицу 3-го лица ед. числа («его»), что нам кажется маловероятным, так как объект *turutineni* (*mani*) в нашей надписи отдельным словом следует за ним.

¹ А. Гётце: RHA, 24, стр. 269—276.

² А. Гётце: RHA, 22, стр. 188—192.

³ Но в Келяшинской билингве (19₃₆) мы имеем *kuludiani* (явление, характерное для мусасирского говора урартского языка? — см. ниже).

⁴ А. Гётце, RHA, 24, стр. 276—282.

3-е лицо множественного числа этой же формы образуется, повидимому, суффиксом *-ilatini*¹, который при присоединении к основе также устраняет показатель переходных глаголов *и*, например: *usidilatini* (89₁₁), *absilatini* (268₃₃). 3-е лицо множественного числа того же сослагательно-желательного будущего, но страдательного залога оканчивалось, повидимому, на *-i'ali* (перед ним также происходит выпадение признака переходных глаголов *и*), например: VI UDU.MĀS.TUR ^Dhalde nipsidi'ali «Чтобы были зарезаны шесть козлят для бога Халди (богу Халди)» (27₃).

Сослагательное прошедшего времени? Повидимому, формы 3-го лица мн. числа действительного залога сослагательного прошедшего времени оканчивались на *-alani*, при присоединении которого к основе признак переходных глаголов *и* выпадал; например, такой формой является, *ḥaialani* (от *ḥaiu-alani*): É murili ali LÜ AD-še LÜ AD-AD-še zaduali auie kui kulme manidu ui aisei LUGAL MES-še *ḥaialani* «Потаенные склады (?), которые создали отец и дед и где богатство (?) было (собрано), чтобы никогда дари (Урарту) его не захватывали» (155, C₂₇₋₂₉). Очевидно, такой же формой является засвидетельствованное в надписи № 32 (стк.5) *paralani* (от *paru-alani*)².

Причастие страдательного залога в урартском языке, по всей вероятности, образуется суффиксом *-al/-ae*, который присоединяется к основе, лишенной показателей переходных или непереходных глаголов. Так, например, от *teru* «ставить» мы имеем *terai/e* (в написании: *teragi*, *teraie*; мн. число: *terainili*). В Келяшиской билингве *terainili* «поставленные» соответствует ассирийскому *šaknâte*, имеющему такое же значение (19, ур.₂₂, асс.₂₀). Таким же образом от непереходного глагола *durba* «восстанавливать» мы имеем *durbaie* (= *durbae*) «восставший»: NN *durbae* manu «NN был восстановлен» (= «NN был мятеежником», «NN восстал») (128, A 3₂₃). Возможно, таким же причастием является *ardae* (*ardae*) из надписи 155, G (стк. 3) от глагола *ardu* «давать», «преподносить». Так же, как нам кажется, причастиями являются формы на *-ue*, например: *urgue* «пожертвованный», «жертва» или: *šedue* «выходящий» (?), «вытекающий» (?) (от *šedu* — распространенной посредством *d* основы *šiu* «уводить», «уносить» и т. д. Ср. *aru* и *ardu* и т. д.).

Имя действия (масдар)? Основа переходного глагола, лишенная показателя переходных глаголов *и*, иногда принимает окончание *i/e di/e* (*idi*, *ide*, *ede*). Это окончание, очевидно, находится в связи с суффиксом направительного падежа *e/di*. По мнению Фридриха³ здесь перед нами форма неопределенного наклонения; например: *ari/e de* (от *ari* «давать»): *mešini pi 'aldubi meše* ^{I D} *sardure arede* «Помогая (его) под условием (выплаты) дани, чтобы давать дань (царю) Сардури» (155, A₁₇₋₁₈; ср. 155, F₂₁: *meše* ^{I D} *sardure aride*).

Как нам кажется, форму *ari/e de* можно осмыслить как форму направительного падежа от отглагольного имени *ari* (*ari* + *i/e di/e*), тогда можно сказать, что одним из способов образования в урартском языке отглагольного имени, точнее, «масдара» (имени действия — ср. аналогичную форму в грузинском) являлось присоединение *-i* к основе переходного глагола, лишенной показателя переходности *и*.

Неправильный глагол тапи «быть» «существовать». В 3-ем лице ед. числа прошедшего времени этого глагола («был») встречаются две разные формы: *manu* и *manuri*; вторая из них употребляется лишь в предложениях с отрицанием *ui* и по своему значению соответствует форме так называемого «результативного» страдательного залога грузинского языка (ср. выше, в разделе о формах на *-ri*). Так.

¹ Ср. в формах повелительного наклонения действительного залога 3-е лицо ед. числа: *turinini* и 3-е лицо мн. ч.: *turutinini*. И здесь *t* выступает как показатель множественности.

² А. Гётце эти формы рассматривает как 3-е лицо мн. числа той же формы, 3-м лицом ед. числа которой являются формы на *-ilani*: *ardilani* и др. (см. выше о формах сослагательно-желательного будущего).

³ J. Friedrich, Einführung, стр. 8.

например: *ue ainiei LUEN-NAM MES šukuri manuri* «Никто (из) правителей областей не был призван» (155, F₁₆); *ui giei ištini manuri* «Ничего там не было» (281₈).

В 3-м лице мн. числа мы имеем *manuli* («были»), например: ^{I D}*sarduriše ale haubi III É-GAL MES agununili manuli gunuša haubi* «Сардури говорит: завоевал я три крепости, (которые) были укреплены, я (их) в бою завоевал» (155, A₆₋₇).

Из других форм глагола *manu* известны: 3-е лицо ед. числа будущего времени *manule* (в надписи № 169); 3-е лицо ед. числа повелительного наклонения: *manini*. Для запретительной формы повелительного наклонения в 3-ем лице ед. числа с отрицанием *me(i)* «пусть не» характерна форма *manuni*: *me kui tini manuni* (280₁₂) или: *mei absi bauše bidi manuni* (268₂₃₋₂₄; ср. 276, обор. стор. 9-10, 16-17). Засвидетельствованное в текстах *manuše*, вероятно, является абстрактным именем, образованным подобно *aguše* (от *agu-* «давать»). О значении других форм глагола *manu*, например, *manidu*, трудно что-нибудь сказать.

Формы на *-lalani*. Окончание *-lalani*, присоединяющееся к основе переходных глаголов, образует, повидимому, 3-е лицо ед. числа формы, соответствующей грузинскому так называемому «результативному» действительного залога, например: Город X, *ali ue aiše ainiei qabqasulalani* «Город X, которым никогда никто не овладевал (?)» (30₉₋₁₀). Повидимому, такая же форма, примерно с таким же значением — *aršulani*, встречающаяся в надписи № 34 (стк. 3).

В урартском эпиграфическом материале можно проследить еще некоторые другие глагольные формы, о значении которых трудно сказать что-нибудь определенное. Так, например, прослеживается форма с окончанием *-ilini*: *qabqarilini* (27₂₅ — для выделения окончания в этом слове ср. *qabqarulini*, *qabqarulubi*). Или же форма на *-(u)di*: *ulhudi* (158₂₂). В этом окончании мы, по всей вероятности, имеем показатель переходных глаголов вместе с окончанием 1-го лица ед. числа непереходных глаголов.

Прочие грамматические категории

Наречия. В эпиграфическом материале засвидетельствованы наречия образа действия: *šišuhani* «вновь» (?); наречия времени: *iū* «когда»; *aše* «когда»; *a(i)šei* «когда-нибудь»; *mei a(i)šei* «никогда»; *absiei* «прежде» (?); *ini edini*, *ukukani edini*, *inukani edin(i)* «затем», «впоследствии», «потом» (?); наречия места: *auie* «где», *auiei* «где-нибудь», «куда-нибудь»; *ištini* «там»; *ištini* «оттуда»; *edia* «там»; *edini* «оттуда»; наречия меры и количества: *tarani* «во второй раз» (?), *šistini* «в третий раз» (?).

Послелог: *-ši/e* (в написании: *ši*, *šie*) «в». Этот послелог ставит слово в местном падеже, например: *šuhinaše* (25₄), *ebaniši* (36₂₈), ^{KUR}*hatinaše* (127, III₁₅)¹.

-ka(i) — «перед» — присоединяется иногда к неоформленному, иногда же к именительному падежу. Например, мы имеем: ^I*menuakai*, ^D*haldikai*, ^I*argistikai*, ^{I D}*sardurikai* (неоформ. п.), но, рядом с ним: *pulusinikai* (65₂₉), ^{URU}*umeiškinikai* (158₁₁) (имен. п.). К послелогу *-ka* иногда присоединяется суффикс творительного падежа *-ni* (в значении «из»), и получаем: *-kaini* «спереди», например: ^{GIS}*šurginikaini* (155, F₂₆), ^{KUR}*artarapšakaini* (276, обор. стор. 5); ^{DUTU}*-kaini* (20, обор. стор. 26); ^{URU}*ahunikaini* (62, обор. стор. 1). *-ka(i)-(ni)* встречается и в роли предлога (см. ниже). Названия стран, городов (населенных пунктов), имеющие флексию множественного числа, при получении суффикса *-ka* ставятся в местном падеже. Например, из ^I*rusahinili* мы имеем: ^I*rusahinakai* (268₁₃). *-ri* — «под», «под условием» (?) — требует неоформленного падежа: ^I*menuari* «под Менуа», или именительного падежа: *'aldubi mešini pi(ei)* «пошадил я (его) под условием (выплаты) дани». Послелог *-ri* также может принять частицу *-ni* «из»:

¹ Фридрих считает формой данного послелога *-aše* (Einführung, стр. 14), но, по нашему мнению, начальное «а» во всех случаях принадлежит к слову, с которым соединяется этот послелог, и является признаком местного падежа.

-pi(ei)ni/e означает «из-под», например: turinini ^Dhaldiše mani ^DUTU-pieini «Пусть уничтожит бог Халди его из-под солнца (т. е. «с лица земли») (89₁₈₋₁₉). Последнее -pi(ei)ni требует постановки слова в творительном падеже, например: ši-u-i-ni-pi-e-ni «из-под солнца» (158₃₉).

-istine (ištine) — «к», «для» — требует местного падежа, например: ^Dhaldia ištine «для бога Халди»; ^{KUR}etiunia ištine «К стране Этиуни» (155, F₅).

-edia — «к», «в направлении» (такой-то страны, города) — требует постановки слова в форме род.-дат. падежа множественного числа, например: uštadi ^{KUR}uburdaum (<^{KUR}uburda-ae) edia «Выступил я (в поход) к стране Убурда» (127, II₄₀); uštadi... ^{KUR}arhaue (<^{KUR}arhi-ae) edia «Выступил я (в поход) к стране Архи» (127, III₃₃₋₃₄).

-edini — «из», «от», «из-за», «ради» — требует творительного падежа: LUGÁL ^{KUR}uelikuh. . . ^{KUR}nedini tamhubi «Царя страны Уеликухи. . . . я из (его) страны удалил» (265₂₋₃), ^Dhalde EN ŠÚ ini aše ^Irusaše ^Ierimenahiniše uštuni ulgušianedini «Богу Халди, своему владыке, этот щет Руса, сын Эримена, посвятил ради (его) жизни» (292). Соединяясь с указательными местоимениями, ini, inikani, ikukani, edini образует наречия времени (см. выше).

edini и edia употребляются и самостоятельно как наречия места: edia в значении «там» (например: LÚ EN-NAM edia terubi «Правителя области я там поставил» — 265₄), edini в значении «оттуда» (например: ^Ihaḥani LUGÁL ^{KUR}husalhi LÚ UKU-rani edini tašmubi parubi ešidubi ^{KUR}ebaniuke «Хахани, царя страны Хушалхи, (вместе с его народом я оттуда вырвал, увел (и) поселил в моей стране)» (155, C₃₋₅).

Предлоги. Наряду с послелогоми в урартском языке имелись также предлоги. Так, например, ka(i) «перед», употребляющийся как послелог, иногда употребляется и как предлог, имеющий такое же значение. В роли предлога ka(i) выступает, например, при соединении с притяжательным местоимением 1-го лица ед. числ. -uki («мой»): kaiuki/e или kauki «передо мной». Повидимому, тот же предлог в форме kani (ср. послелог kaini) встречается в надписи № 18 (стк. 8, 24, 40): ka ^{URU}tuspa «Перед городом Тушпа».

Также [предлогом] является, по всей вероятности, pari/e (в написании: pari, parie) «до». Как правило, pari требует постановки слова в дательном падеже, например: kuteadi pari ^{URU}uhika ^{KUR}buštue «Дошел я до города Уихика, (до) страны Бушту» (127, V₂₅); kuteadi pari ^{KUR}isqigulue «Дошел я до страны Ишкигулу» (127, V₄₁). Но иногда этот предлог ставит слово в местном падеже: pari alzina (279₃); kuteadi pari ^{KUR}baruataina (155, A₆). В некоторых случаях слова, находящиеся в связи с pari, стоят (во всяком случае в письме) в неоформленном или в именительном падежах, например: pari ^{KUR}isqigulu (133₆); kuṭubi pari ^{URU}ištikuniu (134₁); kutubi pari ^{KUR}urtehini (156₆).

Союзы: e'a (eia, в результате метатезы: eai) «и», «также», «а также», «как». «e'a...e'a» (eai...eai) «и...и», «или...или», «будь-то...будь-то», «как...так», например: ini É menuaše ^Iispuiniḥiniše šidištuni baduse e'a É-GAL šidištuni «Этот дом Менуа, сын Ишпуини, построил величественный (?), а также дворец (крепость?) построил» (CfCh, 70₂₋₅); turutineni mani e'a zilibi quranedini «Пусть уничтожат (боги) его (самого) и (его) семья на земле» (99, обор. стор.₁₀₋₁₁). eai ^{KUR}biainiše eai ^{KUR}luluiniše «Будь то биаец (житель страны Биавинли) или лулуец (житель вражеской страны)» (281₄₀₋₄₂); (столько-то) LÚ ZAB ^{MEŠ}e'a PIT-ḤAL-LU ^{MEŠ}-ei e'a LÚ ZAB-GĪR ^{MEŠ} «(Столько-то) воинов, как всадников, так и пеших воинов» (155, G₄₋₅).

šuki «как» (?) ^I: šuki ^Dhaldiše ubarduduni ieše šidištubi «Как (?) бог Халди приказал, (так и) я построил» (280₆₋₈).

mei Отрицательная запретительная частица mei употребляется также в значении союза «но»: inani LUGÁL-e nunabi mei ali LÚ A-SI ^{MEŠ}-še irbitu šeri partu iu ^{KUR}...

¹ И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, стр. 145 и др.

ašulabi «(Все) это досталось царю, но что войны забрали, отдельно они унесли, когда (завоеванную) страну я оставлял» (155, С₄₅₋₄₆).

Частицы: *ui/e* (в написании: *ui, uie*) «не»: *ui giei ištini šidauri* «Ничего не было там построено» (27₂₈); *ui aini ištini aiuri* «Никто там не находился» (136₄₋₅); *ui Pa₅ ištini agauri* «Канал там не был проведен» (276, лиц. стор. 38-42); Город X, *ali ue (uie) aiše ainiei qabqasulalani* «Город X, которым никогда никто не владел» (30₉₋₁₀).

me(i) (в письме: *mei, me*) — запретительная отрицательная частица «пусть не»: *mei ini E-GAL kuldiani* «Пусть (он) не забросит эту крепость» (169₄).

kui/e усиленная частица — «же», «даже», «также», «а также»: *me kui D_haldiše zilbe quraedi kuludiani* «Ильсть бог Халди не оставит на земле даже (его) семья» (19₃₅₋₃₆); *I₁špuiniše I^Dsardurihi₁niše I₁menuaše I₁špuinihi₁niše GIS₁ulde šu₁he teruni D_halde kue GIS₁zari šu₁he teruni* «Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, повелели устройство (?) виноградника; богу Халди (для бога Халди) также устройство (?) сада они повелели» (27₂₇₋₂₈).

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

В урартском языке, как было уже отмечено, огромную роль играет различие между переходными и непереходными глаголами и находящаяся в связи с этим эргативная конструкция. Если сказуемым является переходный глагол, то его субъект, подлежащее, ставится в эргативном падеже, а дополнение — в неформальном или именительном падежах. Наоборот, если сказуемое — непереходный глагол, то подлежащее ставится в именительном или неформальном падежах.

Как правило, при переходном глаголе *erg* субъект стоит впереди глагола, подлежащее предшествует сказуемому, притом обыкновенно не непосредственно, а между ними ставится дополнение, например: *I₁menuaše ini pili aguni* «Менуа этот канал провел». При непереходных глаголах, наоборот, сказуемое предшествует подлежащему: *uštabi I₁menuani I₁špuinehi* «Выступил (в поход) Менуа, сын Ишпуини». Но имеются и исключения из этих правил, например, при переходных глаголах встречаются фразы вроде: *URUluhiuini... aruni D_haldiše I₁menua* «Город Лухиуни... дал бог Халди Менуа» (30₁₋₁₁); *turinini D_haldiše D^{IM}-se D^{UTU}-se DINGIR meš-e mani* «Пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его» (30₂₀₋₂₁). Или же, при непереходных глаголах: *D_haldini uštabi* «Бог Халди выступил (в поход)» (30₁).

Обычно определяемое слово в урартском предложении следует за определением: *I₁menuai pili* «канал (царя) Менуа»; *D_haldinili šistili* «ворота бога Халди»; *inili ebanili* «эти страны»; *ini DUB-te* «эта надпись» и т. д. Но имеются случаи и обратного порядка, например, многократно засвидетельствованы: *URU LUGÁL-nusi* «город царский»; *E-GAL... baduse* «крепость величественная (?)»; *LUGÁL tarae* «царь могущественный»; *LUGÁL al(a)suine* «царь великий», *LUGÁL KURšurae* «царь вселенной»; *D^Uueli šusine* «одним отрядом», *šADU^Ubabania kurune* «в могучих горах» и т. д. В редких случаях определение следует за определяемым и тогда, когда определением выступают указательные местоимения, например: *DUB-te ini* (19₃₇), *E ini* (17_{1,2}). Но поскольку в тех надписях, в которых встречается такой порядок расположения определения и определяемого, заметны и другие отступления от правил урартской грамматики, характеризующие, по всей вероятности, южный мусасирский говор урартского языка (см. об этом ниже), нам кажется что и это синтаксическое явление свойственно преимущественно мусасирскому говору, в то время как постановка определения преимущественно впереди определяемого является характерной чертой говора центральных областей Урарту.

Имена прилагательные, как правило, согласуются с определяемым словом в падеже и числе, так, например, согласование в единственном числе: *D_haldine... DUB-te* (неоформ. падеж) «надпись бога Халди» («халдовская надпись») (99, обор. стор. 2);

¹ А. Гётце, RHA, 22, стр. 185—188.

^Imenuaše ^Išpuinihiniše (эргат. падеж) «Менуа, сын Ишпуини»; ^Ime-nu-a-i-ni-e-i (^Imenuaine) ^{SAL}si-la-a-i-e (^{SAL}silaie) (родит. падеж) «дочери (царя) Менуа» (111₁); ^Išpuine ^IDsardurehine (дат. падеж) «Ишпуини, сыну Сардури» (18₂₉₋₃₀); ^Dhaldinini ušmašini (творит. падеж) «мощью бога Халди» (18₁); во множественном числе: ^Dhaldinili šeštili (неоформленный падеж) «ворот бога Халди» («халдовские ворота» (74₃); ^IDsardurinili kurili (неоформ. падеж) «ноги (?) (царя) Сардури» («сардуровские ноги») (155, C₃₇₋₃₈); ^Dhaldinaue KĀ (дат. падеж) «воротам бога Халди» (27₁₆); ^Dhaldinani KĀ (творит. падеж) «от ворот бога Халди» (18₁₁ и др.); KUR·KUR ^{MES}-di šuiaidi (направительный падеж) «на вражеские страны» (165₁₀); DINGIR ^{MES}-aše KUR·biainašte (направительный падеж) «к богам страны Бианили» (155, E₅); ^Dhaldina KĀ (местный падеж) «в воротах бога Халди» (65_{3a}) и т. д.

Но в виде исключения имеются случаи, когда определение и определяемое стоят в разных падежах и требуемое падежное окончание получает один из них. например: šusine (дат. падеж) uštipini (твор. падеж) «одним походом» (266₃); ^{SADU}babania (местн. падеж ед. числа) kurune (дат. падеж ед. числа) «в могучих горах» (266₁₂₋₁₃) и т. д.; или когда определение и определяемое не согласованы в числе, например: ^Dhaldinaue (род. падеж мн. числа) KĀ-i-e-i (род. падеж ед. числа) (38₁), или: KUR·luluinani KUR·nini (278₂).

С вышеотмеченным правилом согласования определения в падеже с определяемым словом связано весьма распространенное в урартском языке явление двойного выражения отношения принадлежности: 1) родительным падежом и 2) суффиксом принадлежности -ini. К этим двум способам выражения отношения принадлежности урартский язык прибегает в зависимости от падежа определяемого слова. Если определяемое слово стоит в неоформленном падеже ед. числа, принадлежность выражается родительным падежом, в других же случаях — преимущественно суффиксом -ini; например: ^Dhaldi-i patari, но ^Dhaldi-(i)ni-li, šeštili; ^Imenua-i pili. Но ^Imenua-ini-ei ^{SAL}silaie. Согласно правилу согласования, у определения, стоящего в родительном падеже принадлежности, должно было появиться окончание, характеризующее падеж определяемого слова. Во избежание такого наслоения двух падежных окончаний на основе слова и происходит образование определения при помощи суффикса -ini и согласование его вслед за тем в падеже с определяемым словом. Если же определяемое слово стоит в неоформленном падеже ед. числа, характеризующемся отсутствием суффикса, то при согласовании с ним наслоения падежных окончаний не происходит и вследствие этого в определении отношение принадлежности выражается родительным падежом.

Очень распространено в урартском языке употребление бессоюзного сложного предложения, например: ^Imenuaše ^Išpuinihiniše ini susi šidištuni ^Dhaldinili KĀ-li šidištuali ini E·GAL šidištuni baduse «Менуа, сын Ишпуини, это susi построил. (а также) Халдовские ворота построил (и) величественную (?) крепость построил» (73₂₋₅, 7-10). Или: ^Itusaše ^IDsardurihiniše ali LUGAL KUR·uelikuhi karubi ERUM aštubi KUR·nedini tamhubi LU·EN·NAM edia terubi «Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Уеликухи я победил (и) поработил, из (его) страны я (его) увел (и) там правителя области поставил» (265₁₋₄) и т. д.

Не менее часто встречается тип именного предложения, когда опускается форма глагола «быть», например: ^Imenuai pili tini «Канал Менуа» (есть) имя (его)» (43₃ и др.); ^{SAL}taririahinili tini «Таририахинили (есть) имя (его)» (114_{3,6}); ANSU·KUR·RA aršibini tini «Конь, имя (которого) (есть) Арцибини» (110, лиц. стор. 6-7); ^Dhaldini kuruni ^Dhaldini ^{GIS}šuri kuruni «Бог Халди (есть) могучий, оружие (?) бога Халди (есть) могучее» (20, лиц. стор. 22-23).

В урартском языке мы имеем случаи, когда слова с содержанием множественного числа имеют форму единственного числа. Обыкновенно это относится к словам с собирательным значением, например: 'aše «мужчина», но также в собирательном

значении «мужчины»; *SAL*lutu «женщина», но также «женщины», *GUD*paḥini «бык», но также «крупный рогатый скот».

Наряду с этим имеются случаи, когда, наоборот, слова с содержанием единственного числа имеют форму множественного числа (т. е. случаи так называемого *pluralia tantum*); с таким явлением мы имеем дело, например, в названиях стран, городов и т. п., носящих флексию множественного числа, например: *KUR*biainili, *I*menuaḥinili, *I*argištiḥinili, *I*rusaḥinili и т. д.

СЛЕДЫ МУСАСИРСКОГО ГОВОРА УАРТСКОГО ЯЗЫКА

В эпиграфических памятниках уартских царей, по нашему мнению, обнаруживаются следы юго-восточного мусасирского говора уартского языка, отличного от говора центральных областей Уарту. Проникновение отдельных норм мусасирской речи в уартские письменные памятники, по всей вероятности, объясняется мусасирским происхождением составителей отдельных уартских надписей. Искрещество Мусасира — этого главного центра культа верховного божества уартийцев Халди, вероятно, играло немаловажную роль в культово-религиозной жизни государства, с которой теснейшим образом было связано дело письма.

1. Следы мусасирского говора уартского языка обнаруживаются, по видимому, в факте разного оформления глагольных форм 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов¹.

В уартских текстах наблюдается два разных вида суффиксации переходных глаголов в 3-м лице мн. числа прошедшего времени. Особенно интересна в этом отношении надпись Мхер-капуси культового содержания царя Ишпуини и его сына Меңуа (№ 27 нашего сборника). В этой надписи один и тот же текст повторяется дважды, и если в первой части надписи, в «основном тексте», формы 3-го лица мн. числа переходных глаголов в прошедшем времени получают суффиксы -ni (если объект стоит в единственном числе) и -ali (если объект во множественном числе), то при повторении появляются иные суффиксы -itu(ni) и itu(li). Употребление суффиксов строго разграничено: суффиксы -ni, -ali встречаются только в «основном тексте», суффиксы же -itu(ni, li) — лишь при повторении. Несомненно, что здесь перед нами не какое-нибудь случайное заблуждение писца, а реально существовавшие различные типы суффиксации².

Из нескольких десятков случаев, где засвидетельствованы формы 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов, почти всегда переходные глаголы принимают именно суффиксы -itu(ni, li, me). Другой же тип суффиксации встречается всего лишь в двух-трех надписях (притом совершенно явно в одной лишь надписи Мхер-капуси). Как соображения теоретического порядка (см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 42), так и этот конкретный материал указывают на то, что суффиксы -itu характерны «для основного уартского языка», т. е. языка, представленного подавляющим большинством письменных памятников. Естественно допустить, что именно на этом языке говорили в центре Уартского царства, в районе столицы Тушпа и, следо-

¹ Это явление специально разбирается нами в работе «Мусасир и вопрос о древнейшем очаге уартских племен», опубликованной в ВДИ, 1948, № 2, стр. 41—48. Здесь излагаются основные положения, выдвинутые в указанной работе.

² Акад. И. И. Мещанинов высказал предположение, что здесь перед нами два языка Уарту. Первая часть надписи Мхер-капуси, по его мнению, написана на мертвом официально-культовом языке, и суффиксы -ni, -ali характерны для этого языка, в то время как вторая часть надписи, повторение, дается уже на живом, народном языке, которому принадлежат суффиксы -itu(ni, li) (И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, «Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», 1934, стр. 359—366; «Язык Ванской клинописи», II, 1935, стр. 106 сл.). Это объяснение акад. И. И. Мещанинова нам кажется непримлемым (об этом см. нашу работу, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41 сл.).

лательно, суффикс *-itu* принадлежит столичному говору, суффиксы же *-ni*, *-ali* характерны для какой-нибудь другой области распространения урартского языка.

Материал для решения вопроса, в какой именно области употребляли суффиксы *-ni* и *-ali*, мы находим в Келяшинской двуязычной надписи царей Ишпуини и Менуа (№ 19). И здесь, по нашему мнению, в одной части урартского текста мы встречаем суффиксацию *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. числа. Так, в начале надписи говорится, что в Мусасир пришли Ишпуини и Менуа и здесь «построили часовню богу Халди»: *ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni]* [*Pal-di*]-i-e (урартск. текст, стк. 5—6) и «поставили надпись»: *te-gu-[ú-ni]* [*DUB-te*] (урартск. текст, стк. 6—7).

В этих выражениях повествование ведется в 3-м лице, субъект во множественном числе (Ишпуини и Менуа), а объект один (*iarani*, *DUB-te*); в таком случае по всему тому, что мы знаем о суффиксации переходного глагола в прошедшем времени (см. выше), глаголы *šidištu* и *teru* должны были принять суффикс *-ni* или *-ituni*, т. е. должны были иметь формы *šidištuni* и *teruni*, но восстановление таких форм в данном случае невозможно, так как в сохранный части этих слов читается *šidištu* и *teru*. Поэтому остается возможность после *šidištu* и *teru* восстановить окончание *-ni*, т. е. предположить, что мы и здесь имеем дело с суффиксацией *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. числа, засвидетельствованной в первой части надписи Мхер-капуси. Но в урартском тексте Келяшинской билингвы ясно выступает и другой тип суффиксации: в 28-й строке урартского текста сказано: [*at-qa-na*]-di-tu ^D*hal-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú* «Принесли они (Ишпуини и Менуа) богу Халди в жертву скот (?) (и) сказали...». Итак, в 5—6-й строках урартского текста билингвы в формах 3-го лица мн. числа мы имеем суффиксацию *-ni*, *-ali*, а на 28-й строке выступает суффикс *-itu*.

Объяснение этого явления нужно искать в особенностях Келяшинской билингвы. По своему стилю этот текст стоит обособленно от урартского трафарета: само письмо в нем не специфически урартское, а чисто ассирийское. Интересным кажется то, что в билингве божества верховной триады урартского пантеона — Халди, Тейшеба и Шивини названы «богами города Мусасира» (стк. 40—41 урартского и ассирийского текстов), в то время как в других урартских надписях они всегда именуются «богами страны Бианини». Во всем этом, может быть, чувствуется мусасирское происхождение писца; возможно, что здесь мы имеем дело с памятником, вышедшим из рук «Мусасирской школы».

В билингве обращает на себя внимание также употребление в своеобразной форме имени верховного бога Халди: в первой части урартского текста (стк. 1—22) оно всегда передано в форме *aldi*, начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, всегда имеем форму *haldi*. Такое строгое разграничение в употреблении форм *aldi* и *haldi* указывает на то, что в словаре Келяшинской билингвы мы не имеем случайного ошибочного написания; можно думать, что здесь проявилось мусасирское произношение имени верховного божества урартийцев. Замена *aldi* обыкновенной урартской формой *haldi* произошла, возможно, в результате соответствующего указания, так как надпись составлялась от имени царей Тушпа и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением.

Суффиксация *-ni*, *-ali* встречается в той части урартского текста билингвы, где имя верховного бога употребляется также в необычайной для урартских памятников форме *aldi*. Можно допустить, что вследствие «урартской ревизии» произошла замена не только мусасирского *aldi* тушпийским *haldi*, но также и суффиксами *-ni*, *-ali* суффиксом *-itu* столичного говора².

¹ О восстановлении поврежденных мест см. Г. А. Меликишвили, Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

² Нам кажется, в этом явлении можно найти причины неправильной передачи одной глагольной формы урартского текста (стк. 6 — *teruni*) в ассирийском тексте. см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 46 сл.

На основании всего вышеизложенного нам кажется возможным предположить, что представленная в некоторых урартских текстах в виде исключения суффиксация -ni, -ali в 3-м лице мн. числа должна принадлежать мусасирскому говору урартского языка. Она встречается в первой части Келяшинской билингвы и в первой части надписи Мхер-капуси. Интересно отметить, что в обеих надписях с этими мусасирскими формами случилось одно и то же: во второй части их заменили характерным для столичного урартского говора суффиксом -itu¹.

Как было уже отмечено выше, проникновение этих мусасирских норм в тексты «правителей города Тушпа» объясняется, вероятно, мусасирским происхождением авторов некоторых культовых надписей. Возможно, что жрецы Мусасира считались специалистами в культовых делах и им часто поручалось составление важных культовых надписей. Это кажется наиболее вероятным в отношении надписи Мхер-капуси (№ 27), представляющей собой декрет культового характера, в котором перечисляются почти все божества урартского пантеона и жертвоприношения, установленные для каждого из них. При перечислении жертвоприношений, установленных для богов отдельных городов империи, первым упоминается бог города Ардини (Мусасира), вторым — бог города Кумену и лишь третьим — бог столицы Тушпа. Здесь, несомненно, подразумевается верховная триада урартских божеств: Халди, Тейшеба и Шивини. Упоминаются они по своим культовым центрам — именно поэтому первым упоминается город Ардини (Мусасир) — центр культа верховного божества Халди, на втором месте город Кумену — центр культа бога Тейшеба, занимавшего в иерархии второе место, и третьим столица Тушпа — центр культа бога солнца Шивини, который занимал третье место в пантеоне². Все же несмотря на то, что такой порядок перечисления соответствует иерархии, существовавшей внутри урартского пантеона, сомневаемся, чтобы правители и жрецы столицы сочли нужным подчеркнуть это положение и согласились упомянуть Мусасир на первом, а Тушпа на третьем месте. Здесь, нам кажется, чувствуется рука мусасирских жрецов, вследствие чего в этой надписи проскочивнули и мусасирские нормы глагольной суффиксации.

Итак, в мусасирском говоре урартского языка в 3-м лице прошедшего времени переходный глагол оформлялся лишь объективными частицами: несмотря на количество субъектов, основа принимала окончание -ni при одном и -ali при множестве объектов, в то время как в столичном говоре глагольные окончания дифференцируются и по субъекту: употребление суффиксов -ni, -ali ограничено единственным числом, а во множественном числе при множестве субъектов употребляется специальный суффикс — показатель субъекта 3-го лица мн. числа -itu.

Это различие не является маловажным. Личные окончания урартского переходного глагола в большинстве случаев являются показателями не субъекта, а объекта, они меняются в зависимости от объекта, например: «я построил его»: šidištu-bi, но «я построил их»: šidištu-li; «он построил его»: šidištu-ni, но «он построил их»: šidištu-ali. Таким образом, -bi является показателем объекта 3-го лица ед. числа, и -li — показателем объекта 3-го лица мн. числа при субъекте 1-го лица, а -ni является показателем объекта 3-го лица ед. числа и -ali — показателем

¹ Акад. И. И. Мещанинов считает, что и в надписи № 25 (культовая надпись Ишпуни и Менуа) в формах 3-го лица мн. числа также суффиксация -ni, -ali, см его работу «Язык Ванской клинописи», II, стр. 114 и др., а также ВДИ, 1941, № 1, стр. 112. Но это, во всяком случае, не совсем ясно: при множестве субъектов и одном объекте форма 3-го лица šidištuni может быть понята и как форма, содержащая суффикс -itu (šidištu-itu-ni > šidištituni > šidištūni > šidištuni); что касается засвидетельствованной в этой же надписи второй глагольной формы — teruni, то ее субъект скорее не Ишпуни и Менуа, а один лишь Ишпуни, который упоминается с титулатурой непосредственно перед этим глаголом.

² Г. А. Меликишвили, Центры культов верховных божеств урартийцев, «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. VII, 1946, № 6.

объекта 3-го лица мн. числа при субъекте 3-го лица. Объективный характер данных окончаний подтверждается и тем, что суффикс 1-го лица переходных глаголов -bi (передающий объект 3-го лица ед. числа) является субъективной частицей 3-го лица ед. числа в непереходных глаголах (nuna-bi «он пришел»), или же окончание 3-го лица переходных глаголов -ali (показатель объекта 3-го лица мн. числа) выступает как субъективная частица 3-го лица мн. числа в непереходных глаголах (nunalali «они пришли» и т. д.).

Но в эпоху, засвидетельствованную урартскими памятниками, шел процесс превращения объективных по происхождению частиц в показатели субъекта. Так, например, суффикс -bi в 1-м лице ед. числа употребляется уже как при одном, так и при множестве объектов; такая же тенденция наблюдается и в 3-м лице: суффиксы -ni, -ali, в начале употребляющиеся для обозначения 3-го лица как единственного, так и множественного числа (т. е. как при одном, так и при множестве субъектов), специализировались для употребления лишь в единственном числе, в то время как во множественном числе 3-го лица появляется субъективная частица -itu. Все это наблюдается в тушпийском говоре урартского языка. Мусасирский говор, употребляя в оформлении переходного глагола в 3-м лице лишь объективные частицы — показатели объекта -ni, -ali — и не отражая субъекта, обнаруживает архаичные черты урартского языка в спряжении переходного глагола.

2. В мусасирском говоре, по всей вероятности, наблюдалось опущение согласного *h* перед гласным в начале слова. Это явление налицо, например, в имени верховного бога урартийцев Халди (haldi), которое в мусасирском говоре произносилось, очевидно, как Алди (aldi) (см. выше).

Кроме вышеуказанных явлений можно указать еще целый ряд расхождений, имеющих место между мусасирским говором урартского языка и говором центральной части Урарту.

3. Оказывается, что ряд урартских имен и названий в Мусасире употреблялся в несколько видоизмененной форме. Возьмем, например, название столицы Урартского государства — города Тушпа (tušpa). В урартских надписях почти всегда это название имеет форму tušpa, в ассирийских же источниках оно встречается в форме «Турушпа» (turušpa). В той же надписи Мхер-каупси (№ 27), где мы встретились с фактом проникновения нормы мусасирского говора, мы имеем другую форму этого названия — tušpani («Тушпани»). Так, в 14-й строке этой надписи сказано: URUardinaue DINGIR GUD II UDU MEŠ URUqumenuaue DINGIR GUD II UDU MEŠ URUtušpaninaue DINGIR GUD II UDU MEŠ т. е. «Богам города Ардини (должны принести в жертву) быка и двух овец, богу города Кумену — быка и двух овец, богу города Тушпани (1) — быка и двух овец». Фридрих полагает, что в URUardinaue, URUqumenuaue и URUtušpaninaue мы имеем образования из названий Ардини, Кумену, Тушпа посредством суффикса принадлежности -ini¹. Но, если при образовании форм род. падежа мн. числа на -aue исходными являлись эти формы на -ini (т. е., по Фридриху, URUardinini, URUqumenuini и URUtušpani), мы должны были бы иметь в родительном падеже мн. числа: URUardinaue (<URUardini-ini-aue), URUqumenuaue (<URUqumenu-ini-aue) и URUtušpanaue (<URUtušpa-ini-aue); однако в отношении города Тушпа мы в тексте имеем не URUtušpanaue, а URUtušpaninaue. Это обстоятельство делает невозможным признать вслед за Фридрихом исходным пунктом образования вышеуказанных форм род. падежа мн. числа формы с суффиксом -ini.

Выше мы уже отметили, что падежные окончания множественного числа имеют тенденцию присоединяться не прямо к чистой основе (т. е. к слову, стоящему в неоформленном падеже), а к ni-форме основы, т. е. к форме именительного падежа. С таким же явлением мы имеем дело в вышеприведенном месте надписи

Мхер-капуси: URU¹ardininaue (род. падеж мн. числа) — подразумевается в качестве исходной формы именит. падеж ед. числа — URU²ardinini (отсюда неоформленный падеж — URU³ardini), URU⁴qumenuinaue (род. падеж мн. числа) — подразумевается как исходная форма имен. падеж ед. числа URU⁵qumenu (отсюда неоформленный падеж URU⁶qumenu) и, наконец, URU⁷tušpaninaue (род. падеж множ. числа) — подразумевается как исходная форма имен. падеж ед. числа URU⁸tušpanini, отсюда неоформленный падеж, т. е. чистая основа URU⁹tušpani. Таким образом, оказывается, что в этом месте надписи подразумевается существование формы неоформленного падежа (т. е. чистой основы) названия Тушпа в виде tušpani. При повторении надписи появляется обыкновенная урартская форма tušpa (употреблен род. падеж мн. числа: tušrapaue, стк. 56). Это явление с полной очевидностью указывает, что здесь мы также имеем дело с проникновением в первой части надписи еще одной, характерной для мусасирского говора формы. То, что tušpani реально существующая форма и принадлежит именно мусасирскому говору, находит свое подтверждение в материале из Келяшинской билингвы. И в этой надписи обнаруживается «мусасирская», как мы полагаем, форма названия столицы Урартского государства: в то время как в урартском тексте билингвы стоит обыкновенная урартская форма URU¹⁰tušpa (стк. 4, 19), в ассирийском тексте ей соответствует ¹¹tušpan (стк. 3, [16]). В самих надписях ассирийских царей мы нигде не встречаем это название с окончанием n(i), поэтому tušpan не может быть ассирийской формой, так же как оно не является урартской формой; несомненно, перед нами мусасирская форма данного названия.

Наличие в мусасирском говоре в виде неоформленного падежа ед. числа формы tušpan(i) вместо урартского tušpa ставит вопрос: не имела ли вообще в мусасирском говоре тенденция снабдить окончанием n(i) все слова в неоформленном падеже, не оканчивалась ли здесь основа слова обязательно на -n? Ниже мы укажем еще на один факт, как будто говорящий в пользу этого предположения².

4. В урартском языке, как было уже отмечено выше, обычно определяемся следует за определением. С особой последовательностью это правило проводится тогда, когда определением выступает указательное местоимение, например: ini DUB-te «эта надпись», ini ebani «эта страна» и т. д. Но в Келяшинской билингве мы встречаем и обратный порядок: DUB-te ini «надпись эта» (19³⁷)³. Очевидно, наряду с другими своеобразиями, обнаруживающимися в Келяшинской билингве, и это явление было преобладающим в мусасирском говоре урартского языка, в отличие от говора центральных областей Урарту.

¹ Названия Ардини, Кумену, Тушпа в данном случае имеют флексия множественного числа (подобно KUR¹²biainili, KUR¹³šurili, Targištiḫinili и т. д.).

² Наличие в Келяшинской билингве формы tušpan вместо ожидаемого tušpani можно сравнить, например, с чередованием в урартских текстах написаний edini и edin. Может быть, здесь мы имеем дело с явлением, которое предполагал уже Фридрих, а именно, что некоторые syllabические знаки в урартском языке употреблялись в значении одного согласного и содержащиеся в них гласные не произносились. Существование вариантов edini и edin, возможно, указывает на то, что в произношении в обоих случаях звучало edin. Так же обстоит дело, повидимому, и в случае tušpan — tušpani (в произношении было tušpan?). Это ставит вопрос и об истинном произношении морфологической частицы -ni (форматив именительного и творительного падежей и т. д.), возможно, в произношении мы имели, хотя бы в некоторых случаях (в некоторых говорах?), не ni, а лишь n.

³ См. там же: LUGÁL DAN·NU, LUGÁL KUR¹⁴šuraue, LUGÁL KUR¹⁵biainaue, alu-si URU¹⁶tušpa URU, SULU zainuadi, urišhi gazuli, niribi gazuli, [] MEŠ¹⁷URUDU, šani URUDU, niribe tarae, DINGIR MEŠ¹⁸-še URU¹⁹ardinini и др. Но здесь же, хотя и в меньшем количестве, встречается и господствующее в урартских текстах правило постановки определения впереди определяемого, например: inani burganani (стк. 20), D²⁰haldinani KÁ (стк. 29) и др.

5. Эта же характерная для мусасирского говора постановка определения встречается еще в надписи № 17, где мы имеем $\bar{E}$ iní «дом этот». В связи с этим приобретают значение и другие, своеобразные по сравнению с основной массой урартских надписей, явления, наблюдаемые в данной надписи. Так, например, в одном случае здесь форма эргативного падежа, одного имени оканчивается не на -še (как это бывает обыкновенно в урартских текстах в тех случаях, когда это окончание получает еще какой-нибудь другой суффикс), а лишь на -š: $I\bar{s}puiniš$ I^D sardurhi- $niše$ burganani šidišituni «Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил». С таким же явлением мы встречаемся и в Келяшинской билингве; здесь сказано: mei D^D ha-diš D^{IM} -še D^{UTU} -še D^{INGIR} MEŠ-še URU ardinini zilbi qiraedi kultituni «Пустыни боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини не оставят на земле (его) семья» (19₄₀₋₄₁). Из приведенных цитат можно заключить, что в мусасирском говоре урартского языка наблюдалось следующее явление: если рядом друг с другом стояло несколько слов (имен) в форме эргативного падежа, то первое из них свое падежное окончание -še сокращает на -š.

6. Урартская отрицательная частица uí в этой же надписи № 17 представлена в форме sui. Очевидно, это является мусасирской формой данной частицы.

7. Некоторые своеобразные явления наблюдаются в Келяшинской билингве при образовании запретительных форм повелительного изклонения. Выше мы отметили, что 3-е лицо ед. числа данной глагольной формы характеризуется окончанием -diani, при присоединении которого происходит выпадение оканчивающего основную часть признака переходных глаголов «и». В Келяшинской билингве мы имеем случаи, когда при образовании данной глагольной формы признак переходных глаголов сохраняется. Например, в 36-й строке урартского текста билингвы мы, по всей вероятности, имеем: kuludiani (kulu-diani). И здесь, возможно, явление, характерное для мусасирского говора урартского языка.

Таким образом, в некоторых урартских надписях (№№ 17, 19, 27 нашего собрания) обнаруживаются следы мусасирского говора урартского языка. Это, конечно, не значит, что в этих случаях перед нами памятники, составленные полностью в мусасирском говоре; можно говорить лишь о проникновении отдельных норм мусасирского говора в тексты, составленные на говоре центральных областей Урарту.

8. Наконец, можно указать еще на один факт, свидетельствующий о существовании различий между мусасирским говором урартского языка и говором центральных областей Урарту. Мы имеем в виду имя правителя Мусасира Урзана (urzana) — современника урартского царя Руса I. Имя «Руса» (rusa) было широко распространено среди урартских царей; например, нам известны три царя с этим именем: Руса I, сын Сардури, Руса II, сын Аргишти, Руса III, сын Эримена. В ассирийских надписях это урартское имя «rusa» передается обыкновенно в форме «ursa». Это обстоятельство прокладывает мост между именами rusa и urzana: в форме «ursa» ассирийцы имя [«rusa»] получили, по всей вероятности, из мусасирского говора. Оно, возможно, так и звучало (urša || urza). Что касается окончания -па в имени urzana, то здесь перед нами, возможно, характерное для мусасирского говора явление, на которое мы уже указывали: в мусасирском говоре, очевидно, было собственным окончание имени на -п (иногда без всякой огласовки, в других же случаях с разной огласовкой — ср. URU tušpan, URU qumenu, URU ardini и т. д.). Повидимому, на таком же основании можно объяснить появление в мусасирской форме имени rusa — urša окончания -па. Соответствие урартского имени rusa мусасирскому urša указывает, что различие между мусасирским говором и говором центральной Урарту было, очевидно, довольно чувствительным.

О РОДСТВЕ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА С ХУРРИТСКИМ

Уже давно были отмечены некоторые факты близости между урартским и хурритским языками. Но лишь в последнее время, благодаря значительному про-

в деле изучения обоих этих языков, вопрос о несомненном родстве урартского языка с хурритским стал на твердую основу. Чем больше продвигаются вперед наши знания этих языков, тем ярче выступает существующее между ними родство.

Урартский и хурритский языки близко стоят друг к другу в первую очередь по самой своей структуре. Эргативная конструкция, играющая такую важную роль в урартском языке (см. выше), характерна и для хурритского языка. Но интереснее всего здесь то, что идентичен не только принцип эргативной конструкции, но также почти полностью идентичны суффиксы, употребляемые при оформлении субъекта и объекта переходных глаголов при эргативной конструкции. Так, в урартском языке субъект переходного глагола ставится в эргативном падеже и принимает окончание *-še* (редко *-š*; во множественном числе *-aše*), а объект переходного глагола представлен или в форме неоформленного падежа (т. е. в виде чистой основы; во множественном числе к этому присоединяется знак мн. числа *-li*), или же стоит в именительном падеже (образуется присоединением к основе частицы *-ni*; во множественном числе к этому присоединяется еще показатель мн. числа *-li*). Такое же положение мы имеем и в хурритском языке: субъект переходного глагола принимает в единственном числе окончание *-š*, во множественном *-šaš*, а объект ставится в виде чистой основы, т. е. в «неоформленном падеже» (во множественном числе к нему присоединяется показатель мн. числа *-na*), или же принимает (хотя и редко, особенно в собственных именах) окончание *-n* (ср. урартский суффикс именительного падежа *-ni*, также оформляющий объект переходного глагола)¹.

Вообще в области склонения имен, в отношении падежных окончаний между этими двумя языками очень много общего². Например, аналогичны окончания родительного падежа в хурритском языке *-we*, в урартском *-ue*, окончание дательного падежа ед. числа в хурритск. *-wa*, урартск. *-a* (при основах оканчивающихся на *-a*). К окончаниям направительного падежа в хурритском *!-da* (в единственном числе) и *-šta* (во множественном числе) весьма близко стоят окончания этого же падежа в урартском: *e/idi* (в ед. числе) и *(a)šte* (во мн. числе). Наконец, окончания местного падежа в хурритском языке в ед. числе *«-(u)a»*, во множ. числе *-za* находит аналогию в окончании местного падежа в урартском *«-a»* (как в единственном, так и во множественном числе).

Весьма интересно также существование в обоих языках суффикса *-še*, образующего абстрактные имена³. Общим является также для урартского и хурритского суффикс принадлежности *-hi*⁴.

Аналогии обнаруживаются и в местоимениях. Так, например: хурритское *išaš* «я» — урартское *iesē*; хурритск. *uli* «другой» — урартск. *uli*; хурритск. *-ma/-me* «его» — урартск. *mañi* «он»⁵; хурритск. *awenne/a* «кто-нибудь»⁶ — урартск. *aini(ei)* «кто-нибудь»⁷. Можно отметить также близость между хурритск. *aweš* «когда» (?) и урартск. *aše* «когда», *ašei* «когда-нибудь»⁸.

Повидимому, находясь в связи друг с другом урартское *-li* (показатель множественного числа, принимающий участие в образовании как глагольных, так и именных

¹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik*, 1939, стр. 44—45 и др.

² О склонении в хурритском см.: E. A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, 1941, стр. 105—114.

³ E. A. Speiser, *ук. соч.*, стр. 117.

⁴ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, стр. 61.

⁵ Там же.

⁶ E. A. Speiser, *ук. соч.*, стр. 81.

⁷ См. E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁸ О значении этих урартских слов см. Г. А. Меликишвили, *ВДИ*, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9; см. E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

форм) и хурритское -ла- «их», употребляющееся и самостоятельно¹. Возможно, хурритское sue(ne) «весь», «все»² находится в связи с урартским šuini, имеющим, по видимому, такое же значение.

Даже в фонетике наблюдаются некоторые общие явления для обоих языков: так, например: колебание между гласными «i» и «e», замена гласного исхода основы i гласным u перед суффиксом принадлежности -hi (в хурритском наблюдается в письмах Тушратты, в текстах Богазкеоя и Нузи); ср. в урартском: от tarai — taraiuhi (в произношении: tarauhi?) или KUR urmeiuihi (в произношении KUR urme- uhi?) и т. д.³.

Следует отметить также близость урартской отрицательной частицы ui с хурритской отрицательной частицей uia⁴ и урартского послелога -edini «для», «ради». «из-за» с хурритским предлогом edi (eti, ede), имеющим приблизительно такое же значение⁵. Полагают также, что урартское окончание будущего времени -le можно связать с хурритским суффиксом -lewā⁶, а также засвидетельствованную в урартском спряжении частицу -ul- с хурритским суффиксом -ul-⁷ и т. д.

Особенно многочисленны аналогии между этими языками в лексике. Характерно, например, что в верховной триаде урартских божеств два бога являются общими по имени у урартийцев и хурритов. Урартский пантеон возглавлял бог Халди — местное урартское божество, но второе место в пантеоне, вслед за Халди, занимал бог Тейшеба, являющийся общехурритским верховным божеством (у хурритов имя этого бога имеет форму tešub'a); богиня Хуба, занимавшая среди урартских богинь второе место, (см. № 27, прим. 22), соответствует хурритской богине Хеба (супруге Те-шуба). Имя урартского бога солнца Шивини, занимающего в урартском пантеоне третье место, также находит аналогию в имени хурритского солнечного божества Шимиги.

Наличие общих имен богов у урартийцев и хурритов свидетельствует не только о языковой близости этих двух этнических групп, но и о близости между ними в отношении культуры и, в конечном счете, в отношении их культурно-этнического облика.

Наряду с именами богов можно указать и другие лексические параллели между урартским и хурритским языками; так, например: урартск. euri «господин», «владыка» — хурритск. ibri «царь»; урартск. и хурритск. ar(u) «давать»; урартск. hurañ «войн» — хурритск. hurati; урартск. pišuse «радость» — ср. хурритск. piš «радоваться»; урартск. pili «канал» — хурритск. pala; урартск. šali «год» — хурритск. šauela; урартск. и хурритск. hari «дорога»; урартск. baba «гора» — хурритск. rara; урартск. taršuanī «человек» — хурритск. taršu(u)anni; урартск. tini «имя» и tiau «говорить» — ср. хурритск. tiñi «слово»; урартск. urru «жертвовать», «приносить жертву» — ср. хурритское выражение urrimma DU «резать» и urarinnu «мясник»; урартск. ebani «страна» — хурритск. umini; урартск. sila «дочь»⁸ — хурритск. šala⁹; урартск. haš «слушать», «услышать» — хурритск. haš «слышать», «слушать»¹⁰; хурритск. man(n) «быть», «существовать» находит аналогию в урартском man «быть», «существовать»¹¹; хурритск. tan «делать» можно сравнить с урартским tanu, имеющим, по видимому,

¹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, стр. 44, 61.

² Е. А. Speiser, указ. соч., стр. 78.

³ См. J. Friedrich, *ук. соч.*, стр. 51.

⁴ Е. А. Speiser, *ук. соч.*, стр. 94.

⁵ Гр. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками* 1936, стр. 41.

⁶ Е. А. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁷ A. Goetze, *«Language»*, 16 (1940), № 2, стр. 134, прим. 38.

⁸ О таком значении этого урартского слова см. ВДИ, 1951, № 4, стр. 35, прим. 1.

⁹ J. Friedrich, *ук. соч.*, стр. 59—62.

¹⁰ A. Goetze, *RHA*, 24 (1936), стр. 281.

¹¹ Е. А. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

такое же значение¹. Хурритское *allay*, *allai* «госпожа», «владычица»², возможно, находится в связи с урартским *alaui/e* (276, обор. стор. 20) «господин» (ср. *alaui* «господский» в форме творительного падежа *alaui* в 155, Е_{6,46}). Хурритское *ardi* «подарок» (образованный от глагольной основы *ar* «давать» посредством суффикса *-t/d*, образующего из глагольных основ именную основу³) можно сопоставить с урартским *ardu* «давать», «преподносить» (распространенная также посредством *-d* основа *ar(u)* «давать» — см. в форме *ardilani* и т. д.). Упоминаемое в надписи № 142 (стк. 7) *taše*, по всей вероятности, то же самое, что и хурритское *taše* «дар», «подарок»⁴. Хурритское *ak* «вести», «проводить» находится в связи с урартским *ag(u)* «уводить (пленных)», «проводить (канал)». Хурритское *dururi* «волнения», «беспорядки» и т. д.⁵, по всей вероятности, то же самое слово, что и урартское *durba* «восстанавливать (?)» (отсюда форма причастия (?) *durbaie* «восставший?»); и т. д.⁶

Можно надеяться, что дальнейшее изучение хурритского и урартского языков откроет еще много общего между этими двумя языками как в отношении грамматического строя, так и лексики. Все же различия между этими языками, многочисленные и важные, приводят к выводу, что перед нами скорее не диалекты одного языка, а лишь близко родственные между собой языки.

Г. А. Меликишвили

¹ И. М. Дьяконов, ЭВ, IV, стр. 113, прим. 8.

² Е. А. Speiser, ук. соч., стр. 56, 98 и др.

³ Там же, стр. 129—130.

⁴ F. Bork, *Die Mitani-brief und seine Sprache*, 1939, стр. 104. Ср. названия городов *taše* и ^D*querai taše* в хурритской области, центром которой был город *Meli-tea(ni)*, надпись № 158, стк. 30, 31.

⁵ Е. А. Speiser, JAOS, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁶ Многие хурри-урартские лексические и другие параллели отмечены уже в книге Гр. Капанцяна «Общие элементы между урартским и хеттским языками», 1936. С урартским материалом связывались им, например, хурритские *eti*, *ipri*, *šala*, *umini* и др. См. также И. М. Дьяконов, ЭВ, VI, стр. 110, прим. 4.

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

НАДПИСИ САРДУРИ, СЫНА ЛУТИПРИ

(1—3).

Вав.Ассирийские надписи на строительных камнях, находящихся в кладке стены урартского сооружения у подножия Ванской скалы.

1.

Sayce, 1 (Т, П); Jensen, ZA, VIII (1893), стр. 375—381; Sandalgian, 1—1* (Т, П); C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, стр. 62, рис. 38 (Ф); CICH, 1 (Ф, Т, П).

1 tuppu šá ¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri šarri rabê^e šarru dan-nu šar kiššati šar matna-i-ri šarru šá-nin-šú lâ išû^u amêlu^u rê^u tab-ra-te

la-di-ru tú-qu-un-te šarru mu-šak-niš lâ kan-su-te-šú

¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri šar šarrâni MESⁿⁱ šá kâli-šú-nu šarrâni MESⁿⁱ

5 ma-da-tú am-hur ¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri izakar^{ar} ¹

ma-a ana-ku pu-la-ni an-nu-te ištu lib-bi ¹al-ni-ú-nu

na-ša-ku ana-ku dûru an-ni-ú ar-ti-ši-ip.

Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, царя могущественного, царя вселенной, царя страны Наири, царя, равного которому нет, удивительного пастыря, не боящегося² сражения, царя, подчиняющего непокорных. (Я), Сардури, сын Лутипри, царь царей, который от всех царей получил дань. Так говорит Сардури, сын Лутипри: Я эти камни³ принес из города Алниуну (и) воздвиг эту стену.

¹ Идеограмма: KA·KA^{ar}; ее возможно также прочесть как amâta izakar^{ar}, т. е. «слово изрекает».

² «Не боящийся»: la-di-ru (< la adiru).

³ rūi «каменная глыба»; а также название определенных пород камня (гранита, мрамора и пр.), употребляемых при строительстве.

2.

Schulz, 1 (A); Sayce, 2 (Т, П); Jensen, ZA, VIII (1893), стр. 375—381; Sandalgian, 1—1*; C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, стр. 62, рис. 39 (Ф); И. И. Мещанинов, Халдоведение, 15 (Ф, П); CICH, 2, рис. 3, стб. 19—20, табл. 40 (Ф, Т, П).

1 tuppu šá ¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri šarri rabê^e

šarru dan-nu šar kiššati šar matna-i-ri šarru šá-nin-šú

la išû^u amêlu^u rê^u tab-ra-te la-di-ru

tú-qu-un-te šarru mu-šak-(ni)¹-iš la kan-su-te-šú

5 ¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri šar šarrâni MESⁿⁱ šá kâli-šú-nu

šarrâni MESⁿⁱ ma-da-tú am-hur ¹Dsar₅-dûri apil ¹lu-ti-ip-ri

izakar^{ar} ² ma-a [ana]-ku pu-la-ni an-nu-te ištu lib-bi

¹al-ni-ú-nu na-ša-ku ana-ku dûru an-ni-ú ar-ti-ši-ip

Текст этой надписи идентичен тексту надписи № 1.

¹ В оригинале по ошибке пропущено.

² См. прим. 1 к надписи № 1.

3.

C. F. Lehmann-Haupt, *Materialen*, стр. 62, рис. 40 (Ф); CICH, 3, табл. 41 (Ф, Т, П).

1 ʾtuppu¹ ʾśá¹ ʾDsar₅-dûri apil ʾlu-ti-ip-ri šarri rabē^e

[.....] šā-nin-šū lā išū^uamēlu¹ [.....]

[.....]

Надпись Сардури, сына Лутипри, даря великого, (даря), равного которому нет...

НАДПИСИ ИШПУИНИ, СЫНА САРДУРИ

4—10.

Цвастан (селение, расположенное в семи километрах юго-восточнее Вана, недалеко от восточного берега Ванского озера). Надписи на базах колонн. Каждая из них состоит из трех строк, с повторением одного и того же текста во всех трех строках. Мы даем здесь общую для всех экземпляров транскрипцию, и поэтому, естественно, степень сохранности той или иной надписи (поврежденность знаков) у нас осталась неотраженной. Эти надписи, во всяком случае некоторые из них, опубликованы не раз: одну такую надпись опубликовал уже D. H. Müller, «Oesterreichische Monatsschrift für den Orient» (1886), № 8, стр. 158 (Т, П); см. также: Sayce, 4 (Т, П); Sandalgian, 55 (Т, П); И. И. Мещанинов, *Халдоведение*, № 12, стр. 198 (А, П); там же, № 19, стр. 209 (Ф, П); см. Г. В. Церетели, УПМГ, стр. 34, прим. 1; И. И. Мещанинов, ДАН, В (1931), стр. 29—36 (Т, П); CICH, 4a-f, табл. 42 (Ф, Т)—ср. CICH, Textband, вып. 2, стб. 130; J. Friedrich, *Einführung*, 1 (Т, П); Г. В. Церетели, УПМГ, № 1, 2, 3 (Ф, А, Т, П).

1 ʾiṣ-pu-ū-i-ni-i-se ʾDsar₅-du-ū-ri-e-ḥi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ū-ni

2 ʾiṣ-pu-ū-i-ni-i-se ʾDsar₅-du-ū-ri-e-ḥi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ū-ni

3 ʾiṣ-pu-ū-i-ni-i-se ʾDsar₅-du-ū-ri-e-ḥi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ū-ni

Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил.

(Повторяется трижды)

11.

Цвастан. Четыре фрагмента одной и той же надписи на камне. Фотоснимок или автография этих обломков нигде не опубликованы. Впервые по эстампажу Рассамы эти фрагменты издал Sayce под № 6 (Т, П); по Сэйсу дает эту надпись Sandalgian (№ 54, Т, П); C. F. Lehmann-Haupt текст сверил с оригиналом и на основании этого издал в CICH (№ 5, Т).

A

1 D] ḥai-di-ni-ni al-s[u-i-ši-ni

2] li-e mu-ū¹ [

3] gi-ni te [

4 D] qu-e-ra [

B

1] É a-se [

2]-si (?)³ [1]⁴gu-bi⁵ [

C

1 ʾiṣ-pu-(ú)-i]⁶ni-ka-i [

2]⁷na a ta ra [

3]⁸ni hu⁹ [

D

1] li-e la [

2] li-e

3]¹⁰nu nī

Поскольку можно судить по отдельным местам этих фрагментов (например, Ё «дом» в B_1 или упоминание бога Куера в A_4), можно думать, что в надписи речь между прочим шла о возведении культового сооружения, повидимому, богу Куера.

¹ Согласно Леманн-Гаупту, после этого знака можно различить еще один знак (рис. 23 табл. IV) (CICH, Textband, вып. 1, Liste undeutbarer... Zeichen, № 3); по его мнению, здесь, возможно, стоял знак «а» (CICH, 5, прим. 1).

² Сэйс и Леманн-Гаупт в этой строке восстанавливают: uš-gi-ni te-[ru-bi: из-за фрагментарности текста, трудно судить, насколько основательны эти восстановления.

³ Леманн-Гаупт не уверен в правильности этого чтения.

⁴ Сэйс здесь читал ku; Леманн-Гаупт не уверен в правильности этого чтения и допускает возможность присутствия здесь вместо ku знака «а» (рис. 24).

⁵ В этой строке Сэйс и Леманн-Гаупт читают: ^{NA}pu-lu-] si ku-gu-bi; и в этом случае трудно судить, насколько основательны эти восстановления. Вслед за bi, согласно Леманн-Гаупту, можно различить еще следы знака е или is? (рис. 25) (CICH, № 5, прим. 3).

⁶ Так восстанавливается у Сэйса и вслед за ним также у Леманн-Гаупта.

⁷ Впереди na на оригинале заметны следы еще одного знака (рис. 26) (CICH, № 5, прим. 4).

⁸ Впереди ni на оригинале заметны следы еще одного знака (рис. 27) (CICH, № 5, прим. 5).

⁹ Вслед за hu Сэйс читает bi(?); Леманн-Гаупт также с вопросительным знаком ставит знак «е»; по его мнению, на оригинале остались следы этого знака (рис. 28) (CICH, № 5, прим. 6).

¹⁰ Сэйс впереди ni читал еще знак «а» (и объединял их в слове a-ni-ni); согласно Леманн-Гаупту, здесь стоял один из следующих знаков: ul, bal, ga (CICH, № 5, прим. 7). См. рис. 29.

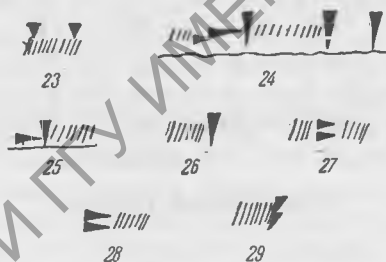

Таблица IV. Рис. 23—29

12.

Цвастап. Фрагмент надписи на камне. Согласно Леманн-Гаупту, порода камня и характер письма здесь такой же, как и на фрагментах надписи № 11; по его мнению, возможно, и этот фрагмент является обломком той же надписи, хотя найден в другом месте. Фрагмент опубликован в CICH (№ 6, T).

1 ^Iiš-pu-[(ú)-i-ni
2]bi me[

13.

Оскебак, близ Вана (см. N. Adontz, Histoire d'Arménie, 1946). Надпись находится в Британском музее. Она высечена на базе колонны такой же формы, как базы колонн надписей № 4—10. Надпись опубликована в CICH под № 6A, табл. I (Ф, T).

1 ^Iiš-pu-ú-i-ni-i-se ^{ID}sar₅-du-ú-ri-e-hi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ú-ni

2 ^Iiš-pu-ú-i-ni-i-se ^{ID}sar₅-du-ú-ri-e-hi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ú-ni

3 ^Iiš-pu-ú-i-ni-i-se ^{ID}sar₅-du-ú-ri-e-hi-ni-e-se i-ni É-e za-a-du-ú-ni

Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил.

(Повторяется трижды).

14.

Сел. Патноц (северо-восточнее Малазгирта, на северном склоне Сипан-дага). Надпись на обломке колонны. Фотоснимок или автография надписи нигде не опубликованы. Sayce, 69 (Т, II); Sandalagian, 56 (Т, II); CICH, 7 (Т).

- 1]ši-di-iš-tū-[ni (?)
2 ^{I D}]sar₅-[du]-ú-ri-(hi)¹ ^Iiš-[pu-i-ni
3 ^Iiš]-pu-i-ni-[1] ^{I D}[sar₅-du-ri-hi-ni

. . . построил . . . [Ишпуини], сын Сардури. Ишпуини . . . Ишпуини, сын Сардури . . .².

¹-(hi)«сын» — наше добавление, у издателей этой надписи оно отсутствует; повидому, этот знак пропустили по ошибке R. P. Dulman, копия которого легла в основу издания Сэйса, последующие издания воспроизводят издание Сэйса. Без этого добавления надпись не может считаться принадлежащей Ишпуини; тогда мы должны признать, что или надпись составлена совместно от имени царя Сардури I (сына Лутипри) и его сына Ишпуини, что мало вероятно (во время Сардури I надписи составлялись, повидому, лишь на ассирийском языке), или же, наоборот, от имени Ишпуини и его сына Сардури. Этот последний из урартских источников не известен, но упоминается в ассирийских надписях, в частности в «Луврской табличке» ассирийского царя Саргона II, стк. 400, 401 (Fr. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, 1912). В последнем случае мы должны прочесть во 2—3-й строках данной надписи:

^{I D}]sar₅-[du]-ú-ri ^Iiš-[pu-i-ni-hi
^Iiš]-pu-i-ni-[hi] ^{I D}]sar₅-du-ri

² В надписи, несомненно, речь шла о постройке царем Ишпуини какого-то сооружения (см. стк. 1: šidištuni «(он) построил»).

15.

Патноц. Надпись на базе колонны. Sayce, 70 (Т, II); W. Belck, VBAG (1895), стр. 611; Sandalagian, 57 (Т, II); CICH, 8 (Т).

^Iiš-pu-ú-i-ni-e
Ишпуини¹

¹ Повидому, стоит в родительном падеже.

16.

Патноц. Надпись на базе колонны. CICH, 9 (Т); ср. С. F. Lehmann-Haupt, Bericht, № 13. Фотоснимок или автография надписи нигде не опубликованы; в Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашиа (в Тбилиси) хранится эстампаж, на котором отражена часть надписи:

- 1 di-ni-ni u[š-ma-ši-ni] ^Iiš-p[u]-ú-i-ni-še
2 da-ú-ri ^Iiš-pu-ú-i-ni-še

На основании этого мы полагаем, что транскрипция этой надписи, данная в CICH, неточна:

- 1 hal-di-ni-ni u[š-ma-ši-ni] ^Iiš-p[u]-ú-i-ni-še ^{I D}sar₅-d[u]-ri-[hi-ni-še . . .]
 iš[. . .]
2 ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^{I D}sar₅-du-[ri-hi-ni-še . . .]ši-di-iš-tū-ni ši-da-ú-ri

Текст этой надписи, по всей вероятности, аналогичен тексту надписи № 17. Привлекая данные этой последней, на основании эстампажа Музея Грузии и транскрипции, приведенной в CICH, нам кажется, можно восстановить текст надписи следующим образом:

- 1 ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni] ^Iiš-p[u]-ú-i-ni-še ^IDsar₅-d [u]-ri-[hi-ni-še . . .
ši-di]-iš-[tú-ni i-nu-ki ba-du-si-ni ú-i gi-e-i]
2 [ši]-da-ú-ri ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-[ri-hi-ni-še . . . ši-di-iš-tú-ni i-nu-ki
ba-du-si-ni ú-i gi-e-i ši-da-ú-ri]

Могуществом бога Халди Ишпуини, сын Сардури, . . .¹ построил такого величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто².

Ишпуини, сын Сардури, . . .¹ построил; такого величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто².

¹ Здесь, несомненно, упоминалось то, что было построено царем Ишпуини. Судя по фразе «такого величественного ничего не было (здесь) воздвигнуто», речь, возможно, шла о постройке дворца (ср. надпись № 17).

² Общий смысл фразы inuki badusini úi giei šidauri приблизительно так трактуется Гётце, RHA, 22—23 (1936), стр. 183.

17.

Сел. Леск, близ Вана. Надпись на камне круглой формы (очевидно, часть лонны). Schulz, 36 (A); Sayce, 3 (T, П); Sandalgian, 53—53* (T, П); CICH, 10, табл. 42 (Ф, Т).

- 1 ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še bur-ga-na-ni ši-di-ši-tú-ni ^Dhal-di-ni uš-gi-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še É i-ni ši-di-ši-tú-ni i-nu-ki [ba-d]u-si-ni [su¹]-ú-i gi-e-i ši-da-gu-ri
2 ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še bur-ga-na-ni ši-di-ši-tú-ni ^Dhal-di-ni uš-gi-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še É i-ni ši-di-ši-tú-ni i-nu-ki ba-du-si-ni [s[u]¹]-ú-i gi-e-i ši-da-g[u]-ri

Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил. Силой (?) бога Халди Ишпуини, сын Сардури, этот дом² построил; такого (?) величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто³.

(Повторяется дважды)

¹ М. Церетели опускает этот знак (RA, XXXIII (1936), стр. 99, 136); Гётце считает, что здесь стоит какой-то трудно разбираемый знак, который он присоединяет к предыдущему слову badusini (ba-du-si-ni-x) (RHA, 22—23 (1936), стр. 183); RHA, 24 (1936), стр. 268); но по фотоснимку (CICH, табл. 42), так же как и автографии Шульца (№ 36), трудно сомневаться в том, что здесь стоял именно знак su. Возможно, su¹ является диалектной формой урартской отрицательной частицы úi; эта надпись и в других случаях выявляет особенности по сравнению с другими урартскими памятниками (см. выше, в очерке урартской грамматики).

² Возможно, имеется в виду «дворец».

³ См. прим. 2 к надписи № 16.

18.

Ван. Надпись на Ванской скале, у восточных ворот Ванской цитадели (Тебикапуси). CICH, 11, табл. 2 (Ф, Т).

- 1 ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni
^Iiš-pu-ú-i-ni-še a-li-e

- ^I D sar₅-du-ri-[e]-hi-[ni]-še (?) ¹ i-e-še]
^I me-nu-ú-a-še ^I iš-pu-ú-i-ni-e-hi-ni-še]
 5 ^I i-nu-uš-pu-a-še ^I me-n[u-ú-a-hi-ni-še]
^D hal-di-e-i su-si-i (?) -e ši-i-di-iš-tú-še]
^D hal-di-ni-li [KÁ-li. . . . ² te (?) ba(?) -du-si-e]
 ka-[a-ni] ^{URU} tu-uš-[pa e]
 ši-d[i-iš]-tú-ú-še TAG(?) -še (?) ³ ^{GUD} pa-ha-ni ^{UDU} sú-ú-še]
 10 ^D [hal-d]i-i-[ni bi-i-e-di-i-ni] ⁴
^D hal-[d]i-i-[na-a-ni KÁ bi-e-di-ni] ⁵
 ma-a-[n]i-[ni ul-gu-ú-še]
 al-su-[i-še-e ^I iš-pu-ú-i-ni-i-e]
^I D sar₅-du-ú-ri-e-hi-i-ni-i-e]
 15 ^I [me-nu-ú-a ^I iš-pu-ú-i-ni-hi-ni-e]
^I i-nu-uš-pu-ú-a ^I me-nu-ú-a-hi-ni-e]
^D hal-[di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni]
^I iš-pu-ú-[i-ni-še a-li-e]
^I D [sar₅-du-ri-e-hi-ni-še (?) ¹ i-e-še]
 20 ^I me-[n]u-ú-[a-še ^I iš-pu-ú-i-ni-e-hi-ni-še]
^I i-nu-[uš-pu-a-še ^I me-nu-ú-a-hi-ni-še]
^D hal-di-e-i [su-si-i (?) -e [ši-i-di-iš-tú-še]
^D hal-di-ni]-li [KÁ-li. . .] ² te (?) [ba (?) -du-si-e]
 [ka-a-ni] ^{URU} tu-uš-pa[. e]
 25 [ši-di-iš-tú-ú-še TAG (?) -še (?) ³ ^{GUD} pa-ha-ni ^{UDU} sú-ú-še]
^D hal-di-i]-ni [bi-i]-e-[di-i]-ni ⁴
^D [hal-di-i-na]-a-[ni] KÁ [bi-e-di]-ni ⁵
 ma-[a-ni-ni ul-gu-ú-še] al-[su]-i-[se]-e
^I [iš-pu-ú-i]-ni-[i]-e
 30 ^I [sar₅-du-ú]-ri-e-[hi-i-ni-i]-e
^I [me-nu-ú-a ^I iš]-pu-ú-[i-ni-hi-ni]-e
^I [i-nu-uš-pu-ú-a] ^I me-[nu-ú-a-hi]-ni-e
^D hal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni
^I [iš-pu-ú]-i-[ni-še a-li]-e
 35 ^I D [sar₅-du-ri-[e]-hi]-n[i]-še (?) ¹ i-e]-še
^I me-[n]u-ú-a-še ^I [iš-pu-ú-i-ni]-e-hi-ni-še
^I i-nu-uš-[pu-a-še ^I me-nu-ú-a]-hi-ni-še
^D hal-di-e-[i su-si-i (?) -e ši-i-d]i-iš-tú-še
^D hal-di-ni-[li KÁ-li. . . ² te (?) ba(?)]-du-si-e
 40 ka-a-ni ^{URU} tu-uš-[pa] e
 [ši]-di-iš-tú-ú-še [TAG (?) -še (?) ³ ^{GUD}]pa-ha-[ni] ^{UDU} sú-ú-še
^D hal-d[i]-i-[ni] bi-[i]-e-di-i-[n]i ⁴
^D [hal-di-i-na-a-ni] KÁ b[i]-e-di-ni ⁵
 [ma]-a-n[i-ni ul-gu-ú-še al-su]-i-še-e
 45 ^I iš-[pu-ú-i-ni-i-e]
^I D [sar₅-du-ú-ri-e-hi-i]-ni-[i]-e
^I me-n[u-ú-a ^I iš-pu-ú-i-ni-hi]-ni-e
^I i-[nu-uš-pu-ú-a ^I me-nu-ú-a-hi]-ni-e

Могуществом бога Халди Ишпуини говорит: Я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, (и) Инушпуа, сын Менуа, *susi* бога Халди построили (мы); ворота бога Халди... ⁶ величественный (?) перед городом Тушпа... мы построили. Принесли мы в жертву (?) крупный (и) мелкий рога-тый скот.

Да будет со стороны бога Халди, со стороны ворот бога Халди жизнь (и) величие Ишпуини, сыну Сардури, Менуа, сыну Ишпуини, (и) Инушпуа, сыну Менуа.

(Повторяется трижды)

¹ В CICH не восстанавливается; если не восстановить этот знак, то, конечно, никакого основания нет для выделения здесь слова *iesē* «я»; это последнее тогда нужно рассматривать как окончание эргативного падежа, в котором стоит ¹ *ḫsardu-gehini*.

² Перед *te* Леманн-Гаупт предполагает знак *ās* и объединяет их в одно слово *ās-te*; трудно найти основание для такого восстановления. Возможно, нужно восстановить: DUB (ср. в надписи 99, обор. стор., стк. 2: *baduse DUB-te*).

³ Восстанавливается нами по контексту и на основании следов клинописных знаков (ср. CICH, 11, прим. 2).

⁴ В CICH: *bi-li e-di-i-ni*.

⁵ В CICH: ^D*haldini aruni KĀ-li edini*; поврежденные места этой, а также предыдущей строки восстанавливаются нами на основании известной по другим надписям формулы: ^D*haldini bedini* ^D*haldinani KĀ bedini*, присутствие которой мы предполагаем и здесь.

⁶ Может быть, здесь стояло: «надпись» (см. прим. 2).

НАДПИСИ ИШПУИНИ И МЕНУА

19.

Келяшин (так называется эта надпись у местных жителей). Ассиро-уѓартская двуязычная надпись, высеченная на большой стеле, на одной стороне которой находится ассирийский, на другой же — уѓартский текст. Стела установлена в районе нынешнего города Ревандуз, на перевале к юго-западу от оз. Урмия. Этот перевал называется Келяшинским по названию самой стелы.

J. de Morgan et V. Fr. Scheil, *Rec. trav.*, XIV (1893), стр. 153—166 (A, T, II) — ср. J. de Morgan, *Mission Scientifique en Perse*, IV, 1re partie, 1896, гл. 7, стр. 261—283 (Ф, А, Т, II); Sayce, *JRAS* (1894), стр. 691 сл. (Т, II); Sandalgian, 2—2*, 45 (Т, II); W. Belck u. L. Messerschmidt, «*Anatole*», I, (1904) (Ф, А, Т, II); Sayce, *JRAS* (1906), стр. 611 сл. (Т, II); C. F. Lehmann-Haupt, *Materialen*, стр. 64, рис. 42 (Ф); A. Götze, *ZA*, N.F. V (XXXIX), H. 1, стр. 99—128 (Т, II); Ebeling, *AfO*, VI (1931), H. 4/5, стр. 225—228 (ассир. текст — Т, II); C. F. Lehmann-Haupt, «*Klio*», XXIV (1930), H. 1, стр. 148—163; CICH, 12, табл. 3 (Ф, Т) — ср. CICH, II, стб. 132—160; J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, 1932, стр. 42—46 (Т); M. Tseretheli, *RA*, XXX (Т, II).

Надпись дошла до нас в очень плохом состоянии, многие места на стеле не поддаются чтению. В деле восстановления этих поврежденных мест особенно много дали последние работы, посвященные изданию или обработке текста надписи. Это — работы Гётце (*ZA*, N. F., V), Эбелинга (*AfO*, VI), Фридриха («*Kleinasiatische Sprachdenkmäler*») и Леманн-Гаупта (CICH, II, стб. 132 сл.). Именно эти работы имеются в виду, когда в примечаниях упоминаются Гётце, Эбелинг, Фридрих и CICH.

Уѓартский текст

1 *[i-ú ḫal-di]-ka-a-i* [^{URU}*ar-di-ni-di*]

[nu-na-li iṣ]-pu-ú-i-ni-ni ¹ *ḫsar-[du-ri-e-hé]*

[LUGÁL DAN-NU LUGÁL]^{KUR}śu-ra-a-ú-e LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-[na-ú-e]

[a-lu]-si ^{URU}tu-uš-pa-a-URU ¹me-[nu-ú-a]

5 *[iṣ-p]u-ú-i-ni-hé ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni]* ¹

[ḫal-di]-i-e SULU za-i-nu-ú-a-di ² *te-ru-[ú-ni]* ³

- [DUB-te ia-ra-ni-k]a-a-i⁴ I¹is-pu-ú-i-ni-[iš²]^{4a}
 [I¹Dsar₅]-dur₆-h_i-ni-se na-hu-ni ú-ri-iš-[h_i-i]⁵
 [ga-zu-l]i ni-ri-bi [ga-z]u-li na-hu-ni
- 10 []⁶ MES URUDU n[a]-h[u]-n[i] šá-ni URUDU na-hu-ni [2—4]⁷
 [na-hu]-ni ni-[ri]-be tar-a-a-e a-da-[2]⁸
 [te-ru]-ni Dal-di-na KÁ a-ru-ni Dal-d[i-e]
 [e-ú]-ri-i-e ul-gu-ši-i-a-ni-e-[di-ni]
 [na-hu-ni] I LIM I ME XII GUD^{MES} IX LIM (I ME)⁹ XX UDU.
 MÁŠ-li[]¹⁰
- 15 [UDU.N]ITÁ^{MES} e-gu-ru-hé X LIM II LIM IV ME LXX[X]
 [UDU.MÁŠ^{ME}Š GAL^{MES} at-qa-na-ni i-ú Dal-di-ka-[a-i]
 [URUa]r-di-ni-di nu-na-be I¹is-pu-ú-i-ni-[ni]
 [I¹Dsar₅]-du-ri-e-hé LUCÁL DAN.NU LUGÁL KUR¹su-ra-a-ú-[e]
 [LUGAL^{KUR}]bi-a-i-na-ú-e a-lu-si URUtu-uš-pa-a-[URU]
- 20 [Dal]-di-ni-ni uš-g[i]-ni i-na-ni bur-ga-na-[ni]
 []-ni-i¹¹ [2]-a-ni¹² ba-ú-ši-ni-l[i]
 [ha-r]i-e-di Dal-di-na KÁ te-ra-a-i-ni-[li]
 [2-3]-i¹³ URUar-di-ni Dhal-di-na-ni [KÁ]
 [ni-ri]-bi [e]-gu-ru-hu ha-i-ni ha-ú-[ni]¹⁴
- 25 []-li i-ú¹⁵ i-ú Dhal-di-ka-[a-i]
 [URUar]-di-ni-di nu-na-a-li I¹is-pu-ú-i-[ni-ni]
 [I¹Dsar₅]-dur₆-e-hé I¹me-nu-a I¹is-pu-ú-i-ni-[hé]
 [at-qa-na]-di-tu Dhal-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú a-[lu-se]
 [ni-ri]-be Dhal-di-na-ni KÁ ha-ú-li-i-e [1-2]¹⁶
- 30 [2]-li-ni¹⁷ a-lu-se a-i-ni-e-i ú-li-[i-e-i]¹⁸
 [ha-a-i-d]i iš(?)-e-ia-me du-li-i-e [2-3]¹⁹
 [2]-li-i-ni a-lu-si-i-na-a-ni [2-3]²⁰
 [4]-ni²¹ URUar-di-ni-URU ha-su-li-[i-e]
 [ni-ri-bi] Dhal-di-(na)-ni KÁ a-i-se-e-i ha-i-[di]²²
- 35 [a-i-ni]²³ du-li-i-e me ku-ú-i²⁴ Dhal-[di-se]
 [zi-il]-be²⁵ qi-ú-ra-a-e-di ku-lu-di-i-[a-ni]²⁶
 [a-lu]-se DUB-te i-ni su-ú-i-du-li-i-e [i-nu-ka-ni]
 [e-si-ni]-ni²⁷ a-lu-se ip-hu-li-i-e a-lu-se a-i-[ni-e-i]
 [i-ni]-li du-li-i-e ti-i-ú-li-i-e ú-[li-i]
- 40 [tú-ri] me-i²⁸ Dhal-di-is DIM-se DUTU-se DINGIR^{MES}-[se]
 [URUar-di]-ni-ni²⁹ zi-il-bi³⁰ qi-ra-e-di ku-li-tú-ni³¹

Ассирийский текст

- 1 [ki-i ina pa-an]^{Dhal-di-e} ana ^{a1}mu-ša-sir [il-lik-ú-ni-ni]
 [I¹is-pu-ú]-i-ni apil I¹Dsar₅-dur₆ šarru³² rabû^u šarru³² [dan-nu šar kiššati]
 [šar^{an}at]a-i-ri šakin ^{a1}tu-uš-pa-an-âli³³
 [I¹me]-nu-a mâr I¹is-pu-ú-i-ni mas-s[ak-ku]³⁴
- 5 [ir]-ši-ip-pu³⁵ ana Dhal-di-e ina muhhi [harrâni]
 [e-li]-i-nu^{35a} istakan^{an}³⁶ tup-pu ina pân mas-s[ak-ki]³⁷
 [I¹is]-pu-ú-i-ni apil I¹Dsar₅-[dur₆]
 [na-ši] be-li damqûti^{MES} bi-bu damqu na-ši
 []^{MES} []³⁸ šá eri na-ši tiqar eri na-ši [1-2]³⁹
- 10 [na-ši] bi-bu ma'-du-tú tu-ru istakan^{an} ina mi-[hîr]⁴⁰
 [bâbâni]^{MES} šá Dhal-di-e i-ti⁴¹ din ana Dhal-di-[e]⁴²
 [bêli ana] pu-ut balâti-šû⁴³ na-ši I LIM I ME XII alpe^{MES}

- [IX LIM] I ME XX urisē^{MES} immerē^{MES} pa-āš-ru X LIM II LIM IV
ME LXXX
- [uri]sē rabūti^{MES} e-qu-te ki-i ina pa-an ^Dhal-di-[e]
- 15 [ana] ^Amu-ša-sir illik-an-ni ^Iiš-pu-ū-i-ni apil ^IDsar₅-[dur₆]
[šarru rabū]^ū šarru dan-nu šar kiššati šar māt^{na}-i-ri šakin ^Atu-
p[a-an-āli⁴⁴]
- [i-na da(?)]-ni-e-ni⁴⁵ ^Dhal-di-e an-ni-ū [2-3]⁴⁶
[2]⁴⁷ an-na-te-ma amāte^{MES} ina muhhi har[rāni⁴¹]
[ina pa]-an bābāni^{MES} šā ^Dhal-di-e [2-3]⁴⁸
- 20 [šak]-na-te ina ^Amu-ša-sir istu lib-bi bābāni^[MES]
[šā] ^Dhal-di-e bi-bu ki-i pa-āš-ri našū^ū⁴⁹
[na]⁵⁰-ši i-du-nu amāte^{MES} ki-i ina pa-an ^Dhal-di-[e]
[ana ^A]mu-ša-sir il-lik-ū-ni-[ni]
[^I]iš-pu-ū-i-ni apil ^IDsar₅-[dur₆]
- 25 [^I]me-nu-a mār ^Iiš-pu-ū-[i-ni]
[a-n]a e-qu-te ū-sa-li-ku bi-bu šā ^Dhal-di-e]
[iq-t]i-bi-ū⁵¹ ma-a šā bi-bu istu lib-bi bā[bāni^{MES}]
[šā] ^Dhal-di-e inissū^ū-[ni]
[ū]-qi-li-li⁵² ši-'u-sū⁵³ šum-mu me-ni-me-[ni]
- 30 [e-t]a-mar⁵⁴ ki-i inissū^ū-[ni]
[1-2]⁵⁵ ū-pa-za-ar ina tāk-li-ma-[te šā šakini]⁵⁶
[3-4]-nu⁵⁷ šā ina lib-bi āli ^Amu-ša-s[ir]
[šum-m]u i-si-me⁵⁸ ki-i bi-[bu]
[istu]⁵⁹ lib-bi bābāni^{MES} šā ^Dhal-di-[e]
- 35 []⁶⁰ [i]-ni-iš-sū-ni šum-mu e-ta-mar []⁶¹
[^Dhal]-di-e zēr-sū⁶² ina muhhi qaqqāri lu-^{hal}-liq-sū⁶³
[šā DUB-T]E an-ni-tu i-da-'ip-ū-[ni]
[istu] lib-bi maš-ka-[a-ni]⁶⁴ an-ni-[i]
[šā i-ha]p-pu-ū-ni šā a-na me-ni-me-ni i-qa-b[i-ū-ni]⁶⁵
- 40 [ma-a] a-lik hi-pi⁶⁶ ^Dhal-di-e ^D[adad]
[^Dsamaš] ilāni^{MES}ni šā ^Amu-ša-[šir]
[zēr-sū]⁶⁷ ina muhhi qaqqāri^{ri} lu-^{hal}-liq-ū-[sū]⁶⁸

Когда перед богом (X)алди⁶⁹ в город Ардини (Мусасир) явились Ишпуини, сын Сардури, царь великий⁷⁰, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Бианили (асс.— царь страны Наири), правитель Тушпа-города, (и) Менуа, сын Ишпуини, построили они часовню⁷¹ богу (X)алди. На высокой дороге поставили они⁷² стелу.

Перед часовней Ишпуини, сын Сардури, преподнес прекрасное оружие, отличный скот (?)⁷³, преподнес... из меди, преподнес медные сосуды⁷⁴, преподнес..., преподнес снова много скота (?), поставил (все это) у ворот бога (X)алди и дал (X)алди, владыке, ради своей жизни. Он привел 1112 быков⁷⁵, 9120⁷⁶ коз (и) ягнят, свободных (в отношении использования ?), (а также) 12 480 больших коз (для) жертвоприношения.

Когда перед богом (X)алди в город Ардини (Мусасир) явился Ишпуини, сын Сардури, царь великий⁷⁰, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Бианили (асс.— царь страны Наири), правитель Тушпа-города, силой (?) бога Халди эту крепость (?) ... эти вещи на дороге перед воротами бога Халди... были установлены.

От ворот бога Халди города Ардини (Мусасир)⁷⁷ свободный (?) скот (?) пусть уведут, когда дадут (будут покупать) (взамен) вещи⁷⁸.

Когда перед богом Халди в город Ардини (Мусасир) явились Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, пожертвовали богу Халди скот (?)

(и) так ⁸¹ сказали: кто скот (?) от ворот бога Халди уведет ⁸² — тот пренебрегает своим уничтожением ⁸³; кто заставит кого-нибудь другого увести (их) ⁸⁴... скроет по указанию (приказу) (своего) господина (правителя) ⁸⁵ (похищенное)... Если кто-нибудь, находящийся в городе Ардини (Мусасир) (в урартском: (житель?) города Ардини) услышит, что кто-то заставил кого-нибудь ⁸⁶ увести когда-нибудь ⁸⁷ от ворот бога Халди скот (?) (и утаит это?), пусть бог Халди уничтожит его семя на земле ⁸⁸.

Кто эту стелу выбросит с этого места, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет: «иди (и) уничтожь (ее)», пусть Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини (Мусасир) истребят (его) семя на земле ⁸⁹.

¹ ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tù-[ni] — так читает М. Церетели; Гётце: ia-ra-ni-ni ši-di-iš-[tu-ù-ni]; Фридрих, CICH: ia-[ra]-ni-ni ši-di-iš-[tù-ù-ni]; ср. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

² Ср. 264₅ урарт. (см. М. Церетели — RA, XLV (1951), № 1).

³ Так Фридрих, М. Церетели, CICH; Гётце: te-tu-[ù-se]. См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

⁴ Так Гётце, Фридрих, CICH; М. Церетели: [ia-ra-k]a TUPPU.

⁵ Восстановлено нами (см. в грамматическом очерке об окончаниях эргативного падежа в мусасирском говоре урартского языка).

⁶ Восстановлено нами (см. надписи 150, 177—190, 262, 263 и др.); М. Церетели: u-gi iš-[ti-ni].

⁷ Гётце: [URI]-GAL-Ú; Фридрих, CICH: [URI-GAL-Ú]; М. Церетели: [DUG-PA].

⁸ Гётце: du-[x-x]; Фридрих: d[u-x-x]; CICH: d[u-2-3]; М. Церетели: [KASPU].

⁹ Гётце, Фридрих, CICH: a-da-[a-ni]; также М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206).

¹⁰ Пропущено, добавляется по соответствующему месту ассирийского текста (стк. 13).

¹¹ В «Anatole» и в CICH восстанавливается: [-ni^{MES}]; М. Церетели: [-^{MES}].

¹² Гётце: [te?-ru?]-ni-i; Фридрих: [te-ru]-ni-i; М. Церетели: [i-na]-ni-i; CICH: [2]-ni-i; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206): [i]-na-ni (следующее за этим «и» он считает началом другого слова — см. примечание 12).

¹³ Гётце, Фридрих: us?-la-a-ni; CICH: us-la-a-ni; М. Церетели: ir-si-a-ni; он же, RA, XLV (1951), стр. 206: i-ra-di-a-ni.

¹⁴ Гётце, Фридрих: [te-ru-ni]-i; М. Церетели: [i]-[ni-ni]-i; он же (RA, XLV (1951), стр. 206): [a]-me-e-i, переводит: «здесь».

¹⁵ Гётце: bi.

¹⁶ Гётце: [ti-2]-li i-ù; Фридрих: t[i-x-x-l]i [i-ù]; CICH: [2]-li i-ù; М. Церетели: [ti]-[ù]-li-i-ni.

¹⁷ Вслед за ha-ù-li-i-e М. Церетели читает: mu-[a]; см. следующее примечание.

¹⁸ М. Церетели восстанавливает: [áš-du]-li-ni; он же в RA, XLV (1951), стр. 206, вместо своего старого чтения 29—30 строк mu-[a] [áš-du]-li-ni, читает: ma-[si-(e) DINGIR] áš-hu-li-e.

¹⁹ М. Церетели: ù-li-[e-i].

²⁰ Ср. у А. Гётце, RHA, 22, стр. 179, прим. 2, 3. М. Церетели в этой строке читает: [hu]-[šù]-li-e še-ri(-)du-li-i-e (-)ku-[ù-i].

²¹ М. Церетели: [a]-[lu-še].

²² Гётце: [ʔ]-[ta?]-ni; Фридрих: [...]-ʔ ta?-ni; CICH: [3]-[ta(?)-ni; М. Церетели: [ni-ri-bi]-la-ni.

²³ Так читает эту строку Гётце (RHA, 24, стр. 180) с той разницей, что в начале строки вместо [ni-ri-bi] он восстанавливает [a-lu-še]; Фридрих: [ni-ri-bi] ^Dhal-di-ni KÁ a-i-še-e-i ha-[a-i-di] (так же и в CICH, лишь последнее слово в виде: ha-i-[di]). М. Церетели в этой строке читает: [a-lu-še] ^Dhal-di-ni KÁ a-i-še-e-i ha-[ù-li-e].

²⁴ Так Гётце (RHA, 24, стр. 180); Фридрих, CICH, М. Церетели: [a-lu-še].

²⁵ Гётце: [a-i-ni-e] (RHA, 22, стр. 190); Фридрих, CICH: du-li-i-e me-ku-ù-i; М. Церетели: du-li-i-e-me (-) ku-ù-i.

²⁶ М. Церетели: [zi]-[li]-be.

²⁷ Так восстанавливается у Гётце (RHA, 22, стр. 190); Фридрих: [i-e]; М. Церетели, CICH: [e]; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 207): ku-lu-ù-d[i-i-e].

²⁸ В «Anatole» указывается в конце 37-й строки, вслед за словом *suidule*, место еще для трех знаков, и в начале следующей, 38-й строки перед *ni* также для

трех знаков. Гётце восстанавливает: [ia-ra-ni] [i-na-a]-ni; Фридрих: [...] [...] в CICH лишь в начале 38-й строки указывается место для трех знаков: [i M. Церетели: [e-si-ni] [is-ti-ni]-ni. [i-nu-ka-ni] [e-si-ni]-ni восстанавливается в соответствии с ассирийским maš-ka-[a-ni] an-ni-[i], принимая во внимание не встречающиеся в урартских текстах аналогичные выражения. См., например: kaṇi esinēni (110, лиц. стор., стк. 5—6; 277, стк. 4—5); в формуле проклятия урартских надписей мы встречаем: aluše esine suidule (89, стк. 15—16), aluše ini pulusi suidule (110, обор. стор., стк. 2—5); Звартноцская надпись (№ 281), стк. aluše esini suiduli.

²⁸ Так Гётце (RHA, 22, стр. 180, 191); Фридрих: [tú-ú-ri]-i; CICH: [tú-ú-ri]-i. М. Церетели: [tú-ú-ri]-i.

²⁹ Фридрих: [URUar-di]-ni-ni; М. Церетели: [URUar-di]-ni-ni-i-se; CICH: [URUar-di]-ni-ni-na; Гётце (RHA, 22, стр. 191): [URUar-di]-ni-ni; М. Церетели в RA, XLV, стр. 208: [URUar-di]-ni.

³⁰ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191); Фридрих: [zi-il]-bi; CICH: SUMU zi-il. М. Церетели: [ZÉRU], он же (RA, XLV, стр. 208): ZÉ[RU] ŠU[MU].

³¹ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191) — ср. конец Звартноцской надписи в CICH: ku-lu-d[i-e]; М. Церетели: ku-lu-di-[e].

³² Δ ? (ср. в «Anatole», Taf. 3).

³³ Гётце, Эбелинг, М. Церетели считают возможным вслед за этим словом в этой строке восстановить союз «и» («u»); в «Anatole» указывается, что здесь отсутствует один знак.

³⁴ Так у М. Церетели; Гётце: maš/z-k[a?-pu]; Фридрих: bar(maš)-x-[-...]; Эбелинг: pa(r)-r[ak-ku] (так же в CICH).

³⁵ Так у М. Церетели; Гётце, Фридрих: [iz-z]-u-ku-pu; Эбелинг, CICH: [iz-z]-u-ku-pu.

^{35a} ina muhhi [harrāni] [e-li]-i-nu: так М. Церетели (RA, XLV, № 1, стр. 7, стр. 206) — ср. 264₅ ассир.

³⁶ Гётце, Эбелинг, Фридрих, CICH: ina muhhi [eli]-[su] [an-ni]-i-nu ništaka. ср. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44—47.

³⁷ М. Церетели: maš-sak-[ki]; Гётце: maš/z-k[i-pi]; Фридрих: bar(maš)-x-[-...]; Эбелинг: rar-[rak-ki]; CICH: rar-rak-[ki?] — ср. стк. 4.

³⁸ Гётце: [uri-gal]-ú^{pl}; Фридрих: [uri-gal]-ú^{MES}-ni; Эбелинг: [uri]-gal(!)^{MES}. CICH: uri-gal^{MES}-e; М. Церетели: [DUG-P]A^{PL}-ni.

³⁹ М. Церетели восстанавливает: [kaspu].

⁴⁰ Так Гётце, Фридрих, Эбелинг, CICH; М. Церетели: pa-[an].

⁴¹ Так Эбелинг, Фридрих, CICH; М. Церетели: ta.

⁴² Вслед за этим Эбелинг в этой же строке восстанавливает bêli (так же в CICH); Гётце, Фридрих, М. Церетели восстанавливают bêli в начале следующей строки.

⁴³ [ana] ru-ut balâti-šú — так Гётце, Эбелинг, Фридрих, CICH; М. Церетели: [ana] arak ūmi balâti-šú.

⁴⁴ Восстанавливается у Фридриха и М. Церетели. У Гётце, Эбелинга, отсутствует.

⁴⁵ Так Гётце (JAOS, 55 (1935), № 3, стр. 298); М. Церетели: [i-ni] bit; Гётце (ZA): [ina te]-ni-e-ni; Фридрих: [ina te?]-ni-e?-ni; Эбелинг и CICH: [ina te]-ni ki-ni.

⁴⁶ Гётце, Фридрих, CICH оставляют без восстановления; Эбелинг: [pa-ra] M. Церетели: êkal[lu].

⁴⁷ М. Церетели: [šubâte]^{MES}, он же в RA, XLV (1951), стр. 206: [ú]-na-te.

⁴⁸ Гётце: k[i-i] GAR-ú; Фридрих: k[i-i] šaknu^ú; М. Церетели: k[a-na].

⁴⁹ М. Церетели: ILA-ú (munnašú(ú)) (RA, XXX, стр. 34).

⁵⁰ Так Гётце, Эбелинг, Фридрих, CICH; М. Церетели: [iš].

⁵¹ М. Церетели: [iq]-bi-ú.

⁵² Гётце (ZA): ú-qi-li-li; Фридрих: [ú-q]-li-li-li; Эбелинг: [šum-mu ú] M. Церетели: [iš]-[ta]-li-li-i-šú; CICH: [u]-qi-li-li; Гётце (RHA, 24 (1936), стр. 111)-qi-li-li; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206): [ú]-ul-li-li-i-šú.

⁵³ М. Церетели: ana ramâni-šú; он же в RA, XLV, стр. 206: ana ili-šú.

⁵⁴ См. у Гётце, RHA, 22—23 (1936), стр. 179, прим. 4.

⁵⁵ Эбелинг, CICH: [ù]; М. Церетели: [ù lu].

⁵⁶ М. Церетели: ina tak-li-ma-[te] [šakinu] ⁵²[i-na-d]-i-nu; Гётце, Фридрих: lāk-li-te; Эбелинг: ik(!)-li-te[-...]; М. Церетели (RA, XLV, стр. 207): ina tak-li-[bêlu-šú].

Фото 1. Надпись № 16. Эстампаж музея Грузии

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУЗИИ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Фото 2. Надпись № 20. Лицевая сторона. Эстампаж Музея Грузии

⁵⁷ Фридрих: [x-x]-di-nu; М. Церетели: [i-pa-d]i-nu (см. предыдущее примечание); Эбеллинг, CICH: [ša i]-sar-pa-nu.

⁵⁸ Так Эбеллинг; CICH: [šum]-mu i-si-me; Фридрих: ú?-še-i-si-me; М. Церетели: [ú]-še-i-si-me. Ср. Гётце, RHA, 24, стр. 281.

⁵⁹ М. Церетели: [ša ištu].

⁶⁰ М. Церетели: [bûša].

⁶¹ М. Церетели: iš-ta-par mīm[ma].

⁶² Так М. Церетели, Гётце (RHA, 22, стр. 190); Эбеллинг, Фридрих, CICH: šum-šu.

⁶³ lu-hal-liq-šu—так Эбеллинг, Фридрих, CICH, Гётце (RHA, 22, стр. 190); М. Церетели (RA, XLV, стр. 208): lu-hal-liq.

⁶⁴ Так М. Церетели (RA, XXX, стр. 44); Гётце: maš/z-ka-pi; Эбеллинг, CICH: maš-ka-bi; Фридрих: maš-ka-[pí?].

⁶⁵ CICH: i-qa-a[b-bi-ú-ni].

⁶⁶ Эбеллинг между bīpi и Dhaldie ставит еще: turpa.

⁶⁷ Гётце (RHA, 22, стр. 191); Эбеллинг, Фридрих: [šum-šu]; CICH: [šum-šu zer-šu].

⁶⁸ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191). Эбеллинг, CICH: li-hal-liq-ú-[šu]; Фридрих: li-hal-liq-[ú-šu]; М. Церетели (RA, XLV, стр. 208); lu-hal-liq-ú.

⁶⁹ В первой части урартского текста билингвы (стк. 1—22) имя верховного бога урартийцев Халди употребляется в форме «Алди», начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, стоит обыкновенная форма «Халди» — см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 45 сл.

⁷⁰ «Царь великий» — имеется лишь в ассирийском тексте.

⁷¹ Букв. «жилище» (ассир. massaku).

⁷² В ассирийском тексте стоит форма 3-го лица ед. числа, повидному вследствие неправильного понимания переводчиком одной урартской глагольной формы — см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 46 сл. Вообще, считается, что урартский текст билингвы — оригинал, ассирийский же перевод, что составление урартского текста предшествовало составлению ассирийского текста (см. Гётце, ZA, N.F., V (1929), Н. 1-3, стр. 99 сл.; М. Церетели, RA, XXX (1933), № 1, стр. 1 сл., и др.).

⁷³ Такое значение лучше всего подходит к урартскому nīribi=ассир. bi-bu (bibbu?) во всех случаях, где это слово встречается в текстах. Ср. также у Гётце, ZA, N.F., V, стр. 106-108.

⁷⁴ В тексте ед. число.

⁷⁵ Возможно: «(столько-то голов) крупного рогатого скота».

⁷⁶ В урартском тексте, по всей вероятности, ошибочно: 9020.

⁷⁷ В ассирийском тексте: «В городе Мусасире от ворот бога Халди».

⁷⁸ Урартск. eguruḫi; ассир. kī-raṣī — «имеющийся» в виде свободного», «как свободный».

⁷⁹ Приблизительно в таком смысле понимает это место Эбеллинг (AfO, Bd. VI (1931), Н. 4/5, стр. 226—227). В начале 25-й строки урартского текста, очевидно, стоит какая-то глагольная форма, оканчивающаяся на -li (окончание будущего времени), означающая вместе со следующим за пей iu («когда»): «Когда будут покупать что-нибудь», «Если приобретут что-нибудь».

⁸⁰ В ассирийском тексте: «Для жертвоприношения привели скот(?) бога Халди» — а на ед. usaliku bibu ša Dhaldie.

⁸¹ Имеется лишь в ассирийском тексте: ma-a (стк. 27).

⁸² Т. е.: «похитит у храма».

⁸³ Дословно в ассирийском тексте: «тот небрежно относится к своему уничтожению».

⁸⁴ Ср. Гётце, RHA, 22-23, стр. 179 сл.; RHA, 24, стр. 269 сл.

⁸⁵ Так по восстановленному М. Церетели ассирийскому тексту; в соответствующем месте урартского текста стоит слово alusinani — форма творительного падежа мн. числа от alusini «господский»; возможно, речь идет о том, что названное действие исполняется «по велению господина», как это думает М. Церетели (RA, XXX, стр. 10).

⁸⁶ Так в урартском тексте (согласно восстановлению Гётце, в начале стк. 35 [aini]).

⁸⁷ Так в урартском тексте (aiše).

⁸⁸ Так в ассирийском тексте; в урартском: «Пусть бог Халди не оставит (не допустит) (его) семя на земле» (Гётце, RHA, 22, стр. 185—192).

⁸⁹ Так в ассирийском тексте, в урартском: «пусть . . . (боги) не оставят (не допустят) (его) семя на земле».

S а у с е, 31 (Т, П); S a n d a l g i a n, 3 (Т, П); ClCh, 13, табл. 4,5 (Ф, Т).
лицевой стороны стелы мы пользовались также эстампажем, хранящимся в
Музее Грузии.

Лицевая сторона

- 1 [D^hal-di-i-e] ¹iš-pu-ù-i-ni-[š]e
[e-ù-ri-i-e] ¹iš-pu-ù-i-ni-[š]e
[I]^Dsar₅-du-ri-e-hi-ni-[š]e
[I]¹me-i-nu-ù-[a-še]
- 5 [I]¹iš-pu-ù-i-ni-e-hi-ni-[š]e
[su-ù-i-du-t]ú ¹lu-ù-sá-[a]
¹ka-a-tar-za-a
[. . .]ma(?)¹ i[.]^{r 12 r 13}[. . .]
[ku]-tè-¹i¹-[tú] pa-a-ri
- 10 [URU]a-na-ši-i-[e]⁴
[pa]-ri ^U[RU]k^u(?)⁵-[qu]-ru tar-[a-e]⁶
[. . .]⁷ nu-bi ¹ù-¹il-tè-ru-[hi]⁸
[I]¹lu-ù-sá-a [I]¹ka-tar-za-[a]
[bur-ga-la-l]i [LU]GAL^[MES]
- 15 [KUR]e-ti-ù-hi-[ni]-e-l[i]
[ar-nu-ia-li] uš-ta-a-[bi]⁹
[D^hal-di-ni ma-s]i-ni ^{GIS}šú-ri-e
[¹ù-i-tè-ru-hi-ni]-e-d[i]
[I]¹lu-sá-i-[ni]-e-di
- 20 [I]¹ka-tar-z[a]-ni-[e-di]
[KUR]e-ti-ù-h[i-na]-di [LU]GAL^[MEŠ-di]
[D^hal-di-n[i] ku-ru-ni
[D^hal-di-ni ^{GIS}šú-¹r[i]-i ku-ru-ni
[u]š-ta-li ¹iš-[pu]-ù-i-ni-ni
- 25 [I]^Dsar₅-du-ri-e-[hi]
[I]¹me-i-[nu]-ù-a-n[i]
[I]¹iš-pu-ù-i-ni-e-[hi]
[s]u-ù-i-d[u]-tú ¹ù-t[e]-ru-[hi]
[I]¹lu-ù-sá-[a] ¹ka-t[ar]-za-[a]
- 30 [bur]-ga-[l]a-li LUGAL-[l]i-l[i]
[KUR]e-[ti-ù-hi]-ni-l[i]
[za]-ši-l[i] ù-[i me-ri i]p¹⁰-ha-r[i]
[še]-ir-li DUB-te [UR]Ua-na-ši-i-[e]
[nu]-na-be i[š]-ti-n[i]-n[i]
- 35 [. . .] LIM VII ME [XX] KU [1]¹¹ ^[MES]
[. . .] LIM VI ME LXX ^L[ù]ù-e-di-a-[ni]
[. . .] [M]E XXVI ANSU.KUR.RA^[MEŠ]
[X LIM] III LIM V ME XL ^{GUD}pa-hi-[ni]
[XX] LIM VII ME LXXX[V] UDU^[MEŠ]
- 40 [. . .] am-ni ^L[ù] ù-e-di-a-ni
[. . .] a-ši-ni-e-[i]
[URU]tu-u[š-p]a-a-i(?) [?] ¹²ma-a-[nu]
[i]-ni-ni gu-ur-da-ri ¹³.

Оборотная сторона

- 1 [URU]a-na-ši-i-[e]
[. . .]nu-bi Iú-tè-ru-ù-hi I[lu]-tù-[šá-a Ika-tar-za-a]
[bur-g]a-la-li LUGAL^{MES} KUR^e-ti-ù-hi-ni-e-l[i]
[a]r-nu-ia-li uš-ta-a-[bi]⁹
- 5 [D^{hal}]-di-ni ma-si-ni GIS^{sú}-ri-e Iú-tè-ru-hi-ni-e-[di]
I^{lu}-šá-i-ni-e-di Ika-tar-za-ni-[e-di]
[KUR^e-ti-ù-hi-na-c-di LUGAL^{MES}-di D^{hal}-di-ni ku-ru-[ni]
[D^{hal}]-di-ni GIS^{sú}-ri-i ku-ru-ni uš-ta-[li]
[Iš]-pu-ù-i-ni-ni I^{Dsar}-du-ri-hi Im^o-nu-[a-ni]
- 10 [Iš]-pu-ù-i-ni-hi su-ù-i-du-tù Iú-tè-[ru-hi]
[I]u-ù-šá-a Ika-tar-za-a bur-ga-la-li LUGAL^[MES]
[KUR^e-ti-ù-hi-ni-li za-ši-li [ú-i]
[me¹⁰-r]i ip-ha-a-ri še-ir-li DUB-[te]
[URU]a-na-ši-i-e nu-na-be iš-ti-ni-[ni. . . LIM]
- 15 [VII] ME XX KU [1]¹¹ MEŠ. . . LIM VI ME LXX di¹⁴ú-e-di-[a-ni]
[. . ME] XXVI ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} X LIM III LIM V ME XL
[GUD pa]-hi-ni XX LIM VII ME LXXXV UD[U^{MEŠ}]
[. . .am]-ni L^ú-c-d[i-a-ni]
[. . . .a-š]i-ni-e-i URU^{[u-us-pa-n[i] [2]¹²}
- 20 [m]a-a-nu i-ni-ni gu-ur-da-a-ri¹³
- (Следует свободное пространство, достаточное приблизительно для четырех строк).
- 21 [a]-lu-[se i]-ni [D]UB-te pi-i-lu-li-e
[a]-lu-se lu-li-e
[a-lu-se] qí-ù-ra-[a me-pu-li-e]
[a-lu-se] A^{MEŠ} hu-sù-li-i-[e]
- 25 [a-lu-se] e-si-ni-e-i i-ri-du-l[i-e]
[a-l]u-se D^{UTU}-ka-i-ni se-ir-du-l[i-e]
[a]-lu-se a-i-ni-e-i i-ni-li du-li-[e]
[ti]-i-ù-li-e lu-ù-r[i-e]
[a]-lu-se u-li-e-se ti-i-ù-li-[e]
- 30 ¹⁵ [i-e-se za-a-du-ù-bi me-i-ni D^{hal}]-[di-se]
[D^{IM} D^{UTU} ku-ù-li-tú-ni
[me-i ti-i]-ni me-i zi-li-b[i-i]
[qí-ù-ra]-i-e-di[.]
[.]

Лицевая сторона. Богу Халди, владыке¹⁶: Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, отбросили¹⁷ (племя) Луша, (племя) Катарза... дошли (?) они до городов Анаше (и) Большое Кукуру... Уитерухи, Луша, Катарза; подкрепления (?) царей страны Этнухи пришли (им)¹⁸ на помощь.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?)¹⁹ против Уитерухи, против Луша, против Катарза, против царей страны Этнухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племя Уитерухи, племя Луша, племя Катарза, (а также)

подкрепления (?) многочисленных царей страны Этиухи...²⁰; список (?) ²¹ пришел оттуда в город Анаше:... тысяч 720 мужчин (?) ²²,... тысяч 670 женщин,... сот 26 коней, 13540 голов крупного рогатого скота. 20785 голов мелкого рогатого скота...²³.

Оборотная сторона... Город Анаше... Утеруки, Луша, Катарза; подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли (им) ¹⁸ на помощь.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?) ¹⁹ против Утеруки, против Луша, против Катарза, против царей страны Этиухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племя Утеруки, племя Луша, племя Катарза (а также) подкрепления (?) многочисленных царей страны Этиухи...²⁰; список (?) ²¹ пришел оттуда в город Анаше:... тысяч 720 мужчин (?) ²²,... тысяч 670 женщин,... сот 26 коней, 13540 голов крупного рогатого скота, 20785 голов мелкого рогатого скота...²³.

Кто эту надпись разобьет, кто (ее) (отсюда) похитит, кто в землю зарост, кто в воду бросит, кто (ее) место переменит, кто (ее) от солнца скроет ²⁴, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет (ему) «уничтожь (надпись)!»; кто другой скажет: «я совершил» (эти деяния), пусть его Халди, Тейшеба, Шивини не оставят на земле, (а также) ни (его) имя, ни (его) семья.

¹ Возможно, не та, а окончание какого-нибудь другого знака, например: ad t. ki, ku, la, tu, tu.

² Сохранился оканчивающий знак вертикальный клин.

³ Сохранился начинающий знак комплекса (рис. 31 табл. V); возможно: li, tu или la, не исключено и še.

⁴ В стк. 9—10 поврежденные места восстанавливаются в соответствии с параллельным местом в надписи № 23, стк. 4, где, повидимому, речь идет об этом же походе царя Ишпуини и Менуа (ср. также № 21, стк. 19).

⁵ Может быть, не ku, а ki или tu.

⁶ На эстампаже (см. CICH, табл. 4) в этой строке различаются несколько знаков (рис. 32); в CICH даются следующие чтения этой строки: [1] gi x ma [] ru tar: M. Церетели здесь читает: [a]-ni na-[a]-ru tar-[a-e] (RA, XXXII, стр. 72); нам кажется чтение M. Церетели неприемлемым: в этой строке, вероятно, говорилось о том же, о чем в 20-й строке надписи № 21, повествующей об этом же походе Ишпуини и Менуа, где в конце строки различаются знаки: ku (?) (рис. 33) qu ru [2—3 знака]. По контексту скорее всего здесь можно усмотреть наименование какого-нибудь пункта («города»); на этом основании и даются наши восстановления в этой надписи, а также в 20-й строке надписи № 21.

⁷ Перед не повреждены два знака; последний из них оканчивался вертикальным клином.

⁸ В CICH: li-li, но для восстановления двух знаков здесь вряд ли найдется место.

⁹ В CICH ошибочно восстановлено: [li].

¹⁰ Восстанавливает M. Церетели (RA, XXXII (1936), стр. 100).

¹¹ M. Церетели восстанавливает: ku-[lu] и усматривает в этом слове понятие «человек» (RA, XXXII, стр. 67). В отношении общего значения можно согласиться с этим мнением — здесь, повидимому, упоминается определенная категория людей, — но с восстановлением знака lu никак нельзя согласиться: в стк. 15 оборотной стороны отчетливо видны следы этого недостающего второго знака (рис. 34), что, конечно, никак не может быть lu; не исключена возможность усмотреть здесь идеограмму (рис. 35), которая, между прочим, засвидетельствована в значении ассирийского слова zikaru «мужской», «мужчина» (R. E. Brünnow, A classified list of all simple and compound cuneiform ideographs..., № 10609 стр. 432).

¹² Возможно, здесь стоял еще один знак.

¹³ M. Церетели в стк. 40—43 читает: [a-li ka]-am-ni LÜ-é-di-a-ni [LÜ-a-lu-e-ra]-a-ši-ni-e-i URU tu-uš-pa-a ERUM(?) ma-a-nu i-ni-ni gu-ur-da-[a]-ri-[(e)] (RA, XXXII, стр. 68).

¹⁴ Очевидно, высечено по ошибке вместо знака LÜ.

¹⁵ Начиная с этой строки, на фотоснимке эстампажа надписи, опубликованном в CICH, ничего нельзя разобрать; транскрипция этих последних строк надписи

дается здесь на основании транскрипции, данной в CICH по копии, снятой с оригинала экспедицией Леманн-Гаупта и Белька.

¹⁶ Подразумевается, что деяние, о котором идет речь ниже, царь Ишпуини и его сыны Менуа совершили для бога Халди.

¹⁷ *suidu(u)*; речь идет, повидимому, о походе против напавших на урартские границы северных племен У(и)теруки, Луша, и Катарза, к которым присоединились вожди («цари») многих других, более мелких, политических образований Этиуки (т. е. Южного Закавказья).

¹⁸ Т. е. племенам У(и)теруки, Луша, Катарза.

¹⁹ «Со своим оружием» — букв. «в своем оружии» (форма дательного падежа в значении местного падежа — см. выше, в грамматическом очерке).

²⁰ Смысл пропущенного нами в переводе места *ui meri iphari šairli*, возможно, состоит в указании на то, что имелись еще пленные и добыча, захваченные верх тех пленных и добычи, список которых был доставлен («пришел») в город Анаше, повидимому, являвшийся главной базой урартского войска во время этой военной экспедиции. Фразу *ui meri iphari šairli* М. Церетели переводит следующим образом: «Добыча была разделена» (РА, XXXIII, стр. 100).

²¹ Букв.: «надпись», «документ» (DUB-te) (ср. М. Церетели, РА, XXXIII (1936), стр. 100).

²² См. прим. 11.

²³ Смысл пропущенного здесь нами в переводе места (стк. 40—43 лицевой стороны и стк. 18—20 оборотной стороны) трудно установить. Этот комплекс встречается и в других надписях (№№ 24, 35, 38) и в нем, по всей вероятности, речь идет о судьбе (определенной части?) захваченной на войне добычи и пленных.

²⁴ «От солнца скроет» — букв.: «Отделит перед солнцем».

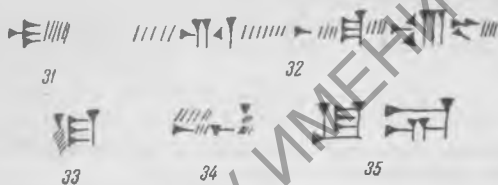

Таблица V. Рис. 31—35

21.

Надпись на камне (стеле). Найдена в церкви Сурб Ованес сел. Гюсненц, севернее Вана. CICH, 14, рис. 4 (стб. 35) (Ф, Т); И. П. Мещанинов, ДАН, В (1930), № 2: стр. 32—37 (А, Т, П); J. Friedrich, Einführung, № 10 (Т, П).

- 1 [^Dhal-di-i-e e-u-ri-i-e ^Iis-pu-ū-i-ni-[se]
 [^I]^Dsar₃-du-ri-e-hi-ni-se ^Ime-nu-ū-a-[se]
 [^I]s-pu-ū-i-ni-hi-ni-se i-ni pu-lu-si-^re¹
 [k]u-ū-i-tu-ū [^Dhal]-di-ni uš-ta-a-b[i]
- 5 [m]a-si-ni-e ^{GIS}sú-ri-^re¹ ka-ru-ni ^Iū-i-tè-ru-h[i]
 [k]a-ru-ni ^Ilu-ū-sá-a ka-ru-ni ^Ika-a-tar-za-[a]
^rD¹hal-di-ni ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GIS}sú-ri-[i]
 [k]u-ru-ni ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-si-[ni]
 [u]š-ta-a-li ^Ilu-sá-i-ni-e-[di]
- 10 [^I]s-pu-ū-i-ni-ni ^I^Dsar₃-du-ri-e-[hi]
 [^I]me-nu-ū-a-ni ^Iis-pu-ū-i-ni-[hi]
 [ma]-a-nu ^Iis-pu-ū-i-ni ku-ru-ni ^Ime-nu-ū-[a]
 [ku]-ru-ni hu-ra-di-na-a ^{LX}¹VI ^{GIS}GIGIR [^{MES}]
 [...L]IM IV ME ^{LX}¹PIT.HAL.LU ^{MES}X LIM V LIM VII ME LX
^{LÚ}ZAB [^{MES}]

- 15 ʔ¹lu-uš-ta-a-i-bi ^Dhal-di-[ni]
 [ʔ^Iis-pu-ú-i-ni-e ^ID sar₅-du-ri-e-hi-ni-[e]
 [ʔ^Ime-nu-ú-a ^Iis-pu-ú-i-ni-e-hi-ni-[e]
 [ʔ^Iú-i-tè-ru-hi ^Ilu-ú-sá-a ^Ika-a-tar-za-[a]
 [su-ú-i-du-tú-l]i ku-tè-tú pa-a-ri
 20 [ʔ^{URU}a-na-ši-e pa-ri ^{URU}k[u(?)]²-qu-ru [tar-a-e]³

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Уитерухи, победил племя Луша, победил племя Катарза. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) против Луша Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа — могуч; в войске (их насчитывалось): 66 боевых колесниц, ... тысяч 460 всадников (и) 15.760 (пеших) воинов. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Отбросили (они) Уитерухи, Луша, Катарза; дошли (?) (они) до городов Анаше и Большое Кукуру...

¹ Так у Мещанинова и Фридриха; CICH: XXX.

² Может быть, не ku, а ki или ti.

³ О наших восстановлениях в этой строке см. прим. 6 к надписи № 20.

22.

Надпись на верхней части стелы, найдена в церкви Сурб Погос в Ване. Надпись является дубликатом предыдущей надписи (№ 21).

Издана П. П. Мещаниновым, ДАН, В (1930), № 8, стр. 143—146 (А, Т, П).

- 1 [^Dhal-di-i-e [e-ú-ri-i-e ^Iis-pu-ú-i-n[i-se]
 [^ID sar₅-du-ri-e-hi-n[i-se] ^Ime-i-nu-ú-a[se]
 [^Iis-pu-ú-i-ni-[hi-ni] se i-ni pu-lu-si-^re¹
 [ku] ú-i-tú-ú-[ni] ^Dhal-di-ni uš-ta-a-b[i]
 5 [ma]-si-ni-e ^{GIS}sú-ri-^re¹ [ka]-ru-ni ^Iú-i-tè-r[u]
 [ka]-ru-ni ^Ilu-ú-sá-[a] [ka]-ru-ni ^Ika-a-tar-za-^ra¹
 [^Dhal-di-ni ku-ru-ni ^Dhal-di-ni ^{GIS}sú-ri-i
 [ku]-ru-ni ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni
 [u]š-ta-a-l[i] [^Ilu-sá-i-ni-e-d[i]
 10 [^Iis-pu-ú-i-ni-ni
 [^ID sar₅-du-ri-e-[hi]
 [^Ime-nu-ú-a-ni ^Iis-pu-ú-i-ni-[hi]
 [ma]-a-nú ^Iis-pu-ú-i-[ni]
 [ku]-ru-ni ^Ime-nu-a ku-ru-[ni]
 15 [hu]-ra-di-na-a ʔ^{LX} ʔ^{VI}^{GIS}GIGIR^{MEŠ}
 [...LIM] IV ME ʔ^{LX} PIT. HAL.LU^{MEŠ}
 [X LIM] V LIM VII ME LX^L ʔ^UZAB^{MEŠ}
 [ú-lu]-u[š]-t[a]-[a-i-bi]

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Уитеру, победил племя Луша, победил племя Катарза. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) против Луша Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 66 боевых колесниц, ... тысяч 460 всадников, 15.760 (пеших) воинов. Предшествовал (?) (бог Халди)...

23.

Фрагмент надписи, высеченной на строительном камне. Камень был заложен в кладку стены армянской школы в селении Топрах-кале, близ Алашкерта; в свое время он, несомненно, находился в кладке стены урартского сооружения. Текст, высеченный на нем, образовал лишь верхний левый угол надписи, которая, вероятно, продолжалась на соседних камнях, находившихся в кладке стены налево, а также ниже этого камня.

Н. Я. Марр, «Известия РАИМК», т. I (1921), стр. 51—60 (А, Т, П); СICh, 28 (Ф, Т). В СICh она издана как надпись, принадлежащая царю Менуа. Но, несомненно, это — надпись царей Ишпуини и Менуа и повествует о том же походе против стран Луша, Катарза и Уитерухи, о котором речь идет в надписях № 20, 21, 22 (об этом говорит 4-я строка надписи, аналогичная стк. 9—10 лиц стор. надписи № 20; ср. 20, оборотн. стор., стк. 1; 21, стк. 19—20). С привлечением текста этих последних мы и восстанавливаем продолжение строк данной надписи.

- 1 ḫal-di-ni uš-[t]a-be ma-[si-ni-e GIŠšú-ri-e ka-ru-ni lu-ú-ša-a ka-ru-ni
ka-tar-za-a ka-ru-ni lu-i-tè-ru-ḫi]
- 2 ḫal-di-ni ku[r]-u-ni ḫal-[di-ni GIŠšú-ri-i ku-ru-ni ḫal-di-ni-ni uš-ma-
ši-ni uš-ta-li iš-pu-ú-i-ni Dsar₅-du-ri-ḫi]
- 3 [I]me-nu-a-ni iš-pu-u-i-[ni-ḫi su-ú-i-du-tú lu-ú-ša-a ka-a-tar-za-a.....]
- 4 ku-ti¹-tú pa-ri URUa-na-ši-e-i [.....]

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Луша, победил племя Катарза, победил племя Уитерухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племена Луша, Катарза... дошли (?) (они) до города Анаше...

¹ В издании Н. Я. Марра, а также в СICh, этот знак ошибочно транскрибируется как ḫi.

24.

Харагонис (турецк. Карагюндюз) у Ерчек-гёла, восточнее Вана. Надпись на обеих сторонах большой стелы, нижняя часть которой отломана.

СICh, 15, табл. 43, 44 (Ф, Т). В нашем распоряжении находился также эстампаж обеих сторон стелы, хранящийся в Гос. Музее Грузии.

Лицевая сторона

- 1 ḫal-di-i-e e-ú-ri-i-e
iš-pu-ú-i-ni-še D sar₅-du-ri-[ḫi]-ni-še
me-i-nu-ú-a-še iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še
i-ni pu-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-ni
- 5 [D]ḫal-di-ni uš-ta-bi ma-s[i-ni-e GIŠšú-ri-e
[k]a-ru-ni URUme-iš-ta-n[i] ka-r[u]-ni KURbar-šú-a-i
[KUR]e-ba-a-ni-i ḫal-d[i]-ni ku-ru-ni
ḫal-di-ni GIŠšú-ri-i ku-ru-ni
ḫal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-ni

- 10 uš-ta-a-li URU^{me-e-is-ta-a-e-d[i]}
 [I]is-pu-ú-i-ni-ni ^{IrD}[sar₅-du]-ri-e-hé
 [I]me-i-nu-ú-a-ni ^Iis-pu-ú-i-ni-e-hé
 [ma]-a-nu ^Iis-[pu]-ú-i-ni ku-ru-ni ^Ime-nu-ú-a ku-ru-[ni]
 [L^U]hu-ra-di-na-a I ME VI ^{GIS}GIGIR IX [LIM] I (?)¹ ME LXXIV PIT. HAL.
 L[UMES]
- 15 II LIM VII ME IV L^UZAB^{MES} GIR^{II2} ^{MES} ú-[lu]-uš-[ta-a-bi ^Dhal-di-ni]
 [I]s-pu-ú-i-ni-e ^ID[sar₅-du-ri]-hi-ni-^re¹³
 [I]me-i-n[u]-ú-a ^Iis-pu-ú-i-n[i]-e-hi-ni-^re¹³
 [ha]⁴-a-i-tú URU^{me-i[s]-ta-a-ni} URU^{qu-ú-a-n[i]}
 [UR]U^{sá-a-ri-tú-ni} URU^{ni-i-gi-bi-i-n[i]}
- 20 [KUR]bar-sú-a-i KUR-ni nu-n[a]-[li] i[s]-t[i]-n[i]-n[i]⁵
 [.....LI]M IV ME LXXXIII⁶ [.....] [LI] M [...] ME [...]
 [.....] LIM VI LIM VI ME⁷ [.....] ^{MES}[.....]⁸^{MES}I LIM I ME XX ANSU. KUR.
 RA [^{MES}]
- [X LIM] II LIM ^{GUD}pa-a-hi-ni [...] [L]IM LXV ANSU. A. AB. BA [^{MES}]
 [...]a-ti-bi V LIM UDUM^{MES} ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-si-ni
- 25 [i-n]a-ni pa-ar-tú-ú ^Iis-pu-ú-i-ni-[se]
 [I]^D[sar₅-du-ri-e-hi-ni-še ^I[me-nu-a]-še ^Iis-pu-ú-[i-ni-hi-ni-še]
 [me]¹⁰-i a-li¹¹ KUR. KUR¹² ^{MES}(?)¹²-a še-i-ri-du-tú
 [i]-ú ^E. GAL^{MES} ^{áš-ú}-[la-a-ni]¹³ ... -am-ni] L^Uú-e-di-a-[ni]
 [...]a-ši-ni-[e-i] URU^{tu-uš-pa-i}¹⁴ [...]
- 30 [ma-a]-nu-ú i-ni-[ni gu-ur-da]-ri-^re¹⁴
 [^D]hal-di-i-e e-ú-ri-i-[e]
 [I]s-pu-ú-i-ni-[se] ^{ID}sar₅-du-ri-hi-ni-[se]
 [I]me-i-nu-ú-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-[se]
 [i]-ni pu-lu-si-[e k]u-ú-i-tu-ú-[ni]
- 35 [^D]hal-di-ni uš-ta-[bi ma]-si-ni-e ^{GIS}sú-ri-[e]
 [ka]-ru-ni URU^{me-is-[ta-ni k]a-ru-ni} KUR^{bar-sú-a-[i]}
 [KUR]e-ba-a-ni-i ^Dhal-di-ni ku-ru-[ni]
 [^D]hal-di-ni ^{GIS}sú-ri-i ku-ru-[ni]
 [^D]hal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-ni
- 40 [u]s-ta-a-li URU^{me-[e]-is-[ta-a]-e-[di]}
 [I]s-pu-ú-i-[ni-i-ni ^{ID}sar₅-du-ri-e-hé]
 [I]me-i-nu-ú-a-[ni ^Iis-pu-ú]-i-ni-e-[hé]
 [ma-a]-nu ^Iis-pu-ú-i-ni [ku-ru-ni ^Ime-nu-ú-a] ku-ru-[ni]
 [L^U]hu-ra-di-na-a I ME [VI^{GIS}GIGIR IX LIM I (?)¹ ME LXXIV PIT.
 HAL. LUMES]

Оборотная сторона

- 1 [^D]hal-di-i-e e-ú-ri-i-e
 [I]is-pu-ú-i-ni-še ^{ID}sar₅-du-ri-hi-ni-[se]
^Ime-i-nu-ú-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
 [i-ni] pu-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-[ni]
- 5 [^D]hal-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e ^{GIS}sú-ri-e
 [ka-r]u-ni URU^{me-[i]s-ta-n[i]}
 [ka-r]u-ni KUR^{bar-sú-a-i} KUR^{e-ba-a-ni-i}
 [^D]hal-di-ni ku-ru-ni ^Dhal-di-[ni]
 [^{GIS}]sú-ri-i ku-ru-ni

Фото № 3. Надпись № 24 лицевая сторона. Эстампаж музея Грузии

Фото 4. Надпись № 24 обратная сторона. Эстампаж музея Грузии

- 10 [D^hal]-di-ni-ni uš-ma-a-si-i-ni
[uš]-ta-a-li URUME-is-ta-a-e-di
[I]s-pu-ú-i-ni-ni I^Dsar₅-du-ri-e-hē
[me]-i-nu-ú-a-ni I^Is-pu-ú-i-ni-e-[hē]
[ma-a]-nu I^Is-pu-ú-i-ni ku-ru-n[i]
- 15 [I]me-i-nu-ú-a-ni ku-ru-n[i]
[L^ú]hu-ra-di-na-[a] I ME VI GIŠGI[GIR]
[IX LIM I (?)¹ MELXXIV] PIT. HAL. [LUMES]
II LIM VII ME IV^L[UZAB]^{MES}GIR^{II2} [MES]
[ú]-lu-[uš]-ta-bi D^hal-di-ni
- 20 [I]s-pu-ú-i-ni-e I^Dsar₅-du-ri-hi-ni-[e]³
[I]me-i-nu-ú-a I^Is-pu-ú-i-ni-e-[hi-ni-e]³
[ha⁴-a-i-t]ú URUME-is-ta-a-ni URUqu-ú-a-[ni]
[URU]sá-a-ri-tú-ni URUni-i-gi-bi-i-[ni]
[KUR]bar-sú]-a-i KUR^e-ba-a-[ni-i]
- 25 [nu-na]-a-li [is]-ti-i-ni-[ni]⁵
[...LI] M IV ME L(?) III¹⁵ [....]
[...L]IM VI L[IM] VI ME [....] MES [....]
[I LIM] I ME XX ANSU. KUR. RAMESX LIM II LIM GURpa-hi-n[i]
[...] LIM LXV ANSU. A. AB. BAMES
- 30 [...]¹⁶ a-ti-bi V [LI]M UDUM[ES]
[D^hal]-di-ni-ni uš-ma-si-ni i-na-ni pa-ar-tú-[ú]
[I]s-pu-ú-i-ni-se I^Dsar₅-du-ri-e-hi-ni-se
[I]me-nu-a-se I^Is-pu-ú-i-ni-hi-ni-[se]
[me]¹⁰-i a-li KUR.KURMES(?)¹³-a še-i-ri-du-tú [...]
- 35 [i]-ú E.GALMES áš-ú-la-a-n[i]¹³
[....] am-ni L^úú-e-di-a-ni
[...] a-ši-ni-e-i URUtu-uš-pa-i [...] ¹⁷
[ma]-a-nu-ú i-ni-ni gu-ur-da-ni-e¹⁷
[.....]

Лицевая сторона

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа — могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника, 2.704 пеших воина. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Завоевали они города Меишта, Куа, Шариту, Нигиби, (города) страны Баршуа. Досталось (букв. пришли) оттуда: ... тысяч 483 ... тысяч ... сот ... тысяч 6.600 ... 1.120 коней, 12000 голов крупного рогатого скота ... тысяч 65 верблюдов ... десять тысяч + 5000 голов мелкого рогатого скота. Могуществом бога Халди это увели Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, но что они выделили странам, когда они оставляли (завоеванные) крепости ¹⁸ ... ¹⁹

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч. Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника ...

Оборотная сторона

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника, 2704 пеших воина. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Завоевали они города Меишта, Куа, Шариту, Нигиби, (города) страны Баршуа. Досталось (букв. пришли) оттуда ... тысяч 453 ... тысяч 6600 ... 1.120 коней, 12.000 голов крупного рогатого скота ... тысяч 65 верблюдов ... десять тысяч — 5.000 голов мелкого рогатого скота. Могуществом бога Халди это увели Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, но что они выделили странам, когда они оставляли (завоеванные) крепости¹⁸ ...¹⁹.

¹ В CICH справедливо указывается на возможность присутствия здесь еще одного или двух вертикальных клиньев; тогда мы будем иметь не «I», а «II» или «III».

² В CICH этот знак ошибочно читается как идеограмма *qaštu* — «лук» (*AMELUŞÂBÊPI QASÂTIPi* — «лучники»), в то время как здесь, несомненно, стоит идеограмма «нога» — *GIRi* (т. е. *LÛZABMES GIRiMES* — «пешие воины»).

³ В CICH не восстанавливается; лишь в примечании указывается на возможность присутствия здесь знака *e* или *ni* (рис. 36, табл. VI); так как здесь контекст требует постановки соответствующих имен в дательном падеже, то с полным основанием можно восстановить форматив дательного падежа «е».

⁴ В CICH не восстановлено.

⁵ *nunali ishinini* — наше восстановление. В CICH: *nu xxxx ni -x*; после *nu* довольно отчетливо видны следы знака *na*; при повторении, на оборотной стороне стелы в этом месте можно разобрать: ... *a li... ti i ni...* Все это, а также аналогичное место в надписи № 20, лиц. стор., стк. 35, подтверждает правильность нашего восстановления.

⁶ Вслед за этим в CICH отмечается присутствие какого-то неразбираемого знака и идеограммы *GUD* — «бык», «крупный рогатый скот». Оставшиеся следы знаков не дают никакого основания для восстановления здесь этой идеограммы; это противоречит и контексту, так как среди добычи крупный рогатый скот упоминается несколько ниже (стк. 23). В этой и следующей (22-й) строках скорее всего указывается число пленных.

⁷ Вслед за этим в CICH стоит идеограмма «женщины» (*SAL*), но на фотоснимке (CICH, табл. 43, 44), так же как и на эстампаже Музея Грузии, этот знак нельзя разобрать.

⁸ Перед этим знаком в CICH транскрибируется: [] *LÛ*, но и этот знак на фотоснимке невозможно разобрать.

⁹ В CICH указано, что перед *LIM* можно предполагать присутствие знака для «III» или «IV».

¹⁰ Восстановил М. Церетели (РА, XXXIII (1936), стр. 136).

¹¹ В CICH ошибочно: *tu*.

¹² В CICH ошибочно: *ANŞU. KUR. RA* — «конь».

¹³ Так можно восстановить эту строку на основании широко распространенной в победных надписях формулы: *iû ebani asulabi*, и на этом же основании знак 37-й табл. VI прочесть не как *te*, а как *la* (и в других случаях *la* иногда имеет так

же форму) (ср. RA, XXXIII (1936), стр. 120, 132). В CICH здесь транскрибируется: [1—2] ú É. GAL áš ú te a ni.

¹⁴ Вслед за *gi*, как указывается в CICH, можно различить следы еще одного знака (рис. 38).

¹⁵ В параллельном месте на лицевой стороне стелы (стк. 21) стоит цифра: LXXXIII; возможно, одна из них — ошибка писца. В данной строке на фотоснимке ясно различаются следы какого-то знака (рис. 39) (L?, или может быть, LX?). Следующие за этим знаки в этой строке трудно разобрать. В CICH указывается: *x x še* [----].

¹⁶ В CICH перед этим указывается еще: [] 10, но на фотоснимке (CICH, табл. 44) ничего нельзя разобрать.

¹⁷ На эстампаже Музея Грузии различается знак 40 табл. VI.

¹⁸ Возможно, здесь речь идет о выделении царем части добычи и пленных тем «странам» (областям), воины которых участвовали в данном походе (см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 37).

¹⁹ В конце надписи и здесь (так же как в надписи № 20) стоит формула, точный смысл которой трудно установить. В ней, по всей вероятности, речь идет о судьбе (определенной части?) захваченной во время похода добычи и пленных (ср. № 20, прим 23).

Таблица VI. Рис. 36—40.

25.

Ашотакерт (Ашрут-дарга), около сел. Паган, у истока р. Котур (юго-восточнее Вана). Надпись на верхней части шипы, высеченной в скале.

D. H. Müller, *Die Keil-Inschrift von Aschrut-Darga, Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe*, т. 36, Wien, 1888, Zweite Abteilung, стр. 1—26 (Ф, А, Т, II); Sayce в журн. «Muséon», V (1886), стр. 374—378 (А, Т, II); Sayce, 58 (JRS, XX, 1888) (Т, II); Sandalgian, 43 (Т, II); CICH, 16, табл. 6 (Ф, Т).

- I 1 ^Dhal-di-i-e e-ú-ri-i-e ^Iis-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-ri-e-hi-ni-še ^Ime-nu-a-še
^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
 2 ^Dhal-di-e-i su-si ši-di-is-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni us-ma-si-ni ^Iis-pu-ú-i-ni-ni
^IDsar₅-du-ri-e-hé
 3 LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e
 a-lu-si ^{URU}tu-us-pa-a-URU te-ru-ú-ni ar-di-še
 4 qu-du-la-a-ni sú-hi na-a-si-e UDU. MÁŠ. TUR ^Dhal-di-e ni-ip-si-du-li-ni
 GUD ^Dhal-di-e
 5 ur-pu-ú-li-ni ^{GUD}ÁB ^Dú-a-ru-ba-ni-e UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ UDU
^Dhal-di-na-ú-e BE. LIMES
 II 6 ^Dhal-di-i-e e-ú-ri-i-e ^Iis-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-ri-e-hi-ni-še ^Ime-nu-a-še
^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
 7 ^Dhal-di-e-i su-si ši-di-is-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni us-ma-si-ni ^Iis-pu-ú-i-ni-ni
^IDsar₅-du-ri-e-hé
 8 LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e
 a-lu-si ^{URU}tu-us-pa-a-URU te-ru-ú-ni ar-di-še
 9 qu-du-la-a-ni sú-hi na-a-si-e UDU. MÁŠ. TUR ^Dhal-di-e ni-ip-si-du-li-ni
 GUD ^Dhal-di-e

10 ur-pu-ú-li-ni ^{GUD}ÁB ^Dú-a-ru-ba-ni-e UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ UDU
^Dhal-di-na-ú-e BE. LIMES

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, построили susi бога Халди. Могуществом бога Халди Ишпуини, сын Сардури, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, правитель Тушпа-города, установил (он) приказ:...¹ для бога Халди пусть будет зарезан (?) козленок, (а также) бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова — богине² Уарубани, овца — воротам бога Халди (и) овца — оружию бога Халди.

(Повторяется дважды)

¹ Оставлены нами без перевода слова *gudulani suhi nase* (может быть: *suhi nase*?). Гётце переводит: «in order that it should be followed (?) over the...» (RHA, 24 (1936), стр. 279 сл.).

² См. надпись № 27, прим. 22.

26.

Мохраберд, у южного побережья Ванского озера; надпись на строительном камне кубической формы (см. Belick, VBAG, 1901, стр. 290).

Н. Я. Марр, ЭВО, XXIV (1917), стр. 112 сл., табл. 2₁₋₂ (Ф, А, Т, П); CICH, 17, рис. 5 (стб. 39) (Ф, Т).

- I 1 [^Dhal-d]i-e e-ú-ri-[e]
 [^Iis]-pu-ú-i-ni-se
 [^I^Dsar₅]-du-ri-e-hi-ni-se
 [^Ime-nu-a]-se [^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-se
 5 [.....] i-ni-li KÁ si-dis (?)¹-tú-li
 [.....] ar-pa-a-ú-[e?] ²
 II [^Dhal-d]i-e e-ú-ri-e
 [^Iis]-pu-ú-i-ni-se
 [^I^Dsa]r₅-du-ri-e-hi-ni-se
 10 [^Ime-nu-a-se [^I] s-pu-ú-i-ni-hi-ni-se
 [.....] i-ni-li KÁ si-dis (?)¹-tú-li
 [.....] ar-p] a-a-ú-[e?] ²

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, ... эти ворота построили...

(Повторяется дважды)

¹ Так у И. М. Дьяконова (ЭВ, IV, стр. 104, прим. 4); Н. Я. Марр: *áš*; Леманн-Гаупт: *di-iš*.

² Восстанавливается нами по надписи № 89, стк. 8.

27.

Мхер-капуси («Дверь Мхера»). Надпись на стене ниши, высеченной в скале на юго-западной стороне Зымзымдага, около Вана.

Schulz, 17(A); Sayce, 5 (T, II); Sandalgian, 42—42* (T, II); CICH, 18, табл. 7, 8, 9, 10 (Ф, Т).

- I 1 [^D]hal-di-e e-ú-ri-i-e [^Iis-pu-ú-i-ni-se [^I^Dsar₅-du-ri-e-hi-ni-se [^Ime-nu-
 ú-a-še

- ^Ii [š]-pu-ú-i-ni-hi-ni-še i-ni-li KÁ za-a-du-ú-a-li te-ru-ni ar-di-še ^DUTU
ITU a-šu-še ma-nu-še
- ^Dhal-di-e-i ^DIM ^DUTU DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} VI UDU. MÁŠ. TUR
^Dhal-di-e ni-ip-si-di-'a-a-li
- XVII GUD^{MEŠ} XXXIV UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-e ur-pu-ú-e ^DIM VI GUD XII
UDU^{MEŠ} ^DUTU IV GUD VIII UDU^{MEŠ}
- 5 ^Dhu-tu-i-ni-e II GUD IV UDU^{MEŠ} ^Dtu-ra-ni-i-e GUD II UDU^{MEŠ}
^Dú-a II GUD IV UDU^{MEŠ} ^Dna-la-i-ni-e II GUD IV UDU ^Dše-bi-tú-ú-e
II GUD IV UDU ^Dar-si-me-la II GUD IV UDU
^D'a-na-ap-sá-a GUD II UDU ^Ddi-du-a-i-ni GUD II UDU ^DSIN GUD
II UDU ^Dhal-di-na-ú-e BE. LI^{MEŠ} GUD II UDU^{MEŠ}
^Dat-bi-ni-i-e GUD II UDU ^Dqu-ú-e-ra-a GUD II UDU ^De-li-ip-ri-e
GUD II UDU ^Dtar-ra-i-ni-e GUD II UDU^{MEŠ}
^Da-da-ru-ta-a GUD II UDU ^Dir-mu-ši-ni-e GUD II UDU DINGIR
a-lu-se ú-ru-li-li ú-e-ši-ú-a-li GUD II UDU^{MEŠ}
- 10 ^Dal-ap-tú-si-ni-e GUD II UDU ^De-ri-na-a GUD II UDU ^Dši-ni-ri-i-e
GUD II UDU ^Dú-ni-na-a GUD II UDU^{MEŠ}
^Da-i-ra-i-ni-e GUD II UDU ^Dzu-zu-ma-ra-e GUD II UDU ^Dha-a-ra-a
GUD II UDU ^Da-ra-za-a GUD II UDU ^Dzi-ú-qu-ni-e GUD II UDU
^Dú-ra-a GUD II UDU ^Dar-ši-be-di-ni-e GUD II UDU ^Dar-ni-i-e GUD
II UDU ^Dhal-di-ni i-ni-ni-a-ši-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni
al-su-i-ši-e GUD II UDU^{MEŠ}
- ^Dhal-di-ni di-ru-ši-i-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-na-ú-e ^{LU}A.SI^{MEŠ} II
GUD IV UDU^DIM^{LU} A.SI^{MEŠ} II GUD^{MEŠ} IV UDU^{MEŠ}
- ^Dar-tu-'a-ra-sa-ú-e II GUD^{MEŠ} XXXIV UDU^{MEŠ} URU ar-di-ni-na-ú-e
DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} URU qu-me-nu-na-ú-e DINGIR GUD II
UDU^{MEŠ} URU tu-uš-pa-ni-na-ú-e DINGIR GUD II UDU^{MEŠ}
- 15 DINGIR^{MEŠ} ^Dhal-di-ni-ni URU-ni GUD II UDU^{MEŠ} DINGIR^{MEŠ}
URU ar-šu-ni-ú-i-ni-ni GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni da-ši-i-e GUD
II UDU^{MEŠ} ^Dsú-ba-a GUD II UDU
^Dhal-di-na-ú-e KÁ GUD II UDU ^DIM KÁ URU e-ri-di-a-ni GUD II
UDU^{MEŠ} ^DUTU KÁ URU ú-i-ši-ni-ni GUD II UDU^{MEŠ} ^De-li-a-'a-a
GUD II UDU
- ^Dhal-di-ni ar-ni-i-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni uš-ma-ši-i-e GUD II
UDU DINGIR^{MEŠ} ^D(hal)-di-ni-ni su-si-ni GUD II UDU
- ^Dta-la-ap-ú-ra-a GUD II UDU ^Dqi-li-ba-ni GUD II UDU ^{KUR}e-ba-ni-
n[a-ú-e] DINGIR GUD II UDU ^{ŠADU}al-ga-ni-na-ú-e DINGIR
GUD II UDU
- ^Dsu-i-ni-na-ú-e DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} [DINGIR]^{MEŠ} at-qa-na-na-ú-e
II GUD^{MEŠ} XIV UDU ^D[..... r]a-ú-e II GUD XIV UDU
DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} IV GUD XVIII UDU^{MEŠ}

- 20 ^Dhal-di-ni ni-ri-bi-e IV UDU^{MES} ^Dú-a-i-na-ú-e KÁ^{URU} ni-si[...] ni II
 UDU^{MES} ^{SADU}ba-ba-na-ú-e X UDU
^Da-a-ru-ba-i-ni-e ^{GUD}ÁB UDU ^Dhu¹-ba-a ^{GUD}ÁB UDU ^Dtu-us-pu-e-a
^{GUD}ÁB UDU ^Da-ú-i-e ^{GUD}ÁB ^Da-i-a ^{GUD}ÁB
^Dsar-di-i-e ^{GUD}ÁB ^Dši-nu-ia-ar-di-e II UDU ^Dip-ha-ri 'II' UDU ^Dbar-
 ši-i-a UDU ^Dši-li-i-a UDU ^Dar-'a-a UDU
^Da-di-i-a UDU ^Dú-i-a UDU ^Da-a-i-na-ú-e IV UDU ^Dar-di-i-e II UDU
^Di-nu-a-na-ú-e XVII UDU
^Dhal-di-ni be-di-ni DINGIR^{MES} UKKIN be-di-ni ma-ni-ni ul-gu-še
^Iis-pu-ú-i-ni ^I^Dsar₅-du-ri-hi-ni ^Ime-nu-a ^Iis-pu-ú-i-ni-e-hi-ni
- 25 ^Iis-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-hi-ni-še a-li ^Ime-nu-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-hi-
 ni-še [...] ^Dhal-di-ni be-di sá-ni qa-ab-qa-ri-li²-ni e-'a
 DINGIR^{MES} UKKIN^{MES}
 III GUD XXX UDU ú-i [...] sù la³-ku-ni a-lu-ké ar-di-ni hu-ru-la-i
 [ši-li] gu-li ti-sù-ul-du-li-ni
^Iis-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-hi-ni-še ^Ime-nu-ú-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-[hi-ni-
 še] ^{GIS}ul-di-e sù-hé te-ru-ni ^Dhal-di-e ku⁴-ú-e
^{GIS}za-a-ri sù-hé te-ru-ni ú-i gi-e-i is-ti-n [i ši-i-d]a⁵-ú-ri ^Iis-pu-ú-i-
 ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-hi-ni-še
^Ime-nu-ú-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-hi-ni-še bur-ga-na-ni sù-hé te-ru-ni te-ru-ni
 ar-di-še a-še ^{GIS}^{MES} ú-i al-di-ni-i-e gu-du-ú-li
- 30 ^Dhal-di-e III UDU^{MES} TAG III UDU^{MES} DINGIR^{MES} UKKIN a-še
^{GIS}ul-di ta-nu-li ^Dhal-di-e III UDU TAG III UDU DINGIR^{MES}
 UKKIN^{MES} a-še ^{GIS}ul-di me-sù-li
^Dhal-di-e III UDU TAG III UDU DINGIR^{MES} UKKIN^{MES} GESTIN
 me-ši-i-ú-li-ni me-i e-ši-me-ši el-mu-š[e ma⁶]-a-nu-ú-ni
- II 32 ^Dhal-di-e e-ú-ri-i-e ^Iis-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-e-hi-ni-še
^Ime-nu-ú-a-še ^Iis-pu-ú-i-ni-e-hi-ni-še i-ni-li KÁ^{MES} za-a-tú-ú-li
 te-ir-tú ar-di-še ^DUTU-ni-ni ITU a-šu-ú-še ma-a-nu-še ^Dhal-di-e
- 35 ^DIM ^DUTU DINGIR^{MES} UKKIN^{MES} VI UDU.MÁŠ.TUR ^Dhal-di-e ni-
 ip-si-di-'a-[a-l]i
 XVII GUD XXXIV UDU ^Dhal-di-e ur-pu-ú-e VI GUD XII UDU
^DIM IV GUD VIII UDU ^DUTU
 II GUD IV UDU ^Dhu-tu-i-ni-e GUD II UDU ^Dtu-[ra-ni-i]-e
 II GUD IV UDU ^Dú-a II [GUD] IV UDU ^Dna-la-[i-ni]-e
 II GUD IV [UDU] ^Dše-bi-tú-ú-e II GUD IV UDU ^Da[r-si-me-la]-a
- 40 GUD II UDU ^Da-a-na-ap-šá-a GUD II UDU ^Ddi-e-du-[a-i-ni]-e
 GUD II UDU ^Dši-e-la-ar-di-e GUD II UDU ^Dhal-di-[na-ú-e] B[E].LIMES
 GUD II UDU ^Dat-bi-ni-i-e GUD II UDU [^D]qu-ú-e-ra-a
 GUD II UDU ^De-li-ip-ri-i-e GUD II UDU [^D]tar-ra-i-ni-e
 GUD II UDU ^Da-da-ru-ta-a GUD II UDU [^D]ir-mu]-ši-ni-e
- 45 GUD II UDU DINGIR a-lu-še ú-ru-li-[liú-e]-ši-(ú)⁷-a-li
 GUD II UDU ^Dal-ap-tú-ši-ni-e [GUD II] UDU ^De-ri-na-a

- GUD II UDU ^Dši-i-ni-ri-e GUD II [UDU ^D]ú-ni-na-a
 GUD II UDU ^Da-i-ra-i-ni-e GUD II [UDU ^Dzu]-zu-ma-a-ru-e
 GUD II UDU ^Dha-a-ra-a GUD II UDU ^Da-ra-za-a
 50 GUD II UDU ^Dz[i-q]u-ú-ni-i-e GUD II UDU ^Dú-ra-a
 GUD II UDU ^Dar-ši-be-di-ni-e GUD II UDU ^Dar-ni-i-e
 GUD II UDU ^Dhal-di-n[i] i-ni-ri-a-ši-e GUD II [UDU] ^Dhal-di-ni al-
 su-ú-ši-e
 GUD II UDU ^Dhal-di-n[i] di-ru-ši-i-e II GUD [IV UDU ^Dhal-d]i-na-
 ú-e LÚ A.SI^{MES}
 II GUD [IV UDU] ^DIM-na-^rú-e LÚ A.SI^{MES} II GUD XXXIV UDU
^Dar-^tu-'a-ar-sa-ú-e
 55 [II GUD IV UDU] ^{URU}ar-di-n[i-na]-ú-e DINGIR GUD II UDU^{URU}qu-
 me-nu-na-ú-e DINGIR
 GUD [II UDU^{URU}] ^tu-uš-pa-na-ú-e DINGIR GUD II UDU DIN-
 GIR^{MES} ^Dhal-di-ni URU
 GUD [II UDU DIN]GIR^{MES} ^{URU}ar-^šu-ú-ni-[ni] GUD II UDU ^Dhal-
 di-ni da-ši-i-e
 [GUD II UDU] ^Dšú-ú-ba-a GUD [II] UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ
 [GUD II UDU ^DIM] KÁ ^{URU}ir-di-ia GUD II UDU ^DUTU KÁ ^{URU}ú-
 i-ši-ni
 60 [GUD II UDU ^De]-li-a-'a-a GUD II UDU ^Dhal-di-[ni] ar-[ni]-i-e
 [GUD II UDU ^Dhal-di]-ni uš-ma-š[i]-i-e GUD II UDU DINGIR^{MES}
^Dhal-di-ni-ni su-ú-si-ni
 [GUD II UDU ^Dta-la]-ap-ú-[ra]-a GUD II UDU ^Dqi-li-ba-[ni]-e
 [GUD II UDU^{KUR}e-b]a-ni-[na-ú]-e DINGIR GUD II UDU ^{šADU}al-[ga]-
 ni-[na-ú]-e [DINGIR]
 GUD [II UDU ^Dšu-i-ni-na-ú-e DINGIR] II GUD XIV UDU DINGIR^{MES}
 at-qa-na-[na]-ú-e
 65 [II GUD XIV UDU^D ...]ra-ú-e IV GUD XVIII UDU [DINGIR^{MES}
 UKKIN]^{MES}
 [IV UDU^D hal-di-ni ni]-ri-bi-i G[UD] II UDU ^Dú-[a-i-na-ú-e]
 [KÁ^{URU}ni-ši]ni X UDU ^{šADU}ba-ba-[na-ú-e]
 [GUD^{AB}UDU ^Da-a-ru]-ba-a-ni-e GUD^{AB}UDU [^Dhu-ba-a]
 [GUD^{AB}UDU ^Dt^u-uš-pu-e-a GUD^{AB} ^Da-ú]-i-e GUD^{AB} ^D[a-i-a]
 70 [.]GUD^{AB} ^D[.]
 [.]ar-di-i-e[.]
 [. . .]a[.]^D[.]
 [.]UDU [.]^Da-di-[i-a . . .]
 [. . .]ú[.]e[.]
 75 [.]ú[.]
 [DINGIR]^{MES} [UKKIN]^{MES} be-di-ni [ma-ni-ni ul-gu-še]
 [^Iiš-pu-ú]-i-ni ^{ID}sar₅-[du-ri-^{hi}-ni]
 [^Ime-nu-ú]-a ^Iiš-pu-ú-i-ni-e-^{hi}-ni]
 [^Iiš-pu-ú-i]-ni-še ^{ID}sar₅-[du-ri-^{hi}-ni-še]
 80 [a-li ^Ime-nu]-ú-a-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-^{hi}-ni-še]

- [^Dhal]-di-ni be-di [šá-ni]
 [qa-ab-qa-ri-li]-ni e-'a DINGIR [^{MES} UKKIN^{MES}]
 [.] i-e ti ip na [.]
 [.] hu-ru-la-a-i si-li gu-ú-li [ti-sú-ul-du-li-ni]
 85 [^Iis-pu-ú-i-ni-se^{I D}] sar₅-du-ri-[hi-ni-se^Ime-nu-ú-a-se]
 [^Iis-pu-ú-i-ni]-hi-ni-se^{GIS} ul-[di-e sú-hé te-ir]-tú
 [^Dhal-di-e ku⁴-ú-e^{GIS}] za-ri-e [sú-hé te]-ir-tú
 [ú-i gi-e-i is-ti-ni si-i-da]-ú-ri [^Iis-[pu-ú-i-ni-se^{I D} sar₅-du-ri-hi]-ni-se
 [^Ime-nu-ú-a]-se [^Iis-pu-ú-i]-ni-e-hi-ni-se
 90 [. ar-di]-se a-se GIS^{MES} ú-i al-[di]-ni-i
 [. ur-pu]-ú-a-li III UDU DINGIR^{MES} UKKIN^{MES}
 [.] e ur-pu-[ú]-a-li
 [.] li III UDU^{MES} ^D[. . .] ur-[pu-a]-li
 [. . . me]-i e-si-m[e-si el]-mu-s[e] m[a⁶-a-nu-ú]-ni

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардур⁸ (и) Менуа, сын Ишпуини, эти ворота построили⁸ (и) установили⁹ приказ: . . .¹⁰ богов Халди, Тейшеба, Шивини, всех богов. 6 козлят богу Халди чтобы были зарезаны (?), 17 быков (и) 34 овцы богу Халди (в качестве) жертвы; богу Тейшеба — 6 быков (и) 12 овец, богу Шивини — 4 быка (и) 8 овец, богу Хутуини — 2 быка (и) 4 овцы, богу Турани — быка (и) 2 овцы, богу Уа — 2 быка (и) 4 овцы, богу Налани — 2 быка (и) 4 овцы, богу Шибиту — 2 быка (и) 4 овцы, богу Арсимела — 2 быка (и) 4 овцы, богу Анапша — быка (и) 2 овцы, богу Дитуани¹¹ — быка (и) 2 овцы, богу Шеларди (богу луны) — быка и 2 овцы, оружие бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Атбини — быка (и) 2 овцы, богу Куера — быка (и) 2 овцы, богу Элипри — быка (и) 2 овцы, богу Тарани — быка (и) 2 овцы, богу Адаруга — быка (и) 2 овцы, богу Ирмушини — быка (и) 2 овцы, богу, который . . . — быка (и) 2 овцы, богу Алаптушини — быка (и) 2 овцы, богу Эрина — быка (и) 2 овцы, богу Шинири — быка (и) 2 овцы, богу Уни — быка (и) 2 овцы, богу Аираини — быка (и) 2 овцы, богу Зузумару — быка (и) 2 овцы, богу Хара — быка (и) 2 овцы, богу Араза — быка (и) 2 овцы, богу Зиукуни¹² — быка (и) 2 овцы, богу Ура — быка (и) 2 овцы, богу Ардибедини — быка (и) 2 овцы, богу Арни¹³ — быка (и) 2 овцы, ^{GIS} бога Халди¹⁴ — быка (и) 2 овцы, величию бога Халди — быка (и) 2 овцы, ^{diruše} бога Халди — быка (и) 2 овцы, воинству бога Халди — 2 быка (и) 4 овцы, воинству бога Тейшеба — 2 быка (и) 4 овцы, богу ^{artu'ar(a)saue}¹⁵ — 2 быка (и) 34 овцы, богу города Ардини — быка (и) 2 овцы, богу города Кумену — быка (и) 2 овцы, богу города Тушна(и) — быка (и) 2 овцы, бога^м города бога Халди — быка (и) 2 овцы, бога^м города Арцуниунни¹⁶ — быка (и) 2 овцы, ^{daše} бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Шуба — быка (и) 2 овцы, воротам бога Халди — быка (и) 2 овцы, воротам бога Тейшеба города Эриди¹⁷ — быка (и) 2 овцы, воротам бога Шивини города Уишини — быка (и) 2 овцы, богу Элиа — быка (и) 2 овцы, милости бога Халди — быка (и) 2 овцы, могуществу бога Халди — быка (и) 2 овцы, бога^м ^{susi}¹⁸ бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Талапура — быка (и) 2 овцы, богу Килибани — быка (и) 2 овцы, богу стран — быка (и) 2 овцы, богу гор (?)¹⁹ — быка (и) 2 овцы, богу озер — быка (и) 2 овцы, бога^м жертвоприношений — 2 быка (и) 14 овец, богу . . . — 2 быка (и) 14 овец, всем бога^м — 4 быка и 18 овец, скоту (?) бога Халди — 4 овцы, воротам бога

Уа²⁰ города Ниши [] ни — 2 овцы, горам²¹ — 10 овец, богине²² Арубайни²³ — корову (и) овцу, богине Хуба²⁴ — корову (и) овцу, богине Тушпуеа — корову (и) овцу, богине Ауди — корову, богине Аиа — корову, богине Сарди — корову, богине Цинуиарди — 2 овцы, богине Ипхари — 2 овцы, богине Барциа — овцу, богине Силна — овцу, богине Ара — овцу, богине Адна — овцу, богине Уиа — овцу, богине айнае²⁵ — 4 овцы, богине Арди — 2 овцы, богине ицаанае²⁶ — 17 овец.

Со стороны бога Халди, со стороны всех богов да будет жизнь Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини.

Ишпуини, сын Сардури, говорит: Менуа, сын Ишпуини . . . а также все боги 3 быка (и) 30 овец . . . Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, повелели⁹ устройство (?) виноградики. Богу Халди также²⁷ устройство (?) сада повелели⁹ они. Ничего там (раньше) не было построено. Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, повелели постройку (?) крепости (?) (и) установили приказ: когда деревья . . . пусть будут преподнесены в жертву богу Халди — 3 овцы (и) 3 овцы — всем (другим) богам; когда виноградник . . . пусть будут преподнесены в жертву богу Халди — 3 овцы (и) 3 овцы — всем (другим) богам; когда виноградник . . . богу Халди пусть будут преподнесены в жертву 3 овцы (и) 3 овцы (всем) другим богам. Вино . . .

(Текст повторяется дважды)

¹ Так мы читаем на основании фотоснимка эстампажа, опубликованного в CICH. В транскрипции в CICH, а также в других изданиях надписи ошибочно: ba.

² В CICH ошибочно: da (ср. RA, XXXIII (1936), стр. 134).

³ В CICH: te и указывается, что la ошибочное чтение Сэйса. Но, во-первых, здесь стоит la в своей обыкновенной, наиболее распространенной форме (𐎶𐎵) и, во-вторых, из урартских текстов неизвестен корень teku, в то время как глагольная основа laku- засвидетельствована в надписях (например, № 169, стк. 7,18: lakuiani, lakudule).

⁴ По эстампажу (CICH, табл. 8) скорее так, чем lu. В CICH транскрибируется: lu-ú-e-se; последнего знака (se) также нельзя разобрать на эстампаже (см. там же; ср. М. Церетели, RA, XXX (1933), стр. 40). В соответствии с этим даются восстановления в стк. 87.

⁵ Восстанавливается по оставшимся следам этого знака (𐎶𐎵𐎶𐎵𐎶𐎵); поэтому и впереди него нетрудно восстановить si (или si-i). В CICH: is-ti-ni 2]x-ú-ri.

⁶ Восстанавливается нами на основании параллельного места в надписи № 169, стк. 13.

⁷ Добавляется нами по стк. 9.

⁸ В «основном» тексте: zaduali (3-е лицо ед. ч.), при повторении же — zatuli (форма 3-го лица мн. ч.). Как нам кажется, в «основном» тексте в глагольной суффиксации нашли свое выражение нормы мусасирского говора урартского языка (См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41 сл., а также выше — в очерке урартской грамматики).

⁹ В основном тексте: teruni; и здесь, повидимому, следы мусасирского говора (см. там же).

¹⁰ Мы оставляем без перевода фразу: ^DUTU-(nini) ITU ašuse manuse — возможно, ее смысл состоит в том, что указывается на ежемесячный характер установленных урартским царем жертвоприношений разным урартским богам (в построенном здесь храме — «воротах») — ср. Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы социально-экономической истории Нагри-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 34. К переводу данного комплекса см. А. Гётце, RHA, 24, стр. 28; М. Церетели, RA, XXXIII, стк. 124; он же, RA, XLV (1951), № 4, стр. 196.

¹¹ При повторении: ^Ddi-e-du-[a-i-ni]-e, т. е. «богу Дедуайни».

¹² При повторении: «Зикунни».

¹³ Ср. agni «милость».

¹⁴ Согласно М. Церетели, урартское iniriase означает: «божество»; здесь он переводит: «божество Халди» (см. RA, XXX, стр. 17, прим. 1 и др.).

¹⁵ artu'ar(a)sae скорее какое-нибудь нарицательное имя (основа artu'ar(a)si?) в родительном падеже мн. числа, а не название конкретного божества artu'ar(a)sau.

¹⁶ При повторении: «Арцуни»; по всей вероятности, здесь перед нами не собственное, а какое-нибудь нарицательное имя.

¹⁷ При повторении: «воротам бога Тейшеба в город Ирдиа».

¹⁸ Название определенного вида культовых сооружений.

¹⁹ *algani*.

²⁰ *Duainaue*: от *Dua* (см. стк. 6) — *Dua-ini-li KA*.

²¹ *babanaue* — дательный падеж мн. числа от *baba* «гора».

²² Начиная с этого места, как нам кажется, в надписи начинается перечисление богинь, которым, в отличие от божеств мужского пола (им урартийцы предназначали в жертву козлят, быков и овец, второстепенным — лишь овец), посвящались в жертву коровы и овцы (второстепенным лишь коровы или овцы). Перечисление богинь начинается с *'agubaini* (вар. *agubani*, см. в надписи № 25), являющейся, по всей вероятности, верховной богиней Урарту, супругой бога Халди (см. их совместное упоминание в надписях №№ 25, 65, ср. также № 143, стк. 3). На втором месте упоминается богиня Хуба (см. выше, прим. 1), супруга бога Тейшеба, занимавшего в урартском пантеоне второе место («Хепа» хурритского пантеона — верховная богиня хурритов, супруга верховного бога хурритов Тешуба). На третьем месте среди богинь упоминается Тушпуеа, по всей вероятности, супруга бога солнца Шивини, занимавшего в пантеоне третье место (ср. название столицы Урартского царства Тушпа — древнейшего центра культа бога солнца — см. Г. А. Меликишвили, «Сообщения АН Груз ССР», VII, № 6, стр. 405 — 411; ВДИ, 1947, № 4, стр. 23 — 26).

²³ При повторении: «Арубани».

²⁴ См. примеч. 1 и 22-е.

²⁵ Повидимому, это имя божества является каким-то нарицательным именем (стоит в родительном падеже мн. числа; основа *aini*?).

²⁶ Повидимому, и это имя божества является каким-нибудь нарицательным именем (основа — *inuani*?)

²⁷ *kie*.

